

ISSN 0132-1366

№

Аль

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

из собрания

СЛАВЯНО ·

2000

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2000

МАЙ •

ИЮНЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

- Задорожнюк Э.Г.* (Москва). Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) 3
- Коровицына Н.В.* (Москва). Самая "бархатная" революция: "чешский человек" на фоне общественных перемен 16
- Энгельгардт Г.Н.* (Москва). Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию 27
- Костюшко И.И.* (Москва). К вопросу о польских военнопленных 1920 года 42
- Шмякин А.Л.* (Москва). Русофильство Николы Пашича: Оценки исследователей и подлинная природа 63

СООБЩЕНИЯ

- Матвеева А.Г.* (Москва). Политика правительства Каприви в сфере преподавания польского языка в Познанской провинции в 1890–1894 годах 71
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* (Москва). Литературное наследие "православных поляков" 81

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Зудинов Ю.Ф.* Блгария в сферата на съветските интереси. Кръгли маси "Съветският фактор в развитието на Блгария след 9 септември 1944 година", "Коминтернът, Коминформбюро и Блгария" 90
- Стыкалин А. Е.Ю.* Сергеев, Ар.А. Улуян. Не подлежить оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914 гг. 92
- Мельников Г.П.* Роль религии в формировании южнославянских наций 95
- Шанишева Л.Н.* Н.В. Коровицына. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века 99
- Троценков К.В.* K. Rogaczewska. Niemcy w myśli politycnej polskiej opoysji w latach 1976–1989 101

<i>Шерлаимова С. А. Kusák. Kultura a politika v Československu, 1945–1956</i>	104
<i>Венедиктов Г.К. Македония: проблемы истории и культуры</i>	109
<i>Смирнов Л. Словацкая книга XVIII – начала XX в. в Славянском фонде БАН</i>	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Досталь М.Ю. Чтения в Абрамцево, посвященные 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина</i>	115
<i>Сератионова Е.П. Международная научная конференция "Демократическая революция в Чехословакии 1989 года. Преподпосылки, ход и непосредственные результаты"</i>	116

PERSONALIA

<i>Боброва С.П. Памяти Нины Тимофеевны Сапроновой (1928–1999)</i>	119
<i>Костюшко И.И., Майорова О.Н. Памяти Прохора Николаевича Ольшанского (1913–1999)</i>	120
<i>Носов Б.В. Памяти профессора Ханса-Иоахима Торке</i>	121
<i>Памяти Збигнева Ярославского (1946–2000)</i>	122
<i>Новые издания Института славяноведения РАН</i>	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, В.К. ВОЛКОВ, Р.П. ГРИШИНА,
А.А. ГУГНИН, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ, Г.П. МЕЛЬНИКОВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ,**
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

© 2000 г. Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

РЕВОЛЮЦИИ 1989 ГОДА И ПОВОРОТ К НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ГОРБАЧЕВ-ФОНДА)

Десятилетие со времени революций 1989 г. в странах Центральной Европы не стало большим праздником и в каждой из них, и в регионе в целом. Одна из главных причин – слабая определенность будущих перспектив развития этих стран. Как показывает архивный материал (в статье использованы документы Архива Горбачев-Фонда), подобная неопределенность имела место и десятилетие назад, когда неизбежность смены идентичности в поясе государств от Балтики до Адриатики была очевидной, пожалуй, лишь в одном: каждая из стран региона, и регион в целом, переставали быть "оплотом социализма" в Европе.

Вводимые впервые в научный оборот документы Архива Горбачев-Фонда дают возможность проследить выработку стратегии и тактики принятия на рубеже 1989–1990 гг. важнейших политических решений, которые, как выяснилось спустя десять лет, оказали и продолжают оказывать ключевое воздействие на судьбы не только рассматриваемого региона, а также европейского континента, но и мира в целом. Так, политическими лидерами и Востока, и Запада разрабатывались различные концепции будущего Европы. По документам можно обнаружить интерес советских руководителей к идеям конфедерации западноевропейских государств, европейской федерации Ф. Миттерана [1. Ф. 1. Оп. 1. 26 II 1990] и других, а также проследить собственные инициативы в этом направлении ведущих советских политиков, в первую очередь М.С. Горбачева.

Перестройка в СССР предполагала реформы не только внутри страны, но и изменения в сфере международной жизни. При этом ключевой являлась идея "общеевропейского дома" М.С. Горбачева [2], поддержанная политиками самого высокого ранга. На встрече 8 июля 1989 г. "в узком составе" лидеров коммунистических и рабочих партий стран Организации Варшавского Договора (ОВД) в Бухаресте М.С. Горбачев подчеркивал, что назрел переход от складывавшегося десятилетиями международного порядка к новому: "И каким будет этот другой порядок, во многом зависит от процессов развития социалистических стран" [1. Ф. 1. Оп. 1. 8 VII 1989].

Несколько позднее советский руководитель более четко увязал два процесса: фундаментальные преобразования в странах региона и движение к "общеевропейскому дому". Во время беседы с министром иностранных дел Франции Р. Дюма 14 ноября 1989 г. Горбачев предложил поставить в центр разговора "обмен мнениями – в широ-

Задоржнюк Элла Григорьевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 99-03-19615а).

ком плане – о происходящих в настоящее время переменах в Европе и мире. Надо постараться понять, каков их истинный характер.

Возникает вопрос: приближают или отдаляют нас от общеевропейского дома перемены? (курсив наш. – Э.З.) [1. Ф. 1. Оп. 1. 14 XI 1989]. На этот вопрос сам он ответил в том плане, что "в целом общая направленность изменений в СССР, в странах Восточной Европы отвечает нашей общей цели – задаче строительства общеевропейского дома" и что "эти события сближают европейские страны, которые становятся более открытыми по отношению друг к другу. Между ними улучшается взаимопонимание в человеческом смысле этого слова". "С этой точки зрения, – заявил Горбачев, – смотрю на позицию Запада. Мне думается, Запад должен приветствовать эти процессы. И это мы наблюдаем". В ответ прозвучали следующие заверения Дюма: "В поддержке Франции вы можете быть уверены" [1. Ф. 1. Оп. 1. 14 XI 1989].

Можно, на мой взгляд, даже говорить о резкой интенсификации к концу 1989 г. обсуждения проблем будущего Европы во время встреч, переговоров и телефонных бесед Горбачева с лидерами западноевропейских государств. Так, в ходе той же встречи Горбачева и Дюма последний выразил пожелание узнать, как собеседник видит движение в направлении нового европейского порядка в сложившейся к тому времени ситуации, исходя из интересов обеспечения стабильности и мира. "Это, – подчеркнул Дюма, – переключается с Вашими идеями общеевропейского дома. Ведь мы в Западной Европе уже построили первый этаж такого дома – западноевропейскую интеграцию". Реакция Горбачева: "Это всего лишь отсек". Дюма уточнил: "Да, это можно назвать отсеком. Но если мы будем строить следующие этажи, надо иметь общую архитектуру, концепцию, постараться, чтобы этажи были совместимыми" (курсив наш. – Э.З.) [1. Ф. 1. Оп. 1. 14 XI 1989].

Таким образом, сходство позиций в видении перспектив развития Европы тогда было очевидно. Но эти обнадеживающие проекты, как показывает обзор дальнейших документов, получали со временем все более расходящееся толкование, что в немалой степени предопределило позиции новой генерации лидеров стран Восточной Европы, которая в геополитическом плане вновь становилась Европой Центральной.

Возникают вопросы: а занимал ли какое-то место в архитектуре общеевропейского дома этот трансформировавшийся регион? Намечались ли пути или хотя бы контуры его дальнейшего развития? Документы дают на этот вопрос однозначно положительный ответ. Записи переговоров Горбачева показывают: на них в первую очередь, хотя, быть может, иногда и косвенно, затрагивалась организационная структура региона. Показательны в этом плане позиции Польши и Чехословакии.

24 ноября 1989 г. – спустя всего десять дней после переговоров с Р. Дюма – в Москве состоялась встреча М.С. Горбачева с премьер-министром Польши Т. Мазовецким, представителем победившей в стране антикоммунистической оппозиции. Он, в частности, подчеркнул: "Хотел бы вновь подтвердить то, что я заявлял уже в сейме: *Польша и впредь намерена соблюдать свои союзнические обязательства, в том числе и по Варшавскому Договору и в СЭВ* (курсив наш. – Э.З.)". Более того, Мазовецкий детализировал свою позицию следующим образом: "В связи с Вашей идеей общеевропейского дома хотел бы заметить, что в этом доме у нас с Вами квартиры на одной лестничной площадке" [1. Ф. 1. Оп. 1. 24 XI 1989].

В беседе М.С. Горбачева с В. Гавелом 26 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии: "Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского Договора и НАТО... Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. *Варшавский Договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности* (курсив наш. – Э.З.). Словом, надо поставить точку под второй мировой войной и ликвидировать поло-

жение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР" [1. Ф. 1. Оп. 1. 26 II 1990].

Таким образом, лидеры Польши и чехословацкого государства, уже весной 1990 г. сменившего свое название на ЧСФР или Чехо-Словакию, несмотря на отказ от социалистической идеи¹, продолжали по-прежнему связывать центральноевропейский регион с организационной структурой ОВД.

Надо отметить созвучность этих заверений Т. Мазовецкого и В. Гавела позиции Дж. Буша, которую американский президент занимал в конце 1989 г. Эта позиция была доведена до сведения советской стороны Л. Горовицем, ближайшим сотрудником сенатора-демократа Э. Кеннеди (Горовиц встречался по просьбе Кеннеди с В.В. Загладиным). Из записи краткого содержания этой беседы (предположительно от 11 декабря 1989 г.) следует, что Буш придавал германской проблеме особое значение. Горовиц подчеркнул: «Во всяком случае, по мнению президента, в нынешних условиях необходимо сохранение двух военных союзов и установление более тесных контактов между ними, а также ускорение европейской интеграции (даже несмотря на сопротивление Тэтчер), ибо оба эти инструмента способны, по его (т.е. Дж. Буша – Э.З.) мнению, "сдержать" немцев» [1. Ф. 3. Оп. 1. 11 XII 1989].

Следовательно, дистанцирование от советской модели общественного развития не предполагало в тот период автоматического отказа от старой региональной идентичности или, по меньшей мере, от ее организационных форм. Но уже шли подсудные процессы, которые подготовили феномен достаточно неожиданной смены геополитических ориентиров во всех странах, расположенных между границами СССР и Западной Европы, причем серьезнейшую роль в этих процессах, как показали дальнейшие события, сыграла ФРГ.

Таким образом, организационная структура региона, несмотря на отказ от социалистической идеи новых руководителей составлявших его стран, в первую очередь из северного субрегиона, продолжал и западными политиками, и политиками самого этого региона инерционно связываться ОВД. Характерно, что здесь демонстрировалось весьма примечательное единодушие ведущих западных политиков и лидеров самого формирующегося центральноевропейского региона, по крайней мере, на уровне заявлений. Как свидетельствуют архивные документы, на встречах в верхах вопрос об альтернативных организационных структурах региона в конце 1989 – начале 1990 г. не только не обсуждался, но даже не ставился.

Что же тогда послужило началом процесса формирования новой региональной идентичности, если последнюю трактовать, что было предложено мною, как "осознание принадлежности к определенному единству, как тождественность основных целей, которые преследуют составляющие это единство народы и государства" [3]. Устремления каких политиков привели к тому, что в фундаменте еще не построенного и даже слабо спроектированного "общеевропейского дома" стало неизбежным появление трещины?

Отвечая на эти вопросы, нельзя ограничиться чем-то одним, хотя уместнее всего, видимо, начать с рассмотрения количественных параметров: на конец 1980-х годов регион включал восемь стран, в том числе ГДР, 3 октября 1990 г., после объединения ФРГ и ГДР, их стало семь, а с лета 1991 г., после провозглашения независимости Словенией и Хорватией, – уже больше восьми. Следует заметить, что одной из первых признать эту независимость поспешила та Германия, которая свои границы как раз расширила. Еще один симптоматичный факт: парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость своих республик 25 июня 1991 г., а 28 июня подпи-

¹ На встрече с Горбачевым Гавел заметил: «Если в советской печати появится утверждение, что Гавел ликвидирует социализм, это будет неправдой. Правда в том, что мы хотим изъять слово "социалистическая" из названия нашей республики. Дело в том, что само слово "социализм" стало у нас символом беспорядка и безответственности и таким образом утратило в контексте нашей реальности свое первоначальное значение. Может быть, в будущем социал-демократы и придадут этому слову адекватный смысл, и я буду этому только рад» [1. Ф. 1. Оп. 1. 26 II 1990].

сывается будапештский протокол о роспуске СЭВ, 1 июля – пражский протокол об упразднении ОВД. Причем – и это следует подчеркнуть особо – мотивируется подобный шаг решением способствовать постепенному "переходу к общеевропейским структурам безопасности" [4].

На проводившихся же на высшем уровне переговорах в 1989–1990 гг. неоднократно подтверждалась неизменность количественного состава региона. Процессы распада федеративных государств – СФРЮ и ЧСФР – тогда не предвиделись, хотя какие-то подвижки в данном направлении отмечались² и имели место, по всей видимости, не оказываясь без поддержки со стороны консолидировавшихся государств Западной Европы. Позицию Германии канцлер Г. Коль в состоявшемся 11 октября 1989 г. телефонном разговоре с М.С. Горбачевым выразил в следующих словах: "Хотел бы заверить Вас, что ФРГ ни в коей мере не заинтересована в дестабилизации ГДР, не желает ей плохого. Мы надеемся, что развитие там не выйдет из-под контроля, что эмоции последнего времени улягутся. Единственное, чего нам хочется – это то, чтобы ГДР присоединилась к вашему курсу, курсу прогрессивных реформ и преобразований. События последнего времени подтверждают, что ГДР уже созрела для этого. Что касается ее населения, то мы за то, чтобы жители ГДР *оставались у себя дома* (курсив мой. – Э.З.). Мы не собираемся их будоражить, склонять к каким-то действиям, за которые нас потом стали бы упрекать" [1. Ф. 1. Оп. 1. 11 X 1989].

Ровно через месяц, 11 ноября 1989 г. (т.е. уже после разрушения 9 ноября Берлинской стены), по просьбе Коля состоялся еще один его телефонный разговор с Горбачевым. В этот момент канцлер прервал свой визит в Польшу в связи со сменой руководства в ГДР. "Хотел бы подчеркнуть, – заверял он советского руководителя, – что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях. Я, в частности, отвергаю какую-либо радикализацию, в любой форме... Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома, и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, как утверждают некоторые, что мы не смогли бы решить возникшие в этом случае проблемы – так, в этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тыс. чел., и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдным развитием – мы хотим, чтобы немцы у себя дома строили свое будущее... (курсив мой. – Э.З.)" [1. Ф. 1. Оп. 1. 11 XI 1989].

Заметим, что словами о том, что жители ГДР должны "оставаться у себя дома" и там "строить свое будущее", Г. Коль стремился "успокоить" Кремль, который отнюдь не выражал восторга обострением в то время проблемы восточногерманских беженцев вообще и открытием для последних венгерской границы в частности. Беспрецедентное решение об этом без согласования со "старшим братом" венгерские коммунисты приняли уже 24 августа 1989 г. в результате контактов, по свидетельству Дж. Бейкера, между Г. Кодем, с одной стороны, и премьер-министром ВНР М. Неметом и министром иностранных дел Д. Хорном – с другой [5].

Интересующая нас проблема обсуждалась, разумеется, не только с представителями ФРГ. Затрагивалась она и в ходе визита М.С. Горбачева во Францию. "Позиция Франции, – заявил, в частности, президент Ф. Миттеран 14 ноября 1989 г. – такова: мы хотели бы избежать любого срыва. Мы осознаем, что надо принимать во внимание реально существующие народные настроения как в Западной, так и Восточной Германии. Вместе с тем я не думаю, что сейчас может реально встать вопрос об изменении границ – по крайней мере вплоть до определенного времени ... Убежден, что нельзя совершать необдуманные действия, которые могли бы дестабилизировать обстановку.

² В ходе встречи руководителей коммунистических и рабочих партий стран ОВД 8 июля 1989 г. в Бухаресте М. Якеш, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, обратил внимание на ирредентистские и сепаратистские взгляды, подчеркнув, что перестройка "по сути дела везде обнажает националистические проявления. В связи с этим всем нам надо противодействовать росту национализма" [1. Ф. 1. Оп. 1. 8 VII 1989].

В Европе существует определенное равновесие и его нельзя нарушать..." [1. Ф. 1. Оп. 1. 14 XI 1989].

Позиция Великобритании проявилась на встрече советского лидера с послом Р. Брейтвейтом (17 ноября 1989 г.), когда последний особо подчеркнул, что "со стороны всех – и моего правительства, и наших союзников – присутствует очень хорошее понимание, что нельзя вмешиваться в дела ГДР, даже не давать поводов, которые могли бы быть расценены как вмешательство или как посягательство на безопасность ГДР, вообще стран Варшавского Договора, на вашу безопасность. Это главное – чтобы не было вмешательства ни с чьей стороны". И далее: "Воссоединение – это не вопрос для сегодняшнего дня и даже дня завтрашнего" [1. Ф. 1. Оп. 1. 17 XI 1989].

Американская позиция достаточно определенно прослеживается на переговорах М.С. Горбачева и Дж. Буша 2–3 декабря 1989 г. на Мальте. В ходе четырех встреч (две из них проходили один на один) лидеры сверхдержав обсудили комплекс сложнейших проблем мировой политики, в том числе и события в странах Восточной Европы. В первой беседе 2 декабря один на один сюжеты о Восточной Европе, в частности о Германии, были предварены обсуждением событий в регионе казалось бы, весьма удаленном от Восточной Европы, – на Филиппинах. Советский лидер высказал отрицательное отношение СССР к оказанию американцами помощи президенту Филиппин К. Акино по ее просьбе: «Уже начинают поговаривать, что на смену "доктрине Брежнева" появляется "доктрина Буша"» [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989]. Дж. Буш отрицал справедливость подобных параллелей между событиями на Филиппинах (попытка военных свергнуть законного президента К. Акино) и в восточноевропейском регионе. На что Горбачев заметил: "... В Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же, как действует президент Буш?". "Иногда приходится слышать, – продолжал Горбачев, – что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы происходят в конституционной форме".

Реакция президента США в комментариях не нуждается: "Я бы сказал больше: именно благодаря Вам они (т.е. изменения в странах Восточной Европы. – Э.З.) протекают мирным путем" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989]. Горбачев счел нужным тут подчеркнуть, что советская сторона выступает за мирные перемены: "Мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне, решают как им быть" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989]. Этот момент Горбачев затронул, конечно же, не случайно.

На продолжившихся в тот же день переговорах, но теперь уже в расширенном составе, Горбачев вернулся к теме "невмешательства" в обобщенном контексте: "Ставка на игнорирование внутренних процессов, нежелание учитывать реальные интересы США в мире – это опасная политика. Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть еще желание учить, давить, наступать на горло. Это еще есть. Мы все это знаем. Поэтому я хотел бы услышать Ваше мнение на этот счет. Ведь речь идет о том, как строить мост между нашими странами: через реку или вдоль" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989].

В первой один на один беседе с Бушем Горбачев затронул германский вопрос, заявив следующее: "У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно. Как бы ни получилось так, что тема воссоединения будет эксплуатироваться в предвыборных целях, что будут учитываться не стратегические факторы, а влияние момента... Но нам с Вами очень важно довести до сведения всех, что определенные действия могут нанести ущерб позитивным процессам, более того, поставят под вопрос очень важные и серьезные вещи, в том числе доверие к правительству ФРГ. Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас

обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989].

По мнению Буша, в действиях Коля большую роль играла "эмоциональная реакция" на развертывающиеся события. "Коль, – как он заметил, – знает, что некоторые западные союзники, на словах выступая в поддержку воссоединения, если того захочет народ Германии, встревожены этой перспективой". Подобного рода перспективы вызвали тревогу и у Горбачева, при этом, как он отметил, "эта точка зрения была сообщена ему (т.е. Колю. – Э.З.)". "Но в отличие от ваших союзников и Вас, – заявил советский лидер, – я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира ... В общем, это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались". Ответ американского президента – и это следует подчеркнуть особо – был следующим: "Согласен. Мы не пойдем на какие-либо опрометчивые действия, попытки ускорить решение о воссоединении" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989].

3 декабря, на следующий день переговоров в расширенном составе Буш, видимо после консультаций со своими советниками, еще раз вернулся к германской проблеме. "Вчера в беседе с глазу на глаз, – сказал он, – мы обсудили, хотя и не вдаваясь в детали, проблему воссоединения Германии. Я надеюсь, вы понимаете, что от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения. В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная. Подчеркиваю этот момент... Мы хорошо понимаем значение раздела Хельсинкского Акта о государственных границах в Европе. Разумеется, я готов ответить на любые Ваши вопросы. Меня же лично больше всего интересует, как Вы рассматриваете возможность движения за пределы статус-кво". Нетрудно заметить в словах американского президента элементы зондажа. Однако позиция главы Советского государства на этот счет отличалась четкостью и недвусмысленностью. Горбачев высказался за "консенсуальный подход", что в его понимании означало "вести дело к продолжению и развитию Хельсинкского процесса, а отнюдь не к разрушению созданного на его основе" [1. Ф. 1. Оп. 1. 3 XII 1989].

Советский лидер поделился своими соображениями относительно перспектив ОВД, НАТО, СЭВ и Общего рынка. "Тут также, – подчеркнул он, – требуется взвешенный и ответственный подход. Иначе нынешняя положительная направленность процесса перемен может превратиться в свою противоположность, привести к подрыву стабильности. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокращать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. Использовать их для укрепления безопасности и стабильности, улучшения отношений между государствами. Пусть НАТО и Варшавский Договор становятся все в большей мере политическими, а не только военными организациями, и пусть меняется их конфронтационная природа... Уверен, что хорошие перспективы у взаимодействия Общего рынка с СЭВ. В СЭВе мы намечаем комплексные мероприятия, облегчающие встраивание в структуру мирового хозяйства". Видение дальнейшей судьбы СЭВ излагалось советской стороной и накануне, на переговорах в расширенном составе: "Идет перестройка и в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, с тем чтобы приблизить принципы деятельности этой организации к общепринятым в мировой экономике стандартам" [1. Ф. 1. Оп. 1. 2 XII 1989].

Как показывают доступные нам архивные документы, подобные планы не встречали ни отрицательного отношения американской стороны, ни каких-либо альтернативных предложений. При этом высказывания американского президента относительно НАТО ограничивались лишь констатацией: "Разумеется, мы близки – и будем близки – с Европой, жизненно заинтересованы и вовлечены в НАТО. Собственно,

США – это лидер НАТО", или схожим с предыдущим заявлением: "Скажу откровенно: наши военные имеют огромное влияние в НАТО" [1. Ф. 1. Оп. 1. 3 XII 1989].

11 декабря 1989 г. американская позиция по германскому вопросу была уточнена Л. Горовицем в его беседе с В.В. Загладиным. По словам Горовца, Буш "ни в коем случае не хочет допустить воссоединения Германии, но, с одной стороны, не считает для себя возможным открыто выступать с этой позицией, а с другой – не знает, что реально можно предпринять" [1. Ф. 3. Оп. 1. 11 XII 1989]. Собеседники в итоге констатировали, что руководители и СССР, и США едины в намерениях «"сдержать" немцев».

Тем не менее, если несколько отвлечься от хронологии, можно заметить: данный подход Буша быстро изменился, на что уже 26 февраля 1990 г. обратил внимание в беседе с Гавелом советский лидер: "США занимают особую позицию и по вопросу объединения Германии. Сейчас очень сблизились позиции Буша и Коля. Они хотели бы навязать свой совместный подход остальным..." [1. Ф. 1. Оп. 1. 26 II 1990]. Забегая вперед, следует сказать, что если Горбачев и другие лидеры государства и не были согласны с этой "особой позицией" США и ФРГ, то противодействовали ей на удивление вяло, и вскоре она действительно оказалась навязанной всем остальным, а в Архызе с ней согласился – весьма неожиданно для многих – и сам инициатор перестройки. Тогда, 15 июля 1990 г., в ходе беседы с М.С. Горбачевым (с участием делегаций сторон), Г. Коль заявил прямо: "К концу года Германия будет воссоединена" [1. Ф. 1. Оп. 1. 15 VII 1990]. Быть может, в данном случае дало себя знать "очарованные дружбой", столь характерное для перестроечных лет и породившее немало иллюзий внешнеполитического характера. Из документов не видно, было ли это "очарование" обоюдным, но последовавшие вскоре действия по поддержке единства Германии со стороны США могут служить доказательством того, что заокеанские политики просчитали развитие ситуации куда вернее, чем их тогдашние советские партнеры по переговорам.

Однако разрешение проблемы ускоренного германского воссоединения относится уже к осени 1990 г., а в рассматриваемый период конца 1989 – начала 1990 г. лидерами западных государств декларировалась принадлежность ГДР к старому геополитическому региону. Но вышеупомянутые встречи и беседы происходили в тот момент, когда Коль в своей "программе из десяти пунктов" (с которой он выступил в Бундестаге накануне выборов) уже поставил вопрос о "конфедеративных структурах" (пункт пятый) двух немецких государств [1. Ф. 3. Оп. 1. 20–21 XII 1989].

Видимо, имея в виду эту информацию, Горбачев в беседе с Брейтвейтом подчеркивал: "Сейчас трудно выдержать нормальный ход развития в Центральной Европе. Тем более требуется высочайшая ответственность от всех. Все пойдет позитивно, лишь бы у кого не зачесались руки воспользоваться обстановкой в эгоистических целях". "Что касается немцев, – продолжал он, – то пусть они действуют самостоятельно. Пусть народ решает. *И в вопросе воссоединения тоже* (курсив наш. – Э.З.). Процессы будут идти. Что будет потом – сейчас никто не может предсказать. В конце концов, не мы разделили Германию. Есть итоги войны, есть реалии. И если с ними не считаться – это не политика" [1. Ф. 1. Оп. 1. 17 XI 1989].

5 декабря 1989 г. во время беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером последний высказал следующие заверения: "Мы не хотим извлекать из процессов, идущих в Восточной Европе, которые порождают проблемы, неизбежные при проведении крупных реформ, каких-то односторонних выгод для себя. Наша цель – это стабилизация обстановки путем развития отношений с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, ГДР. Это потребность нашего сердца. Мы не стремимся к движению в одиночку, по сепаратному немецкому пути... Не следует ожидать от немцев шагов, которые могли бы повредить европейскому развитию. Мы за стабильность в Европе, за сближение ее государств и народов... В современных условиях существующие союзы (НАТО и ОВД. – Э.З.) имеют стабилизирующее значение, им предстоит еще долго существовать" [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989]. Как говорится, ком-

ментарии тут излишни, хотя уже тогда некоторые западные наблюдатели (в первую очередь английские) предостерегали от некритичного восприятия подобного рода обещаний и заверений немецких политиков.

Реакция Горбачева на позицию ФРГ в германском вопросе была достаточно резкой: "Прямо скажу, что не могу понять федерального канцлера Коля, выступившего со своими десятью пунктами, касающимися намерений ФРГ в отношении ГДР. Следует прямо заявить, что это ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного государства. Причем, хотя речь идет о ГДР, но сказанное канцлером касается всех. Во-первых, эти десять пунктов появились после того, как мы имели конструктивный и позитивный обмен мнениями, достигли договоренностей по ряду основополагающих вопросов. По идее, с таким документом надо было бы выступить после соответствующих консультаций с партнерами. Или федеральному канцлеру все это уже не нужно? Он, видимо, уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать". Далее советский лидер заметил, что подобные шаги никак не содействуют решению общих проблем континента. «О каком "европейском сотрудничестве" можно говорить, если будут так действовать? – риторически вопрошал он. – Вы знаете, что мы разговаривали с канцлером Колем по телефону. Я говорил ему, что ГДР – фактор не только европейской, но и мировой политики, что и Восток, и Запад будут внимательно следить за всем, что будет происходить. Коль соглашался с этим, заверял меня в том, что ФРГ не хочет дестабилизации обстановки в ГДР, будет действовать взвешенно. Однако практические действия канцлера расходятся с его заверениями» [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989].

Иными словами, М.С. Горбачев констатировал, что "программа из десяти пунктов" прозвучала похоронным звоном по планам общеевропейского единства, а политические приоритеты Германии оказались куда более определенными, чем рассуждения о постепенном развертывании процессов строительства общеевропейского дома. Всякое искусственное подталкивание этих процессов, считал Горбачев, "только осложнило бы весь огромный значимый поворот, который происходит в развитии европейской государств, а это значит – в центральном пункте мировой политики. И, думаю, искусственное подталкивание было бы и не в интересах народов двух немецких государств. Именно в стремлении к стабильности, на основе взвешенности и взаимного уважения, именно в таком контексте оба германских государства должны адаптировать свои отношения. Однако то, что происходит на самом деле, свидетельствует об обратном. Вчера канцлер Коль, ничтоже сумняшеся, заявил, что президент Буш поддерживает идею конфедерации. Что же дальше? Что означает конфедерация? Ведь конфедерация предполагает единую оборону, единую внешнюю политику! Где же тогда окажется ФРГ – в НАТО, в Варшавском Договоре? Или, может быть, станет нейтральной? А что будет означать НАТО без ФРГ? И вообще, что будет дальше? Вы все продумали? Куда денутся тогда действующие между нами договоренности? Разве это политика?" [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989].

Вопросы, конечно, риторические. Ибо и тогда уже было ясно, а теперь еще отчетливее видно, что это была именно *реальная политика*, и именно она сообщила *начальный толчок* процессу становления новой региональной идентичности в поясе государств между Балтикой и Адриатикой: все они сменили ориентацию и повернулись на Запад.

Однако полный разворот на 180 градусов был еще впереди, а на упоминавшейся встрече с Г.-Д. Геншером в начале декабря 1989 г. принимавший участие в этой встрече министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, высказывая опасения в подобном развитии событий, подчеркнул: "Сегодня этот стиль применим к ГДР, завтра он может быть применен к Польше, Чехословакии, затем – к Австрии". Геншер попытался отвергнуть эти опасения, отметив: "Если говорить о заявлении федерального канцлера в бундестаге, то оно демонстрирует долгосрочность политики ФРГ, показывает, что она является составной частью общеевропейского интеграционного процесса. Обращаясь к ГДР, федеральный канцлер прежде всего хотел подтвердить, что

мы готовы к помощи и сотрудничеству на данном этапе, а также продемонстрировать возможности для сближения в будущем. Сказанное им является не диктатом или ультиматумом, а лишь предложением. ГДР сама решит на свободной, независимой основе, как ей реагировать на такое предложение. Именно из этого мы и исходим. ГДР, конечно, тоже понимает свою ответственность за европейское развитие. Накануне своего отлета в Москву я беседовал в Брюсселе с канцлером Колем. Его заявление из десяти пунктов не является календарем неотложных мер, а *определяет перспективу на длительный срок* (курсив наш. – Э.З.). ГДР сама определится, сама ответит на его предложение – да или нет. Мы заинтересованы во внутренней стабильности в ГДР. Своим заявлением федеральный канцлер внес, как нам кажется, вклад в укрепление такой стабильности. Здесь нет ни диктата, ни ультимативных требований. Нам известно, что ни Польша, ни Венгрия не имеют такого впечатления. Эти десять пунктов, нашу политику поддерживают все представленные в бундестаге партии, включая СДПГ. В то же время мы отделяем себя от внутренних проблем ГДР, за которые ФРГ не несет ответственности" [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989].

Следует подчеркнуть особо, что переговоры с Геншером состоялись 5 декабря 1989 г., т.е. буквально на следующий день после Мальты, где Горбачев в целом нашел взаимопонимание с США по целому ряду вопросов, касавшихся Восточной Европы, и в первую очередь, конечно, по проблеме воссоединения Германии. Видимо, этим во многом объясняется тот жесткий и далекий от дипломатичности характер его высказываний на переговорах с министром иностранных дел ФРГ: «Никак не ожидал, что Вы будете выступать в роли адвоката федерального канцлера Коля. Возьмите третий пункт его заявления. Он высказался "за" всестороннее расширение нашей помощи и нашего сотрудничества, если ГДР в обязательном порядке осуществит коренные перемены в политической и экономической системе, если государственное руководство ГДР договорится с "оппозиционными группировками" и ГДР бесповоротно пойдет этим курсом. Что же это, как не самое бесцеремонное вмешательство во внутренние дела суверенного государства?». А Шеварднадзе еще добавил: "Даже Гитлер не позволял себе что-либо подобное". «Более того, – продолжал Горбачев, – канцлер Коля требует отмены монополии СЕПГ на власть. Он говорит о необходимости ликвидации "бюрократического планового хозяйства". Я думаю, что в ГДР не обойтись без коренных перемен. Но это – ее внутреннее дело. Канцлер же Коля по сути дела обращается с гражданами ГДР как со своими подданными. Это просто махровый реваншизм, который ничего не оставляет от его позитивных заверений, ставит под вопрос все достигнутые между нами договоренности» [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989].

В процессе прояснения Геншером политического смысла заявления Коля в Бундестаге он обратил внимание собеседников на второй пункт, в котором говорилось «о желании федерального правительства расширять сотрудничество с ГДР на равноправной основе во всех областях». Снова последовала явно недипломатическая реакция Горбачева: "Бросьте адвокатствовать, г-н Геншер. Пункт второй этого заявления полностью девальвируется пунктом третьим". Далее он квалифицировал заявление Коля как "политический промах" [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989]. Время, однако, показало, и довольно скоро, что германский канцлер как раз попал, куда целил, а вот советский лидер промахнулся...

На вопрос, что же следует считать точкой отсчета в разрушении восточноевропейского региона в устоявшемся с конца 1940-х годов составе, можно было уже на исходе 1989 г. дать однозначный ответ: отпадение одного из ключевых региональных звеньев. А таким ключевым звеном в первую очередь являлась ГДР, поскольку именно здесь проходила западная граница региона. Как известно, несмотря на все заверения политиков о *status quo* (в количественном плане) региона 9 ноября 1989 г. была разрушена Берлинская стена, а 3 октября 1990 г. Германия воссоединилась. Именно эту дату, на мой взгляд, следует считать разграничительной и в смене региональной идентичности с восточноевропейской на центральноевропейскую.

Складывается впечатление, что тогдашние политики и Востока, и Запада вряд ли в

полной мере ощутили весомость этого ключевого геополитического события в истории Европы – или делали вид, что не ощутили. Значимость же его в числе других аспектов, в следующем: выход ГДР из региона знаменовал собой разрушение старой восточноевропейской региональной идентичности и начало становления новой. Таким образом, начало процесса складывания новой региональной идентичности Центральной Европы следует соотносить как раз с той ее частью, которая затем отпала от нее и 3 октября 1990 г. стала частью Западной Европы, т.е. с ГДР. Именно эту дату, на мой взгляд, следует считать разграничительной и в смене региональной идентичности с ориентацией на Запад.

Потому-то, быть может, и не обсуждались широко альтернативные концепции развития региона. Разумеется, вопрос об альтернативных путях развития нуждается во всестороннем тщательном изучении, и окончательный ответ на него будет получен, видимо, тогда, когда откроются все архивы, т.е. нескоро. Можно привести лишь один документ, который свидетельствует о том, что высказывались суждения, альтернативные западному сценарию развития восточноевропейского региона.

В состоявшейся беседе В.В. Загладина со спикером по вопросам разоружения фракции ХДС/ХСС бундестага ФРГ К. Ламмерсом 20–21 декабря 1989 г. последний говорил о необходимости активнее развернуть работу по созданию "общеевропейских структур", "структур, объединяющих страны через границы социальных систем и военных союзов", т.е. по сути поддерживал идею "общеевропейского дома". По его словам, в "определенных кругах" ФРГ на перспективу обсуждалась следующая возможность: «Не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающих всю Европу – от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию и Венгрию и до нейтральных Балкан? Не стоит ли всем этим странам в будущем стать "финляндизированными"?» [1. Ф. 3. Оп. 1. 21 XII 1989].

Аргумент Ламмерса при этом таков, отмечал Загладин, что «в конечном счете, все проблемы, скажем, Польши, Чехословакии в прошлом были связаны с политикой Германии и России. Если превратить всю *Центральную Европу* (курсив наш. – Э.З.) в такие "финляндизированные" государства, это может быть для них хорошим гарантом, гарантией на будущее, которую могли бы поддержать СССР и США». Здесь Центральная Европа мыслится уже более дифференцированно и включает страны, считавшиеся тогда "восточноевропейскими", – Венгрию, Польшу и Чехословакию. По мнению Ламмерса, подобное было бы гарантией безопасности и СССР и одновременно устраивало бы Западную Европу [1. Ф. 3. Оп. 1. 21 XII 1989]. Но с позиций истекшего десятилетия можно только констатировать, что эти соображения имели сугубо поисковый характер: "финляндизировать" Европу никто не стремился, и менее всего германские лидеры.

В целом же к 10-летию юбилею революций 1989 г. обнаруживается вакуум идей относительно возможностей продвижения к единой Европе на пороге наступления третьего тысячелетия истории христианской цивилизации – и одновременно остро ощущается потребность в этих идеях. На мой взгляд, концепция "примыкания" региона Центральной Европы к региону Западной Европы с перспективой – по принципу "восстающего домино" – подключения к этой структуре межгосударственного, межрегионального взаимодействия и Европы Восточной более четко, чем другие концепции, определяет общеевропейскую перспективу, не отрицая моментов фундаментальной сложности соответствующих процессов. Указанная концепция решения проблемы региональной и общеевропейской идентичности нуждается в дальнейшей разработке, но, как представляется, она выводит из методологического и идеологического тупика, в котором историческая и политологическая мысль находится как на западе Европы, так и в ее центре и особенно на востоке.

Концепция "примыкания" исходит из того отмеченного выше факта, что ключевые политические процессы в рамках и Европы, и мира в целом определяются – и во все большей степени будут определяться – региональным началом в политике, а не доминированием той или иной страны: на это уже не раз указывалось нами [6]. Пре-

небрегать потенциалом новой региональной идентичности в современных условиях – значит отдавать политику на откуп неконструктивным силам националистического характера, гибельность чего убедительно продемонстрирована в прошедшем десятилетии, в первую очередь на землях бывшей СФРЮ, но не только.

В заключение хотелось бы отметить: *революционные политические преобразования в регионе охватываются следующими временными рамками: от 5 апреля 1989 г.*, когда в Польше было подписано соглашение между представителями правительства и оппозиции о мерах относительно свободных выборов и регистрации "Солидарности" *до декабря 1990 г.*, когда в Тиране состоялась студенческая демонстрация, в результате которой ЦК Албанской партии труда разрешил образование новых политических партий, а вдова коммунистического вождя Албании Неджмие Ходжа была смещена со всех постов.

Что касается времени становления *новой региональной идентичности*, то тут отчет следует начинать от *9 ноября 1989 г.*, когда была разрушена Берлинская стена (реальный факт изменения границы Центральной Европы), а граждане ГДР начали в массовом порядке исход в ФРГ, а заканчивать процесс слиянием двух Германий *3 октября 1990 г.*

Временной зазор между этими двумя рядами событий таков: примерно полгода от начала революционных преобразований до появления de facto новых геополитических границ региона и немногим более двух месяцев с момента объединения Германии до фактически полного вступления всего региона в полосу революционных преобразований. Тем самым по временному параметру смена геополитических ориентиров произошла как бы внутри волны революционного процесса.

На мой взгляд, этот факт не может не наводить на глубокие размышления относительно приоритетов демократии и геополитики. В ходе эйфории преобразований демократического характера и лидеры СССР, а затем России, и ряд политиков в странах Центральной Европы переоценили потенциал демократии в плане определения новых геополитических векторов развития континента. В этом отношении идея общеевропейского дома, сама по себе благородная и с элементами политической конструктивности, оказалась иллюзорной, а рухнувший железный занавес между двумя частями Европы, можно сказать, весьма быстро сменился "каучуковым", достаточно малопроницаемым.

Сегодня события конца 1980-х годов, определение которых в качестве революционных обогащается новыми оттенками, нуждаются в более глубоких интерпретациях с учетом фактора региональной идентичности. Если взглянуть на вопрос о смене региональной идентичности в рассматриваемом регионе в более широкой исторической перспективе, то окажется: за последние 50 лет пояс государств от Балтики до Адриатики дважды подвергался кардинальным трансформациям.

Первая из них – конец 1940-х годов, когда здесь свершался поворот от западной модели общественного развития (характерный для межвоенного периода) к восточной, или советской. Именно тогда стали закладываться основы новой, социалистической модели развития, позволившие объединить страны данного региона в один с Советским Союзом геополитический регион. В каждой из этих стран утверждалась однопартийная политическая система или же фиктивно многопартийная; проводились преобразования в экономике – национализация, индустриализация промышленности, кооперирование в сельском хозяйстве; навязывалась одинаковая идеология – коммунистическая. Иными словами, шло становление новой региональной идентичности в форме "социалистического лагеря", затем "социалистического содружества", т.е. становление восточноевропейской региональной идентичности. При этом следует подчеркнуть, что фактором, объединившим страны в единый регион, являлась не только социалистическая идея, но и советский гегемонизм.

Вторая кардинальная трансформация началась с конца 1980-х годов и продолжалась все десятилетие. За это время регион претерпел изменения по *количественным*

параметрам: увеличилось в полтора раза число входящих в него стран за счет распада двух федеративных государств (СФРЮ и ЧСФР) и воссоединения ГДР и ФРГ: с восьми в 1989 до двенадцати в 1999 г.

Однако более важным является то, что в настоящий момент и страны по отдельности, и регион в целом являют собой уже *качественно* иное, новое по сравнению с периодом до 1989 г. образование, поскольку:

– *в сфере экономики* здесь, учитывая все плюсы и минусы, все же можно считать, что реально совершается переход к рыночной экономике; в то же время в большей мере определялась необходимость проведения активной социальной политики в духе социал-демократических программ;

– *политическая жизнь* стран региона входит в общецивилизационное русло и приобретает признаки стабильности через поочередную смену власти политических сил лево- и правоцентристской ориентаций; иными словами, происходит то, что можно назвать "благотворной рутинизацией" политического процесса, образцы которой наглядно просматриваются в странах, расположенных западнее;

– *в сфере идеологии* произошел окончательный отказ от марксизма-ленинизма и признания ведущей роли коммунистических партий, возврат к ценностям как либерально-демократического, так и одновременно традиционного характера;

– существенные процессы произошли и *в культурной жизни*, тоже с ориентацией одновременно на возврат к традициям и к культурному аналогу либерализма – модернизму;

– *в сфере внешней политики* фактически осуществлена переориентация на западные структуры (НАТО, Европейский Союз и др.), хотя признается необходимость баланса интересов с соседними странами региона, а в наиболее смелых проектах – и со странами, расположенными восточнее.

Таким образом, в сфере внешней политики произошел поворот к Западу, выявилось стремление стран, отделившихся от Восточной Европы, к западноевропейской региональной идентичности, минуя и игнорируя свою собственную, т.е. центральноевропейскую. Но история уже показала, что односторонняя ориентация только на Запад (в межвоенный период) привела к Мюнхену, а ориентация только на Восток (после 1945 г.) также завершилась крахом. Есть основания предполагать – что наиболее правильной является ориентация на самих себя, на развитие самодостаточности региона, т.е. на утверждение новой центральноевропейской региональной идентичности.

При этом следует подчеркнуть: переходные процессы в странах региона имели и, по всей видимости, будут иметь нелинейный характер. Это отражается: в сфере экономики возникновение трудностей по причине форсированного введения в действие рыночных рычагов и попыток форсированного же налаживания интеграции со странами Запада; в сфере политики имеются проблемы в связи с функционированием маятникообразного механизма, обеспечивающего попеременный приход к власти партий то социалистической, то антисоциалистической ориентации; в духовной жизни экспансия массовой культуры американского образца наносит вред оригинальной местной культуре в каждой из стран региона и обезображивает, так сказать, его "общее лицо", хранящее черты культурного расцвета Австро-Венгерской империи.

"Железный занавес", долгое время отделявший страны Центральной Европы от Европы Западной, дал в 1980-е годы трещины, а затем и вовсе рухнул на самом, казалось бы, защищаемом участке, породив иллюзии о единовременном решении проблемы региональной идентичности на новых основаниях. Но спустя десять лет оказывается, что трудности не исчезли, а лишь приобрели новую форму. Анализ доступных сегодня архивных материалов показывает, что не все политики представляли себе степень сложности проблем в связи со сменой региональной идентичности. Из этого анализа нельзя не сделать выводы и о том, что слишком многие возможности в данном плане, в первую очередь связанные с потенциалом общеевропейской идеи, так и не были использованы. Быть может, их время наступит в следующем веке – несмотря даже на то, что век уходящий омрачен пожаром войны, одной из причин ко-

торой стала, на мой взгляд, политика слишком поспешной смены региональной идентичности в наиболее нестабильной части Центральной Европы.

Таким образом, рассмотренные документы свидетельствуют о победе на рубеже 80–90-х годов "реальной политики" (Realpolitik) в варианте Г. Коля, а не провозглашенной М.С. Горбачевым политики строительства общеевропейского дома без слома перегородок между государствами (ФРГ и ГДР) и внутри них (ЧСФР и СФРЮ). Но одновременно оказалось, что жесткая реальная политика породила свои трудности и даже вылилась в представления о якобы "неизбежной" агрессии против одного из суверенных государств Европы.

В беседе 5 декабря 1989 г. с Г.-Д. Геншером, одним из рыцарей реальной политики, допускавшей для своей страны лишь приращения, а для других распад (ФРГ "до неприличия" быстро признала независимость Словении и Хорватии), М.С. Горбачев дал свое видение реалий и действий: "Реальность заключается в том, что оба немецких государства являются суверенными и самостоятельными. Так распорядилась история. Действительно, для того, чтобы оставаться реалистами, мы должны исходить из того, что история распорядится судьбой и процессами, происходящими в целом на континенте, в том числе и определит место и роль этих двух государств. Идет общеевропейский процесс, мы хотим строить новую Европу, общеевропейский дом. Для этого нужно доверие. В этих рамках и должны развиваться отношения между двумя немецкими государствами. Они, видимо, будут более тесными. Но все эти процессы должны идти нормально" [1. Ф. 1. Оп. 1. 5 XII 1989].

Новую Европу на основе указанных концепций построить не удалось. Но хорошо ли это для Европы – с подновленными, но по-прежнему малопроницаемыми занавесами, санитарными кордонами и т.д. – это большая проблема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Горбачев-Фонда: Ф. 1. М.С. Горбачев; Ф.3. В.В. Загладин.
2. Горбачев М.С. Годы трудных решений. 1985–1992. М. 1993; Горбачев М.С. Европейские тетради. М. 1994; Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М. 1995. Т. 1–2; Шахназаров Г.Х. Цена свободы: Реформы Горбачева глазами его помощника. М. 1994.
3. Задорожнюк Э.Г. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 12. С. 1104; Круглый стол "Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран" // Славяноведение, 1997. № 3. С. 5.
4. Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Варшаве 14 мая 1955 года, и Протокол о продлении срока его действия, подписанный 6 апреля 1985 года в Варшаве // Известия. 2 VII 1991.
5. Baker III, James A., Defrank T.M. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace. 1989–1992. New York. 1995. P. 160.
6. Задорожнюк Э.Г. Страны Вишеградской группы и НАТО // НАТО: факты и комментарии. Вып. 1. М. 1997. С. 11–13; Zadorozhnyuk E. The Perspectives of a New Europe in the Programs of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe // Emerging of Democracy in Transition Europe / Ed. by T. Łoś-Nowak and D. Armstrong. Wrocław. 1997. P. 99–109; Задорожнюк Э.Г. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Коллективный сборник статей "Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. Конец 80-х–90-е годы". В печати.

© 2000 г. Н.В. КОРОВИЦЫНА

САМАЯ "БАРХАТНАЯ" РЕВОЛЮЦИЯ: "ЧЕШСКИЙ ЧЕЛОВЕК" НА ФОНЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН

В череде преимущественно бескровных революций, потрясших восточноевропейское общество осенью 1989 г., самой мирной, ненасильственной, "бархатной", даже "нежной" была чешская, или чехословацкая. Неожиданная для самих ее участников, она, не встретив практически никакого противодействия, увенчалась триумфальным успехом и осталась в памяти народа как неповторимое радостное мгновение, момент национального духовного подъема. Из всех демократических революций, прокатившихся по бывшим социалистическим странам, чешская была еще и самой короткой, что запечатлел сопровождавший ее лозунг: "Польша – десять лет, Венгрия – десять месяцев, ГДР – десять недель, Чехословакия – десять дней".

Чешская и польская нации в силу специфики их истории и культурно-психологического склада продемонстрировали типологические крайности "бархатной" смены власти в странах региона Центральной и Восточной Европы. Однако если национальная историография польского революционного процесса, растянувшегося на десятилетие, обширна и многогранна, то чешская общественная наука явно уступает ей в этом отношении. Это отставание, в частности, попытались преодолеть сотрудники Чехословацкого центра документации и Института современной истории Академии наук Чешской Республики. При поддержке Архива национальной безопасности (Вашингтон) к десятилетнему юбилею событий 1989 г. они выпустили в Праге серию публикаций документов, объединенных в семь тематических выпусков [1]. Большинство представленных в сборниках документов увидело свет впервые.

Наилучшее представление о массовой основе чешской революции, ее динамике дает выпуск "Ситуационные отчеты центрального аппарата КПЧ (20 ноября – 1 декабря 1989 г.)". Из десятка ежедневных внутривнутрипартийных информационных отчетов складывается картина революционного процесса, осуществившегося в Чехии в рекордно короткие сроки. На фоне узости социальной базы перемен, нашедших свою главную опору в сфере массовых настроений и психологических состояний, темпы этих перемен представляются особенно впечатляющими.

Публикуя ровно через десять лет после событий "бархатной" революции документы, историки делают важный шаг в ответе на давно уже поставленный чешской общественной наукой вопрос. Этот вопрос вынесен в заголовок книги бременского социолога И. Можны, вышедшей еще в 1991 г. Написанная в жанре социологического эссе, эта широко известная работа получила название "Почему так легко... Неко-

торые семейные причины бархатной революции". В форме вопросов звучат и основные поднимаемые автором данного труда темы: "Почему так поздно?", "Как это произошло так легко?" и "А что дальше?".

И. Можны начинает свою книгу с цитирования статьи ветерана оппозиции Й. Румла в нелегально издававшейся до ноябрьской революции газете "Lidové poviny", где последний сокрушается по поводу слабого участия населения страны в организованном диссидентскими кругами праздновании даты провозглашения Чехословацкой республики. Речь идет о 28 октября 1989 г. Ожидания оппозиции в этот день были вновь обмануты. Румл предположил тогда, что со временем его соотечественники вдруг с ужасом обнаружат, что без их собственного вмешательства они вдруг стали свободными [2. S. 8].

Этого, конечно, не случилось. Две недели спустя площади крупных чехословацких городов – вслед за остальными восточноевропейскими странами бывшего советского блока – заполнились сотысячными толпами народа, к ним вскоре присоединились жители малых городов – и под "давлением улицы" коммунистический режим рухнул.

Революционные события в Чехословакии начались сразу после подавления властями 17 ноября манифестации пражских студентов в память об антифашистском выступлении их коллег, случившемся ровно за полвека до того. За двадцатилетний период "нормализации" после 1969 г. это была крупнейшая по массовости демонстрация преимущественно молодых людей. Они требовали ликвидации монополии КПЧ, смены политического режима, скандируя: "Варшава, Берлин, а теперь Прага".

Уже на следующий день, 18 ноября, последовали резкие заявления и забастовка театральных деятелей Чехии, а еще через день возникает Гражданский форум как общенародное движение, возглавившее революционный процесс в стране. Символом его становится писатель и драматург Вацлав Гавел. Гражданский форум немедленно ставит вопрос о советской интервенции в Чехословакию в 1968 г. и об устранении с политической сцены деятелей коммунистического режима.

Гражданский форум выполнил роль массового мобилизующего фактора, аналогичную польской "Солидарности". Оба этих движения не были политическими партиями и после победы антикоммунистической революции практически бесследно исчезли с политического горизонта. Однако "Солидарность" стала первым и, по существу, единственным в восточном блоке организованным оппозиционным движением масс. Гражданский форум же просто создал условия освобождения людей от чувства страха перед одной из самых репрессивных в регионе общественных систем, используя для этого возможности перешедшего в его руки телевидения и радио.

Психологический фактор, который признан доминирующим в успехе "бархатных" революций в странах региона, проявился в чешской среде особенно отчетливо и "концентрированно", выразившись в стремительном падении авторитета прежней власти, осознании людьми ее выжидательной пораженческой позиции. Эта позиция лишила режим последних сторонников из рядов КПЧ, насчитывавших тогда 1700 тыс. человек. Нараставшие как снежный ком социальные эмоции спонтанно выплеснулись на улицы чешских городов. В отличие от массовых выступлений периода "Пражской весны", протестные настроения "бархатной" революции зарождались в особенно легко манипулируемой, чувствительной молодежной среде, а не в среде реформистских слоев Компартии. Эти настроения изначально подразумевали полный отказ от коммунистического прошлого. В используемой Гражданским форумом революционной риторике, в отличие от риторики польской "Солидарности", вообще не присутствует понятие "социализм". Вместе с тем, согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного в Чехии 22–24 ноября 1989 г., почти половина – 47% – респондентов оказались сторонниками политической и экономической системы, соединяющей преимущества социализма и капитализма. Почти столько же было приверженцев социалистического выбора. Причем коммунисты и беспартийные мало различались по своим взглядам [3. S. 105].

Однозначная ставка на молодежь явствует из текста программных документов

чешской оппозиции, публиковавшихся в системе самиздата еще в преддверии революционных событий. Ориентация на молодежный сегмент общества характерна для радикально-реформистской идеологии "демократического строительства" не только в Чехии, но и в регионе в целом, особенно после начала политики либерализации. Основным адресатом этой политики везде выступало именно молодое поколение. Что касается самой "бархатной" революции, то ее социальную основу в большинстве стран региона, в отличие от Чехии, составляла не молодежь, а, прежде всего, образованные слои среднего поколения, что ярко проявилось в движении "Солидарность".

Выступления студентов чешских вузов, к которым примкнули учащиеся гимназий и техникумов, а также актерская общественность, всколыхнули и политизировали широкие слои населения. За "культурным авангардом" Гражданского форума после окончательно дестабилизировавшей ситуацию всеобщей забастовки 27 ноября последовали чешские рабочие, потребовавшие "окончания правления одной партии". Заговорили о формировании существовавшего в Польше, но неизвестного Чехии альянса интеллигенции и рабочего класса. Его здесь не было даже во время "Пражской весны", оставшейся преимущественно элитарным движением. Крайне непродолжительным и в основном эмоциональным этот союз был в ноябрьские дни 1989 г.

Ситуационные обзоры КПЧ рисуют картину лавинообразного нарастания в эти дни общественной эйфории. Понятие "спокойная" революция применительно к событиям конца ноября 1989 г. вряд ли отражает реальную атмосферу эскалации социальных эмоций. В публикуемых отчетах атмосфера тех дней называется не иначе как "психозом страха и паники", "отрежиссированной истерией толпы" и т.п. [3. S. 36, 51, 55, 73]. Митингующие не желали выслушивать альтернативные точки зрения, исходили ли они от коммунистических деятелей или от сторонников идей "Пражской весны", захлопывали их и лишали слова. По оценке городского комитета КПЧ, в Праге не было предприятия, персонал которого в момент всеобщей забастовки не вышел бы на улицу. Напряжение быстро нарастало и в областных, и районных центрах, традиционно оставшихся в стороне от бушевавших в столице политических бурь. Под влиянием одностороннего воздействия СМИ, а нередко и любопытства или ожидания "каких-либо сенсаций" на местах возникали спонтанные собрания людей, подчинявшихся законам психологии толпы, импульсивной и уверенной в своей безнаказанности.

Общественные настроения резко качнулись в сторону демократической оппозиции буквально через десять дней после первой ее массовой протестной акции. Ровно столько времени потребовалось лидерам оппозиции, чтобы получить общественную поддержку. Затем счет времени существования прежнего режима пошел уже на часы. "Запоздавшая" революция произошла в Чехии, как и в других странах региона, фактически "сверху", став историческим по своему масштабу и значению социальнопсихологическим феноменом. Сформировавшийся в ноябрьские дни 1989 г. массовый революционный настрой заглушил или ослабил важнейшие черты национального характера чехов. Феномен "бархатной" революции как массового психологического сдвига проявился здесь наиболее ярко на общерегиональном фоне. Это явно не соответствовало роли Чехии в истории восточноевропейского социализма.

Как известно, точкой отсчета в кардинальном изменении политического климата в Восточной Европе, давшем импульс появлению альтернативных официальным умонастроений и становлению диссидентского движения среди так называемых шестидесятников, явились события "Пражской весны" 1968 г. Почему же в таком случае Чехия присоединилась к революционному процессу 1989 г. уже после падения Берлинской стены, а социальная база этого процесса здесь за два прошедших десятилетия так и не расширилась? Отвечая на этот вопрос, нельзя не учитывать специфику национальной психологии чехов, ее роль в формировании социокультурного облика чешского общества на протяжении 1970–1980-х годов – двух критических для судеб всего восточного блока десятилетий.

Ментальная культура чехов сформировалась ко второй половине XX в. как городская и в сильной мере атеистическая. Чешские земли опережали другие, пошедшие по

пути социалистической модернизации, страны по уровню индустриализации и урбанизации, важнейшие этапы которых были пройдены здесь не в годы первых пятилеток, а на полвека–век раньше. Длительное же отсутствие национальной независимости в рамках Габсбургской империи, как и собственного дворянства, способствовали формированию специфической приспособляемости чехов к изменяющимся политическим режимам, с одной стороны, и их эгалитарных наклонностей – с другой. Терпимостью явилась универсальной ценностью чешской нации, заявляющей о себе миру не столько словами, сколько делами. К особенностям чешской ментальной культуры можно отнести также своеобразный предпринимательский дух, независимый, саморегулирующийся стиль жизни и мировосприятия, склонность ориентироваться преимущественно на прагматические цели [4. S. 30].

Все эти качества не только сохранились, но и получили свое развитие и полное выражение в условиях осуществления социалистической, или консервативной, модернизации, когда Чехия – в отличие, например, от Польши – оказалась практически изолированной от западного мира. И сейчас социологи обращают внимание на более низкую, чем у тех же поляков, потенциальную пространственную мобильность чехов. Среди них доля никогда не изменявших своего места жительства существенно выше, а желание выехать за границу, напротив, – ниже, по сравнению с поляками (в 1995 г. соответственно 75 : 55% и 11 : 19%) [5. P. 163–164]. Чехи предпочитают отечественные телепрограммы иностранным, среди них особенно много негативно оценивающих иммиграцию в их страну. Чешское общество – во всяком случае по сравнению с польским – в культурном отношении довольно закрытое. Оно и поныне характеризуется исследователями, вопреки распространенным взглядам, как консервативное, традиционалистское и протекционистское [6. S. 36].

Надо заметить, что если прагматизм и политический конформизм чехов еще находили место в интерпретации их социально-политического облика, эгалитарные и выраженные патриотические наклонности чешской нации – вплоть до ее стремления к изоляционизму – явились во многом открытием последних лет. В событиях, сопровождавших "бархатную" революцию, все эти качества раскрылись достаточно полно. Последовавшая за этой революцией либеральная модернизация, угрожавшая национальному своеобразию народов региона, обнажила глубинные черты их национального характера. 1989 год стал тем переломным моментом, который высветил реальные контуры чешского менталитета.

Существует даже специальное понятие "чешский человек". И. Мажны считает его отличительными чертами бдительность и осторожность. Он пишет о чехах как об очень "недоверчивой популяции", которая свои судьбы с давних времен прочно держала в собственных руках. "Пока Запад возбужденно дискутировал о потребительском обществе, мы поневоле тихо реализовали эту идею". В 1970–1980-е годы в чешском обществе сложилось такое положение, когда «у людей есть все, но они ругают режим с утра до вечера. Все ругают режим, но на выборах голосуют стопроцентно "за"» [2. S. 18, 22].

В эти два десятилетия, предшествовавшие демократической революции, получает развитие стратегия выживания "чешского человека", основанная на расцвете института семьи, точнее семейного клана, путем оживления его традиционных функций самообеспечения и самодостаточности. В семье происходило и формирование гражданской позиции личности, ее частичная реализация. Относительно независимая и автономная от государства, внутренне солидарная система, семья являлась хранительницей и надежным инструментом передачи ценностей национальной культуры. Институт семьи как практически единственная альтернатива официозу "реального социализма" окреп и усилился после завершения массовых социальных перемещений периода форсированной индустриализации, приобретшей в Чехии характер реиндустриализации.

Примечательно, что протестная энергия, накопившаяся в чешском обществе к концу 1960-х годов, самым коммунистическим режимом была канализирована в семей-

ную сферу. Государственная политика поощрения рождаемости дала в начале следующего десятилетия всплеск значений этого показателя. Брачность населения в это десятилетие находилась на очень высоком уровне. Средний возраст вступления в брак не превышал 25 лет. Широкое распространение получили ранние браки, так как государство в своей социальной политике делало явный акцент на материальной поддержке семей с малолетними детьми. Тем самым создавалась массовая основа существующего режима в среде молодежи 1970-х годов, ставшей спустя десятилетие важнейшим субъектом последующих революционных перемен в других странах региона.

В условиях дефицита товаров и услуг семья во многом дополняла государство собственными ресурсами – материальными и социальными. На основе взаимопомощи ее членов семья, опираясь на широкий круг неформальных контактов, функционировала как важная экономическая структура социалистического общества, по своим характеристикам еще относительно недалеко ушедшего от общества традиционного типа с его приоритетом социальных институтов над финансовыми. Так, различие в степени вовлеченности в процесс самостоятельного производства между городским и сельским населением являлось минимальным. 25% пражских семей самостоятельно изготавливали мебель, а 57% – занимались ремонтом автомашин [7. Р. 129]. Семейственность стала, таким образом, влиятельной социальной силой. Следование семейным интересам, их охрана утвердились в 1970–1980-е годы в качестве приоритетной цели жизнедеятельности людей.

Традиционные носители здравого рассудка, так характерные для чешского общества, в диссидентских кругах находили слишком много тех, кто нарушил гармонию их внутреннего мира в начале 1950-х годов. Но еще больше среди диссидентов, согласно бытовавшим мнениям, было тех, кто в 1968 г. своим новым неудавшимся экспериментом – во имя идеалов, которые уже однажды не оправдались, – опять внес сумятицу в массовое повседневное существование. Взгляды диссидентов встречали уважительное отношение как альтернативные официальным, но здравый рассудок "чешского человека" диктовал восприятие самих диссидентов, отрицающих существующий порядок, как своего рода "господ". Они считались обладателями социально-культурного капитала, даже особого статуса и привилегий. Как и коммунисты, они "жили от идеологии". И элита, и контрэлита в действительности имели слабую социальную поддержку. Преобладающие в обществе идеалы социального и материального равенства заставляли простого чешского человека инстинктивно держаться в стороне и от тех, и от других.

В отличие от большинства восточноевропейцев, переживших предшествующую "бархатной" революцию сознания, или моральную революцию, предусмотрительные чехи задавались, возможно, приземленным вопросом: "Хорошо, но что будет с собственностью?". Действительно, в Чехии и в конце 1980-х годов официально практически отсутствовал слой частных предпринимателей, т.е. рыночные реформы не имели своего социального носителя и даже адресата. В других странах интересы этого нарождающегося слоя представляла интеллигенция, явно переоценившая возможности конвертирования своего культурного капитала в экономический. Менее всего такого рода иллюзии, созданные всем ходом общественного развития восточноевропейского общества на протяжении предшествующих двух десятилетий, были свойственны "чешскому человеку".

1989 год подготовила серия революционных по своему значению перемен, связанных с вхождением восточноевропейского общества в постиндустриальную эпоху. Чешское общество, начав данный исторический переход значительно раньше других, оказалось наиболее свободным от сопровождавших этот процесс в остальных странах региона идеологических передержек и наслоений. Речь в данном случае идет о действительно преобразивших облик Восточной Европы в 1970–1980-е годы переходе к НТР, росте крупных городов, внедрении новых средств телекоммуникации и стандартов потребления. Особое значение в ряду этих радикальных социальных трансформаций принадлежит образовательной революции.

Постиндустриальный период начался в Восточной Европе с перехода всех наций ко всеобщему среднему образованию, который при существовавшей тогда общественной системе фактически открыл всей молодежи путь в высшую школу. В условиях неразвитости частного сектора "образовательное восхождение", наряду с терявшей свое значение демонстрацией политической лояльности рассматривалось как основной канал повышения социального статуса. Стремление молодежи, входившей в общественную жизнь на рубеже 1960–1970-х годов, к получению вузовских дипломов приобрело характер подлинной образовательной революции. Результатом ее было формирование в 1970-е годы в Восточной Европе новой социальной группы – массовой интеллигенции, обладавшей тем не менее (вслед за ее гораздо менее многочисленными предшественниками – "шестидесятниками") признаками элитарной ментальности (см.: [8]).

В наибольшей степени тенденция "социально-образовательного восхождения" была выражена в странах, только что совершивших форсированную индустриализацию и теперь переживающих формирование крупногородской цивилизации. Там статус интеллигенции и служащих оценивался особенно высоко по сравнению со статусом занятых физическим, прежде всего крестьянским, трудом. Принадлежность к работникам умственного труда считалась особенно престижной, например, в польском или венгерском обществах, сохранивших традиции феодально-аристократической психологии, где диплом о высшем образовании рассматривался массовым сознанием как своеобразный аналог дворянского титула, признак социального превосходства. Менее выражено проявлялась тяга к высшему образованию у городской и индустриальной чешской нации, склонной скорее к выравниванию социальных различий, чем к их акцентированию.

В социалистической Чехословакии показатели материальной недооценки высококвалифицированного труда были близки к мировому рекорду. Разница в доходах интеллигенции и остального населения предельно сократилась здесь уже на первом послевоенном этапе. Материальное положение чешских специалистов существенно отличалось от их польских или венгерских коллег, зарплата которых на рубеже 1960–1970-х годов превышала оклады рабочих не всего на 20%, а в полтора раза [9. P. 231]. В итоге в Чехии сформировался скорее утилитарный тип квалификационной ориентации, чем характерное для остальных стран – особенно Болгарии, СССР, Польши, наконец, соседней Словакии, – стремление занять высшие уровни социально-образовательной иерархии. Иллюзии по поводу экономических и социальных перспектив тех, кто получил высшее образование, в Чехии были наименьшими. К тому же здесь на старте социализации существовали богатые традиции рабочего класса, практически отсутствовавшие в других, в недавнем прошлом аграрных странах региона. Поэтому неудивительно, что к началу 1980-х годов в большинстве стран сложилась полярная – с преобладанием высшего и низшего уровней – образовательная структура, тогда как в Чехии образовательный потенциал населения сконцентрировался в среднем профессиональном звене. Возник даже приоритет Словакии над Чехией по доле высокообразованных контингентов населения за счет его молодых возрастных групп.

Среди реалистически мыслящих молодых чешских мужчин ориентация на получение полного среднего или высшего образования на фоне остальных стран проявилась наиболее слабо. Любопытно, что противовес им составляли тогда советские женщины, искренне уверовавшие в широкие возможности, открываемые обществом перед обладателями вузовских дипломов [10. С. 344].

В странах, принадлежавших к числу менее развитых на старте модернизации, где рост массовой интеллигенции в 1970-е годы был наибольшим, по прошествии лет соответственно сильнее проявился и революционный пафос населения. Открытие образованным классом для себя западного мира в конечном счете и сыграло решающую роль в подготовке революционных по характеру общественных перемен.

Высокий уровень образования породил у молодежи того времени стремление к модернизму, веру в "прогресс", в конструктивную перспективу, альтернативную социа-

листической. В Восточной Европе, как и в Западной, впервые появилось поколение, ориентированное преимущественно на постматериалистические ценности. Выросшее в обстановке послевоенного роста благосостояния, оно уверовало в свою экономическую безопасность. Всплеск постматериализма, связанный с очередной сменой поколений в начале 1980-х годов, нашел бурное проявление в Польше. Ее молодой образованный класс особенно активно заявил о своих требованиях расширения участия в принятии решений, по возможности самореализации, по повышению качества жизни. Вместе с тем межгенерационный культурный сдвиг, получивший название "тихой" революции, получил слабый отклик в чешском обществе, где все еще сохранялся режим "нормализации" и господствовали идеалы благополучной и обеспеченной семейной жизни. С точки зрения рыночных реформаторов наиболее прагматичную в регионе чешскую интеллигенцию можно было бы по степени "продвинутости" ее сознания считать "отстающей" от польской как минимум на пятилетку.

Более того, типологически – в зависимости от последовательности трансформации отдельных сторон мировоззрения людей в ходе "бархатных" перемен – Чехия тяготеет к группе менее развитых государств Юго-Восточной Европы – Румынии, Болгарии, Албании. Дело в том, что в одних странах изменения в массовом экономическом сознании были первичными и вели к сдвигам в сознании политическом, в других ситуация была противоположной. Последний случай как раз более характерен для Чехии и всей группы стран, где в послевоенный период существовал наиболее авторитарный тип правления, а частный сектор в экономике практически отсутствовал. "Новое мышление" здесь формировалось первоначально в политической сфере, а не экономической, как это было в Польше и Венгрии с их значительно более длительным опытом внедрения рыночных элементов хозяйствования. В польском и венгерском обществе материальные стимулы нарастания революционности масс были более весомы: антиэгалитарные взгляды проложили путь к идее политического плюрализма. Ориентация населения на проявление экономической инициативы, "параллельную" занятость, использование предоставленных ему широких возможностей роста дополнительных доходов на негосударственных предприятиях еще задолго до смены режима, собственно говоря, "прорубила окно в демократию". Как свидетельствуют данные социологических исследований, не что иное, как всплеск потребительских ожиданий, привел прежде всего поляков к идее смены системы.

Что же касается Чехии, то здесь высокообразованные специалисты – потенциальная социальная основа революционных изменений – и в преддверии ее делали ставку больше на карьерный рост через демонстрацию своей политической лояльности, чем на дополнительные доходы, легальные пути получения которых практически отсутствовали. Появление такого рода возможностей в Чехии во второй половине 1980-х годов не обострило, как в Польше, а, напротив, сгладило остроту проблемы материального потребления. Высокообразованные слои чешского общества интерпретировали процесс трансформации общественной системы в категориях прогресса распределительной справедливости, увеличения шансов на продвижение по ступеням социальной иерархии с соответствующим материальным вознаграждением. К протесту же в Чехии были более склонны владельцы не высшего, а скорее среднего профессионального образования, не имевшие широких перспектив карьерного роста. Именно они долгое время составляли здесь основной контингент занятых сверхурочной работой и работой по совместительству [11, Р. 9]. Идея частной собственности для чехов была менее значима по сравнению с идеей политического плюрализма, ликвидации монополии Компартии. В их среде, как и у румын, болгар, албанцев, регистрировалось наибольшее среди стран региона количество не "рыночников", а именно "демократов" [12, Р. 170].

Чешское общество осталось мало уязвимым по отношению ко всем переломным процессам постиндустриальной эпохи, в том числе и к революции в СМИ. В условиях, когда мир вступил в эпоху информационного общества, и политические процессы приобрели совершенно новые формы осуществления, образованный класс Чехии оказался

наименее манипулируемым с помощью современных телекоммуникационных технологий. Чешское общество особенно долго оставалось в стороне от советской перестройки – разновидности революции сознания, первого крупнейшего политического акта информационного общества. Сама социальная основа "бархатной" революции в Чехии являлась узкоэлитарной, включала часть деятелей культуры, неудовлетворенных своим статусом, и радикально настроенное студенчество.

Здравомыслящие чехи составляли своеобразный противовес полякам, в течение целого десятилетия находившимся в состоянии, близком к ценностному вакууму, когда преобладало преимущественно эмоционально-иррациональное восприятие происходящего, а движение "Солидарность" получило название "лебединой песни польского романтизма". Напротив, в чешском обществе менее всего была выражена характерная для событий 1989 г. массовая основа социального конфликта, заключающаяся не столько в интересах отдельных групп людей, сколько в разрыве между их в сильной мере утопическими ожиданиями – экономическими и политическими – и действительностью.

Революция 1989 г. – порождение демонстрационного эффекта западных стандартов жизни, впечатливших молодых восточноевропейских технократов. Ориентированные не на относительно недавнее в большинстве стран региона доиндустриальное прошлое, как их отцы, а на современные стандарты потребления, они стали жертвами "революции растущих ожиданий". 1989 год явился апофеозом сверхоптимистических надежд массовой интеллигенции. Ее нереалистические социально-экономические ожидания породили так называемый "фактор надежды", выступивший в роли основной движущей силы "бархатной" революции. Речь идет прежде всего о надежде на достижение западного уровня и стили жизни – теперь символа общественного прогресса. Идеализация этого символа сопровождалась всеобъемлющим нигилизмом по отношению к традиционным ценностям восточноевропейского общества – патерналистскому государству, эгалитаризму, коллективизму, аскетизму. Завышенные ожидания, связанные со сменой системы власти в регионе, нашли наиболее яркое выражение в широко распространенной вере восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Эта вера, как и утопические материальные ожидания, замечали исследователи, встречалась в горах Албании даже чаще, чем на улицах Праги [13. Р. 17]. То, что социолог Ю.А. Левада применительно к отечественному массовому сознанию рубежа 1980–1990-х годов назвал "мечтательной демократией", для чехов было свойственно в наименьшей степени.

Нельзя, однако, преувеличивать степени активности и других народов региона в событиях "бархатной" революции. Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г. или Польша 1980–1981 гг. не повторились нигде в 1989 г. Революционный подъем наблюдался короткое время и на ограниченном пространстве. Восточноевропейец, сформировавшийся в атмосфере уклонения от идеологизированных норм общественной жизни и "ухода в себя", выступил в то время, главным образом, как наблюдатель, исполненный надежд на перемены, идущие "сверху". Он одобрял эти перемены, даже подчас испытывал энтузиазм по поводу происходящих событий, но активно на них не влиял.

Так или иначе смена режима произошла практически одновременно во всех странах региона независимо от продолжительности подготовительного этапа к ней – времени перестройки сознания, как и от последовательности трансформации экономического и политического сознания населения.

"Бархатная" революция привела страны региона к смене их общественной системы в ходе "шоковой" либерализации и смене их геополитической ориентации в результате разворота в сторону военных и экономических структур Запада. Важнейшим показателем завершенности начатых в 1989 г. преобразований принято считать процессы европейской интеграции, которая получила название "вторичного шока" для жителей региона и пока наиболее ярко проявилась в расширении на Восток блока НАТО. Война в Югославии весной 1999 г. заставила народы региона пересмотреть господствовавшую здесь на протяжении десятилетия идеологию "возвращения в Европу". В отношении к этой идеологии, как и ко всем предшествующим, чешские реализм и

рассудительность вновь контрастировали, в частности, с польским романтизмом и эмоциональностью.

Чехи вдвое чаще, чем поляки, возражали против размещения на их территории иностранных войск (соответственно 62 и 32% опрошенных в 1997 г.) и против посылки их вооруженных формирований для ведения боевых действий под флагом НАТО (50 и 23%) [5. Р. 165]. Желание участвовать в деятельности альянса и нести за нее ответственность у "чешского человека" было относительно мало выражено еще задолго до агрессивных действий блока НАТО на Балканах.

Поляки поддерживали процессы вступления в Европейский союз с гораздо большим энтузиазмом, чем чехи, хотя с течением времени это желание и у тех, и у других явно, как свидетельствуют данные социологических опросов, сокращалось. Реалистичность восприятия процессов европейской интеграции проявляется особенно ярко в отношении поддержки незамедлительного их осуществления. Сторонники его в Польше составили в середине 1990-х годов больше трети опрошенных, в ЧР – всего 10%. Почти половина чехов не могла назвать никаких конкретных преимуществ такого рода интеграции. Больше всего волновала "чешского человека" перспектива утери своей национальной идентичности в результате вхождения в ЕС (16% опрошенных в 1996 г.) и лишь потом – возможный ущерб национальной экономике (11%). В целом проблема "цены" интеграции беспокоила чехов больше, чем поляков. В вопросе о членстве в европейских структурах "чешский человек" отчетливо демонстрировал интуитивный рационализм и прагматизм, а не идеализированные социальные ожидания. Чехи отдавали приоритет не символическому смыслу происходящего, его мифам и стереотипам, а конкретной информации, которая для трех четвертей из них служила главным основанием для выработки собственной позиции по политическим вопросам [5. Р. 158–159].

Новая общественная реальность внесла кардинальные перемены в жизнь "чешского человека", положение чешской семьи и стратегию ее выживания. Дефицит товаров и услуг сменился дефицитом финансовых ресурсов, а широко практиковавшаяся прежде совместная жизнедеятельность членов семьи уступила место их индивидуальным усилиям по увеличению семейного бюджета. Вместе с тем, если в 1984 г. в 81,5% семей к числу занятого населения относились оба супруга, находившиеся в трудоспособном возрасте, то в 1993 г. доля таких семей сократилась до 66,8%. На фоне ухудшения экономического положения семей снижалась их готовность инвестировать средства в получение детьми образования, вступать на рискованный путь предпринимательства: в Чехии его "бум" начала десятилетия был, пожалуй, самым непродолжительным в регионе. Относительно слабо проявлялось у чехов стремление к активному поиску более высокооплачиваемой работы, к которому даже в 1990–1991 гг. было склонно менее пятой части занятых, или к совместительству: второй источник дохода в 1996 г. имелся лишь у 4% работников [7. Р. 134, 136, 137].

В условиях падения уровня жизни в годы реформ чешские семьи явно дистанцировались от стратегии выживания через "социальное экспериментирование", предпочтя ей более надежную стратегию материального самоограничения. Когда возможности этого самоограничения исчерпались, иссяк и потенциал общественной поддержки самих либеральных реформ, просуществовавший в Чехии, надо заметить, дольше, чем во всех остальных странах региона. Конец 1990-х годов отмечен быстрым ростом прокоммунистических настроений чешского населения. Самым же коротким период негативного пересмотра политики реформ оказался в "экспериментирующем" польском обществе, избравшем пропагандировавшуюся идеологами демократического режима активную стратегию рыночной адаптации.

Внедрявшиеся в жизнь "чешского человека" в 1990-е годы новые нормы и порядки в большинстве случаев не находили отклика в его сознании, несмотря на все мифы о Чехии как об "оазисе реформ". Казалось бы привлекательные с точки зрения повышения качества жизни семей виды экономической активности не привились на чешской почве. Видоизменился способ деятельности и существования главным образом

верхушки чешского общества при сохранении относительной стабильности базисных уровней общенационального бытия.

Семья и после 1989 г. осталась для чеха главной жизненной опорой, священным для его преимущественно нерелигиозного склада мышления институтом. Однако в 1990-е годы – период интенсивной модернизации общественной и частной жизни, сокращения продолжительности внутрисемейного общения – институт семьи явно уходил на периферию. Об этом объективно свидетельствовал быстрый рост показателей разводимости населения на фоне снижения брачности. Причем к распаду были склонны в Чехии не столько семьи с низким уровнем жизни, сумевшие сгладить его падение включением механизмов межчеловеческой взаимопомощи, сколько семьи материально обеспеченные. Склонность же чешской молодежи к вступлению в брак, особенно раннему, сокращалась, как и в других странах региона. Наконец, во всем восточно-европейском регионе совершился переход от двухдетной к однодетной семье, в стороне от которого не могла остаться и Чехия.

Было замечено, что по сравнению с людьми пожилого и среднего возраста молодые – самая модернизированная часть общества – наименее толерантны. 59% чешской молодежи нетерпимы по отношению к своим старшим современникам, среди которых аналогичные чувства к "детям" испытывают 40% [14. Р. 203]. Произшедшие в результате социокультурной трансформации рубежа 1980–1990-х годов разрыв с прошлым и нарушение связи поколений вызвали обесценение опыта старших и появление недоверия к ним со стороны младших, особенно характерные для начального периода этой трансформации. Опрос, проведенный в 1990 г. в Брно, показал, что только 31% респондентов считают своих соотечественников заслуживающими доверия. Аналогичный показатель в Нидерландах в то же время достигал 88–90% [2. С. 74]. Причем взаимное недоверие между людьми господствовало несмотря на то, что в Чехии сохранялись очень тесные традиционные контакты между членами семьи, близкими и знакомыми. Хотя межчеловеческая взаимопомощь в решении жизненных проблем по-прежнему практиковалась широко и постоянно, но ее культурная, духовная основа претерпевала деградацию.

Политический режим, установленный в 1989 г. в странах Восточной Европы, потребовал от населения региона выработки соответствующих механизмов адаптации к нему. Расслоение общества и политика вестернизации, вытеснявшая национально-культурные ценности на периферию общественного сознания, не соответствовали чешскому духу, склонному к социальному равенству и национальной самобытности, если не замкнутости.

"Чешский человек", который никогда не относил себя к культуре собственно восточноевропейского типа и не сомневался в своей "европейской идентичности", воспринял разворот стран региона на Запад и смену системы наиболее спокойно и взвешенно. На протяжении целого десятилетия он пристально вглядывался в черты нового общественного устройства, прежде чем определить в своем отношении к нему. Время покажет, насколько органичным был "переход от социализма к капитализму" для самой западной – не только в географическом смысле – из славянских наций.

К концу 1990-х годов стало очевидным, что расставание в условиях очередной волны модернизации с элементами традиционного общества, воплощенными в феномене чешской семьи, может оказать разрушительное воздействие на своеобразный облик чешского общества, его национальную культуру. В ее сохранении и трансляции из поколения в поколение незаменимую роль всегда играл институт семьи – важнейший инструмент социальной адаптации "чешского человека".

Феномен чешской семьи особенно ярко проявился в 1970–1980-е годы, обеспечив стабильность массовой основы коммунистического режима в стране. Спустя десять лет после его падения один из лидеров "Пражской весны" и последующего диссидентского движения в Чехии Л. Вацулик назвал естественной склонностью этой европейской нации к социализму. "Причины, по которым у нас возник социализм, после переворота 1989 г. остались или же возвращаются" – писал он в июле 1999 г. [15. С. 16].

На новом историческом повороте чешская нация продемонстрировала неподвластную политическим коллизиям второй половины XX в. устойчивость ее социокультурного облика, характеризующегося консервацией элементов здорового традиционализма. Революционному процессу либеральной модернизации чешский народ в очередной раз противопоставил бережно хранимые им защитные механизмы национального выживания, которые можно было бы назвать "демографическими". Они затрагивают глубинные пласты человеческого существования, находящиеся на стыке "культуры" и "натуры".

По сравнению с представителями других наций региона Центральной и Восточной Европы, "чешский человек" еще до начала социалистической и либеральной модернизации в наибольшей степени преуспел в так называемом общецивилизационном развитии, о чем наглядно свидетельствует предпочтение им прагматических установок идеологическим. Вместе с тем не что иное, как консервация некоторых архаичных, по представлению разного рода реформаторов, черт национальной культуры и национального бытия не только сближает чехов с соседними народами региона, но и составляет основу их национальной идентичности и безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989; Bibliografie k dějinám Československa 1969–1990; Hlasy občanské společnosti 1987–1989 (do 17. listopadu). Výběr z textů a dokumentů; Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 – října 1989; Situační zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989); Pokyny a směrnice vedení KSČ nižším stranickým složkám (19. listopadu – 1. prosince 1989); K vývoji sovětské politiky vůči státům Varšavské smlouvy. Dokumenty a materiály 1989–1990. Praha, 1999.
2. *Možný I.* Proč tak snadno... Některé rodinné důvody sametové revoluce. Praha, 1991.
3. Situační zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989). Praha, 1999.
4. *Bayer I., Kabele J.* Politische Kultur der Tschechischen Republik und ihre Transformation. Köln, 1996.
5. *Stulík D.* Public perception of European integration process in Poland and the Czech Republic: a comparative analysis // Post-communist transformations. A new generation of perspectives. Warsaw, 1998.
6. *Nedomová A., Kostelecký T.* Národní identita. Praha, 1996.
7. *Rulíkova M.* The impact of post-communist transformation on the economic and social behavior of the Czech family // Post-communist transformations. A new generation of perspectives. Warsaw, 1998.
8. *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.
9. *Connor W.* Socialism, politics and equality. Hierarchy and change in Eastern Europe and USSR. New York, 1979.
10. Трудящаяся молодежь: ориентации и жизненные пути. Будапешт, 1980.
11. *Machonin P., Tuček M.* Historical comparison of social stratification. Types in Czechoslovakia in 1967–1984–1991. Prague, 1994.
12. *Rose R., Mishler W.* Mass reaction to regime change in Eastern Europe // British journal of political science. 1994. № 2.
13. *Mitev P.-E.* European integration and young people in Eastern Europe // Europe. The young. The Balkans. Sofia, 1996.
14. *Frič P.* Czechs and Slovaks after the velvet divorce // Political culture in East Central Europe. Aldershot, 1997.
15. Ex-libris–ИГ. 1999. 11. XI.

© 2000 г. Г.Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ

РОССИЯ И БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС, 1992 ГОД. ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДА К УРЕГУЛИРОВАНИЮ

Начало 1990-х годов отмечено распадом ряда социалистических федеративных государств, в частности СССР и СФРЮ. Коллапс последней вызвал самую кровопролитную после 1945 г. войну в Европе, в 1991–1995 гг. охватившую бывшие югославские республики: Хорватию, Боснию и Герцеговину. С апреля 1992 г. эпицентр войны перемещается в Боснию и Герцеговину (БиГ), где и происходят основные столкновения, унесшие к 1995 г. 25–60 тыс. жизней [1; 2]. Боснийский кризис стал предлогом для введения экономических санкций против образованной 27 апреля 1992 г. Сербией и Черногорией Союзной Республики Югославии (СРЮ) и международной изоляции этой страны.

Задачей статьи является освещение участия Российской Федерации (РФ) в процессе боснийского урегулирования, в первую очередь на первом этапе ее деятельности в Боснии, который пришелся на 1992 г.¹ В это время происходит вовлечение России в урегулирование балканского кризиса, растет значение югославской тематики на российской политической сцене. В этот период был принят ряд ключевых международных решений, во многом определивших ход событий на последующий период, создана правовая база и заложены механизмы управления кризисом.

В июне 1991 г., когда дезинтеграция СФРЮ начала выходить из-под контроля, Москва сформулировала свою позицию в пользу сохранения мирным путем "единой, независимой Югославии", за политическое решение кризиса через переговоры всех его участников [3. № 14(96). С. 30]. Находящийся в оппозиции "союзному Центру" Верховный Совет РСФСР ограничился нейтральным выражением озабоченности и призывом к мирному решению конфликта [4]. Из-за собственного внутреннего кризиса, ускорившегося после событий августа 1991 г., СССР не удалось оказать сколько-нибудь заметного влияния на ситуацию в Югославии. Московская встреча М.С. Горбачева, С. Милошевича и Ф. Туджмана 15 октября 1991 г. реальных плодов не дала. Первоначальная позиция Кремля, совпадавшая с официальным подходом США и стран ЕС, заявленным летом 1991 г. [3. № 21(103). С. 7], была подтверждена в ходе Гаагской конференции 18 октября и оставалась в силе до конца 1991 г. В сентябре 1991 г. СССР выступил коопонсором резолюции Совета Безопасности ООН № 713, наложившей эмбарго на военные поставки в Югославию. Несмотря на многочисленные нарушения, эта мера сыграла позитивную роль, в некоторой степени ограничив военный потенциал сторон и масштаб кровопролития. Фактически Советский Союз

Энгельгардт Георгий Николаевич – научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

¹ Отметим, что завершающий этап участия России в боснийском урегулировании подробно освещен в монографии К.В. Никифорова "Между Кремлем и Республикой Сербской" (М., 1999).

шел по пути наименьшего сопротивления, поддерживая общую на тот момент позицию Запада, любую попытку конфронтации с которым исключала слабость позиций М.С. Горбачева внутри страны. Поэтому можно предположить, что изменение западного подхода к балканскому кризису на рубеже 1991–1992 гг. вызвало бы и сдвиги в позиции СССР, переживи он декабрь 1991 г.

С 25 декабря 1991 г. место СССР в Совете Безопасности ООН заняла Российская Федерация. На международной арене появилась новая великая держава, которой предстояла адаптация к быстро изменяющимся мировым реалиям. Позднее глава российской дипломатии, А. Козырев, признавал, что процесс наследования был "далеко не автоматическим, могли быть разные варианты". По его словам, разрабатывая концепцию государства – продолжателя СССР "в самом тесном контакте с английскими и другими западными" дипломатами, их российские коллеги смогли убедить своих партнеров в том, что Россия не будет прибегать к своему праву вето, "блокируя работу Совета Безопасности, руководствуясь антизападной... доктриной" [5. С. 4]. Эта переориентация по времени совпала с началом крайне болезненных социально-экономических преобразований в самой России. Интересы реформы стали определять внешнеполитическую стратегию руководства страны, придававшего огромное значение экономической и политической поддержке преобразований со стороны Запада [6. С. 170]. Другим ключевым фактором являлось стремление руководства России к вхождению в западное сообщество, сближению с США. По словам тогдашнего пресс-секретаря президента РФ В. Костинова, на этот период приходится "пик российско-американских отношений", когда "Ельцин, отчасти под влиянием Козырева, разделял иллюзию, что если Москва договорится с Вашингтоном, то все проблемы России будут решены... похоже, верил в реальность невиданной американской щедрости" [7. С. 70–71]. Известную роль могла сыграть и признательность лидера России за поддержку, оказанную ему в августе 1991 г. руководителями западных стран [8. С. 171–172].

Все эти факторы не могли не сказаться на формировании балканской политики России. Первым ее шагом стало признание независимости Хорватии и Словении в феврале 1992 г. При этом Москва заявляла и об уважении выбора народов, желавших остаться в составе Югославии, отмечая, что "для нас не возникает вопроса о лишении Югославии ее международной правосубъектности" [9. № 6. С. 1].

Политическое урегулирование кризиса в 1991 – начале 1992 г. находилось в руках государств ЕС. Ключевые решения этого периода (признание независимости Словении и Хорватии) принимались европейскими странами. С обострением кризиса в БиГ в марте-апреле 1992 г. ведущая роль начала переходить к США, выступившим инициатором немедленного признания БиГ. Интернационализация боснийского кризиса началась еще до вспышки гражданской войны на этнической почве. Но предотвратить трагедию не удалось, более того, признание независимости БиГ, мыслившееся ЕС и США в качестве главного средства выхода из кризиса, и привело к началу трехлетней гражданской войны в республике (апрель 1992 – ноябрь 1995 г.).

В ходе перемен 1989–1991 гг. Россия ушла из центра Европы далеко на ее восточные рубежи. Весной 1992 г. Москва получила уникальный шанс частично восстановить свое присутствие в Юго-Восточной Европе. Усиление внешнего давления неизбежно толкало Белград к политической и экономической переориентации на Россию. Независимо от искренности славянско-православных чувств весьма прагматичного С. Милошевича, деградация отношений СРЮ с США и ЕС к маю 1992 г. могла быть достаточной гарантией длительной ориентации формировавшихся сербских государственных образований на Москву. Так, С.М. Самуйлов именно стремлением не допустить "создания на Балканах сильного государства с явно антизападной и одновременно пророссийской ориентацией", неизбежного при "объединении значительной... части [БиГ] с Сербией", объясняет дипломатическое признание Западом независимости БиГ [10. С. 63–64]. Действительно, из всех народов бывшей Югославии у России до 1917 г. наиболее прочные связи исторически сложились именно с сербами и черногорцами. При всех поворотах российской внешней политики принципиальная поддерж-

ка их национальных интересов (в том числе и в боснийском вопросе) оставалась стабильной. Ответные симпатии этих народов выдержали все неурядицы советско-югославских отношений после 1917 г. В числе факторов, определявших внешнюю политику Й. Броз Тито в 1955–1980 гг., американские исследователи выделяют концентрацию сторонников СССР в сербонаселенных районах Югославии, "где эти симпатии имеют исторические корни" [11. Р. 258]. Перемены в СССР породили надежды у многих деятелей сербского национального движения на возрождение былого партнерства, в том числе на поддержку в разгоравшемся конфликте. Содействие России, по их мнению, уравнесило бы соотношение сил сторон – Загреб открыто поддерживала Германия, мусульман – США и исламский мир.

Из Кремля же конфликт в регионе и интересы здесь России виделись иначе. Президент Б.Н. Ельцин считал его некой туземной усобицей, остановить которую призваны "достаточно высокоразвитые цивилизации", т.е. США и Россия, задача которых – "гасить локальные конфликты, примирять враждующие стороны". Согласованность политики США и РФ, определявшая, по его мнению, "общую позицию мирового сообщества", принципиально важнее поддержки какой-либо из "малых стран,... порой малых народностей", которые должны караться санкциями в случае непослушания. Сами детали конфликта маловажны: хотя "в нем правых и виноватых нет", но раз Сербия "считается агрессором", то судьба ее закономерна. Военное же вмешательство требует "особенно осторожного подхода" так же из-за возможных параллелей с конфликтами в бывшем СССР [9. С. 214, 219–220]. Других интересов России на Балканах не формулировалось.

Несмотря на внутренний кризис, объективно сузивший экономические и политические возможности России влиять на внешний мир [12. С. 297], эти возможности не исчезли: статус постоянного члена Совета Безопасности ООН позволял Кремлю играть важную роль в столь актуальном для бывших республик СФРЮ вопросе, как обретение ими международного признания и получение членства в ООН, учитывая резкий рост значения внешнего признания по сравнению с фактической властью утверждающегося режима / государства в послевоенный период [13. С. 38]. Более того, право вето позволяло Москве блокировать освящение авторитетом ООН политики двойных стандартов в отношении сторон югославского конфликта.

Надежды сербов потерпели крах уже весной 1992 г., что показывают материалы голосований в Совете Безопасности ООН по принимавшимся в 1992 г. резолюциям и заявления Председателя СБ. С апреля по декабрь 1992 г. Совет Безопасности принял 16 резолюций по боснийскому кризису, а председатели Совета сделали 11 заявлений. По всем документам антисербской² направленности РФ голосовала только "за" (первый раз Россия воздержалась лишь при голосовании резолюции № 820 от 17 апреля 1993 г.) или соглашалась с ними на стадии консультаций. Интересно выглядит в этой связи сравнение с Китаем или с традиционными партнерами Югославии по движению неприсоединения Индией и Зимбабве, предпочитавших воздерживаться от голосования по резолюциям явно антисербской направленности (№ 757, 770, 781, 787).

До апреля 1992 г., т.е. до начала гражданской войны в БиГ, МИД РФ не заявил ясной позиции в отношении этой республики. Практически одновременно с признанием США и странами ЕС независимости БиГ, 7 апреля СБ ООН принял резолюцию № 749, в частности призывавшую "все стороны... в Боснии и Герцеговине поддержать усилия ЕС по прекращению огня и выработке политического решения" [14. SCR 749. § 6. Р. 9]. За эту вполне нейтральную формулировку голосовала и Россия. В таком же духе было выдержано и заявление МИД России от 15 апреля. Охарактеризованный как "перерастание межнациональных столкновений в широкомасштабный кровавый конфликт, в который вовлекаются группы и силы из прилегающих... республик" (т.е. Сербии, Черногории и Хорватии – с другими республиками Босния не граничит), кризис

² Данная характеристика не носит оценочного характера. Имеется в виду интересы какой из сторон конфликта ущемляла то или иное решение.

в БиГ расценивался как реальная угроза странам региона, международному миру и безопасности [15. № 9/10. С. 23–24]. Ранее РФ, в числе остальных членов СБ, предложила Генсеку ООН направить в БиГ личного представителя для содействия усилиям ЕС [14. Р. 9].

Хотя в середине апреля представитель МИД заверял, что "вопросы (признания независимости БиГ и Македонии. – Г.Э.) не рассматриваются", еще 11 апреля Козырев поручает "срочно подготовить записку о признании БиГ" [16. С. 1]. Итогом подготовки стало признание правительством РФ государственной независимости Боснии и Герцеговины 28 апреля 1992 г., "исходя из права народов на самоопределение как одного из основных принципов международного права" [15. № 9/10. С. 34]. Этот шаг во многом определил дальнейшую эскалацию конфликта. Затем в СБ ООН, а потом и на заседании Генеральной Ассамблеи, РФ поддержала принятие в ООН (вместе с другими республиками бывшей Югославии) Боснии и Герцеговины [14. SCR 755. Р. 13]. Несмотря на фактическую анархию и распад республики международное сообщество, и Россия в том числе, приняло на себя обязательства по защите политической независимости и территориальной целостности этого весьма сомнительного с правовой точки зрения (по крайней мере, в тот момент) образования, треть населения которого с оружием в руках выступала против независимости. Это дало огромное преимущество лидерам мусульманской общины Боснии, установившим свою гегемонию в "международно-признанном правительстве Боснии" [17. Р. 61–62]. Боснийским сербам, создавшим свое государство – Сербскую республику БиГ³, противостояли с этого момента не только остальные боснийские общины вместе с Хорватией, но и все мировое сообщество, включая Россию. Позднее Козырев оправдывал признание необходимостью помешать "весьма агрессивным силам" лишить БиГ "права на независимость и суверенитет" [5. С. 4]. Единственной силой, открыто выступавшей против суверенизации БиГ, была сербская община республики.

Москва последовательно защищала целостность БиГ, отказывая в признании как Республике Сербской [15. № 19/20. С. 48], так и созданной 3 июля 1992 г. хорватской республике Герцег-Босна [15. № 15/16. С. 69]. Выступая за прекращение огня, Россия зачастую оставляла без внимания попытки самих боснийских сторон найти решение. Так, 6 мая 1992 г. лидеры РС и боснийских хорватов договорились в Граце о прекращении боевых действий и определили спорные территории, судьбу которых предстояло решить на переговорах [17. Р. 24]. Но отклика в Москве эта инициатива не получила. Даже осенью 1992 г. российские дипломаты полагали, что "кантонизация БиГ могла бы осложнить положение в этой республике" [9. № 36. С. 12]. Это, впрочем, не помешало А. Изетбеговичу, лидеру боснийских мусульман, сделать жест взаимности – официально встретиться с таким "поборником" целостности России, как чеченский лидер Д. Дудаев [18. 8 X], поставив в неловкое положение Словению, на территории которой без ее ведома встреча состоялась [9. № 46. С. 15].

Признание правительства Сараево легитимным руководством всей БиГ вело международное сообщество к выдвигению требований, изначально неприемлемых для боснийских сербов (ропуск их отрядов или постановка их под контроль Сараево). 15 мая СБ ООН вновь осудил силовые методы решения спора, потребовал от соседей БиГ "употребить все свое влияние для прекращения внешнего вмешательства" в боснийский кризис, а от боснийских сторон – соблюдения перемирия. Еще раз выражалась поддержка Советом Безопасности переговоров под эгидой ЕС по конституционному устройству БиГ, к "активному и конструктивному участию" в которых призывались все три общины республики [14. SCR 752. Р. 9–10]. Впервые здесь зазвучала и гуманитарная тема – СБ ООН призвал боснийские стороны не препятствовать доставке помощи.

15 мая 1992 г. Россия проголосовала за резолюцию № 752, которая содержала уже

³ Государственное образование боснийских сербов было провозглашено 9 января 1992 г. под названием Сербская республика БиГ; 6 августа 1992 г. оно стало именоваться Республикой Сербской.

не призывы, а требования к сторонам: немедленный вывод из БиГ частей ЮНА и хорватской армии, открытие аэродрома Сараево для гуманитарной помощи, отказ от политики этнических чисток. Резолюция была заведомо невыполнимой для боснийских сербов из-за требования роспуска всех "нерегулярных формирований" или постановки их под контроль правительства БиГ, против которого сербы и восстали. "Полностью поддерживая... усилия по доставке гуманитарной помощи... и по содействию добровольному возвращению перемещенных лиц к своим очагам", СБ закладывал легальную основу возможной гуманитарной интервенции, которая тогда широко обсуждалась в США [14. SCR 752. § 7–8. P. 11]. Однако резолюция все еще носила переходный характер из-за призывов к продолжению переговоров под эгидой ЕС по будущему конституционному устройству Боснии.

Начальный этап гражданской войны в Боснии по времени практически совпал с резкой эскалацией этнических конфликтов в бывшем СССР, в частности – Приднестровского, напрямую касавшегося судеб русской диаспоры. Потому российское общественное мнение, в отличие от стран Запада, осталось в стороне от активного осуждения сербов и поддержки их противников. Кроме исторических традиций, огромную роль здесь сыграло сходство положения, в котором русские и сербы оказались после распада союзных государств, и проблем, вставших перед их диаспорами. Так, поездку по горячим точкам Югославии А.В. Козыреву пришлось прервать для выступления в парламенте по крымскому вопросу. В Москве спорили сторонники активных, в том числе и силовых, действий и защитники сугубо политического решения постсоветских проблем, позднее названные Козыревым "партией войны" и "партией мира" [19. 30 VI]. Обе стороны в ходе дискуссий использовали югославскую тематику. Сторонники активных действий, особенно из оппозиционного лагеря, ставили в пример Кремлю "решительные действия Сербии по защите соплеменников", что глава МИД парировал примером трагедии Сараево.

Известные колебания Москвы сказались в ходе обсуждения боснийской проблемы на встрече СБСЕ в Хельсинки в апреле-мае 1992 г. Декларация Комитета высших должностных лиц (КВДЛ) от 1 мая, поддержанная Россией, признала конфликт "агрессией" со стороны ЮНА и поддерживаемых ею сил, нарушающей полномочия законного правительства БиГ [20. С. 209]. Одновременно представители России заблокировали предложение США и ЕС об исключении Югославии из СБСЕ, видя в этом "опасный прецедент", грозящий миру в регионе [9. № 10. С. 15]. Еще одна причина была названа главой российской делегации Е. Гусаровым – недовольство практикой подготовки документов лишь США и ЕС без консультаций с другими странами и желание учета "голоса России в таких вопросах" [19. 13 V]. Достигнутый компромисс – неучастие Белграда в решении в СБСЕ вопросов, касающихся балканского кризиса при сохранении членства в СБСЕ, был принят формулой "консенсус минус 1" по инициативе России. Особая позиция Кремля вызвала бурную реакцию – от благодарности СРЮ до недовольства западных партнеров [20. С. 211]. Ее поддержала пресса – от "Известий", полагавших, что заступничество Москвы дает ей дополнительные возможности склонять Белград к уступкам [19. 12 V], до "Правды" [21. 12 V].

Е. Кожокин, председатель Комитета по безопасности ВС РФ, выразил одобрение парламента самостоятельной позицией, "впервые занятой МИДом" [18. 30 V]. Совершенно иначе реагировали США. Госсекретарь Дж. Бейкер выразил недовольство провалом попытки "исключения Сербии" и беспокоился из-за поддержки ее Россией, препятствующей "принятию [СБСЕ] решительных мер... для оказания давления на режим Белграда", подкрепляя свои слова скрытой угрозой: "...Если Ваше правительство будет... придерживаться взятого курса, это создаст впечатление, что Россия не стремится к сотрудничеству с сообществом стран СБСЕ..." [16. С. 1]. Учитывая отмеченное выше значение, придававшееся отношениям с Вашингтоном, ожиданиям западной помощи, можно предположить, что давление дало эффект. Позднее Козырев подчеркивал "беспрецедентно благоприятное международное окружение", в которое попала Россия, поддержав санкции [5. С. 4].

В свое время российско-сербский торговый протокол на 1992 г., предусматривавший объем двусторонней торговли в 3,5 млрд долларов, расценивался как "самое крупное внешнеторговое соглашение суверенной России" [19. 4 I]. Потенциальный ущерб от блокирования санкций позднее оценивался в 15 млрд. долларов западных кредитов, в 18 млрд долларов – отсрочки платежей по долгам и реструктуризации долга, но при этом имелась в виду поддержка всех санкций, введенных СБ ООН (против Ирака, Ливии, СРЮ); оценка потерь от разрыва с СРЮ в 1,5–2 млрд долларов объявлялась завышенной [9. № 59. С. 11–13]. Кроме отсрочки платежей, Россия рассчитывала и на крупномасштабную кредитную поддержку со стороны "семерки" – знаменитые "24 миллиарда долларов", игравшие большую роль в планах экономической реформы [22. 6 V]. Разговоры о них велись с весны 1992 г., но российское руководство так и не добилося от своих западных коллег твердых обязательств по этому поводу. В результате цена "жеста доброй воли" Москвы оказалась куда скромнее – на мюнхенской встрече "семерки" в июле 1992 г. Россия получила кредит всего в 1 млрд долларов.

Когда 30 мая Россия проголосовала за санкции против Югославии, пресса сочла, что балканская политика Кремля претерпела резкий поворот в последних числах мая 1992 г., после югославского турне Козырева. Представляется, однако, что коррекция курса Смоленской площади произошла раньше – к 18 мая. Этим днем датирован ответ Бейкера на послание Козырева, знакомившее госсекретаря с программой предстоящей поездки российского министра по столицам югославских республик. Дружеским тоном Бейкер высказывал пожелания относительно разговора Козырева с лидером Сербии Милошевичем, фактически предлагая московскому коллеге передать тому коллективный ультиматум Запада: "прекратить оккупацию соседних государств,... обеспечить гарантии прав меньшинств", а также вывести из БиГ ЮНА и прекратить любые формы поддержки "нерегулярных формирований", т.е. сил боснийских сербов. Более того, госсекретарь "надеялся, что Вы от имени Москвы сделаете ему аналогично жесткое заявление, особенно учитывая длительные и глубокие связи между Сербией и Россией, ...которые... сербы высоко ценят" [16. С. 1].

В тот же день российский министр, первым за долгое время из дипломатов такого ранга, начал визит в республику бывшей Югославии. В СРЮ на него возлагали огромные надежды [12. С. 43], сам министр говорил о "соло", которое должна сыграть в балканском урегулировании Россия. На деле же одной из своих задач Козырев полагал развеять "необоснованные иллюзии" о поддержке Белграда Москвой против давления Запада, указать на "условный характер" поддержки в СБСЕ. По мнению министра, тот факт, что Москва осталась едва ли не "единственной... столицей, к мнению которой в Белграде готовы прислушиваться", давал ей шанс добиться от сербов уступок, каких не могло вырвать давление Запада [19. 21 V]. Именно в этом плане можно рассматривать разрекламированный козыревский план урегулирования – так называемый "русский мир". 24 мая министр посетил Загреб и Люблян, где были подписаны протоколы об установлении дипотношений с Хорватией и Словенией. Затем он все-таки смог добраться в Сараево, где 26 мая провел переговоры как с номинальным главой БиГ (председателем Президиума республики) А. Изетбеговичем (фактически тот представлял лишь мусульманскую общину Боснии), так и с лидерами Сербской Республики БиГ. После них был оглашен следующий план "русского мира": прекращение огня в БиГ; разблокирование и восстановление сараевского аэропорта и дороги к нему для доставки гуманитарной помощи; выполнение соглашения об эвакуации военных казарм; признание сторонами конфликта суверенитета и территориальной целостности БиГ как основы политического урегулирования; достижение политического урегулирования путем переговоров на конференции под эгидой ЕС [19. 27 V].

"Русский мир" не пережил отъезда своего автора – бои в Сараево возобновились сразу после него. Не была учтена такая "мелочь", как стратегии самих участников конфликта, в частности мусульман. Их "жертвенная стратегия", как ее определяет Кс. Бугарель [23. Р. 15–16], состояла в том, чтобы любой ценой добиться внешней воен-

ной интервенции. Л. Маккензи, командовавший до июля 1992 г. "голубыми касками" в секторе Сараево, считал целью мусульманского руководства заставить ООН или Запад "выиграть для них войну, добиться победы в которой сами они не могли" [24. P. 61]. По меткому замечанию С.М. Самуйлова, "русский мир", «отвечая интересам Запада, представлениям Козырева о том, как должно проходить урегулирование в "цивилизованном мире", не отвечал реальной действительности» [10. С. 66].

Взрыв в Сараево 27 мая 1992 г., унесший 16 жизней, стал первым в перечне "странных" трагедий, предшествовавших каждому серьезному нажиму на сербов. Мусульмане использовали его как предлог для отказа от переговоров в рамках конференции ЕС, формат которой (равноправное участие трех общин) давно мешал им в полной мере воспользоваться выгодами международной правосубъектности.

28 мая 1992 г., на волне общественного негодования, ЕС вводит экономические санкции против СРЮ. Однако без участия России, основного экспортера энергоносителей в СРЮ, равно как и ряда других государств, меры эти были бы неэффективны – и в тот же день представители США, Англии и Франции в СБ ООН ознакомили представителей России и КНР с проектом резолюции СБ о санкциях против СРЮ. Ю.М. Воронцов, представлявший в СБ Россию, пытался добиться смягчения резолюции, предложив вводить санкции поэтапно (начав с прекращения воздушного сообщения с Белградом), но настаивать на этом не стал. Он также не возражал против самого тезиса о "главной ответственности" Белграда, удовлетворившись заявлением коспонсоров относительно "ответного" характера участия войск Хорватии в боснийской войне и ни к чему не обязывающей формулировкой о готовности "рассмотреть вопрос о распространении санкций и на Хорватию", если она продолжит нарушать резолюцию СБ ООН "после выполнения ее Белградом". Лишь в вопросе об отказе СРЮ в "наследовании" места СФРЮ в ООН полпред поддержал "оговорки" Франции, указав на нежелательность разрыва с Белградом, чего, впрочем, резолюция и не предусматривала.

Описывая обстановку в ООН, Воронцов указывал на поддержку санкций "подавляющим большинством делегаций", верно предположив, что "лишь Китай и 1-2 неприсоединившиеся страны" воздержатся при голосовании. В донесении Воронцова в МИД возможность наложения Москвой вето на санкции вообще не рассматривалась – предлагалось "возражать против резолюции... и проголосовать за нее" или воздержаться, если это "может вызвать трудности ... в Верховном Совете". Дипломат сообщал о "пожелании" коспонсоров получить поддержку проекта Россией, об их обеспокоенности «сочувствием России "православной Сербии"». В примечании к документу говорилось, что "МИД считает целесообразным согласиться с предложением представительства и, если не поступит других указаний, проголосуем завтра за резолюцию. Одновременно выпустим заявление, разъясняющее, что Россия сделала намного больше других стран для поддержки Сербии. Однако ... нашему терпению пришел конец. Россия – великая держава, с которой должны считаться ... и друзья" [16. С. 1]. 29 мая в "Известиях" Козырев открыто требовал от Белграда в "ближайшие часы ... конкретных шагов", угрожая "заговорить ... другим языком", не исключая и интервенции [19. 29 V]. Россия добилась лишь включения в текст резолюции декларативного требования к Хорватии о выводе ее войск из БиГ.

Таким образом, версия об "экспромтном" решении президента Ельцина, принятом в ходе переговоров с председателем Комиссии ЕС Ж. Делором 30 мая [25. С. 11] не совсем точна. Скорее можно говорить о попытке президента получить максимум эффекта (экономической помощи) от уже принятого решения броской формой его подачи.

Голосование России за резолюцию СБ ООН № 757 подвело черту под первой фазой российского участия в урегулировании боснийского кризиса. Возлагая ответственность за неисполнение резолюции № 752 на СРЮ, документ предусматривал запрет на торговлю, финансовый оборот, авиасообщения, научно-техническое, культурное и спортивное сотрудничество с СРЮ [14. SCR 757. § 4 (a–c), 5–6, 7 (a–b),

8 (a–c), 9. P. 15–16]. Введение крайне жестких экономических и политических санкций против СРЮ стало одним из важнейших событий в истории современного балканского конфликта.

Резолюция ООН № 757 не смогла остановить войну. Напротив, наиболее интенсивная фаза боснийских боев пришлась как раз на лето-осень 1992 г. (ряд безуспешных, но кровопролитных попыток мусульман деблокировать Сараево, сражение за Посавинский коридор, бои в Средней Боснии), а сама она затянулась до октября 1995 г. Санкции также лишь обострили проблему этнических чисток, не стимулируя лидеров СР облегчить положение оказавшихся под их контролем мусульман и хорватов. Более того, изоляция и ограничение ресурсов существенно лимитировали саму способность, не говоря о желании, Пале влиять на отношение местных сербских властей к меньшинствам. Негласной, но "главной", целью резолюции была смена власти в Белграде путем "изменения отношения к ней населения СРЮ" [16. С. 1] (Козырев также заявлял, что "главная цель – поддержать разумные силы югославского руководства и общества" [25. С. 48]). Однако президент Сербии Милошевич лишь укрепил свои позиции за счет вызванной внешним давлением национальной мобилизации [26].

Санкции, не достигнув декларируемых целей, оказались крайне эффективным инструментом изменения баланса сил в регионе: потенциал СРЮ, других сербских образований начал постепенно сокращаться, а силы хорвато-мусульманского лагеря – расти. С момента введения санкций они стали самоценным предметом политического торга – существенные политические уступки Белграда оплачивались лишь обещаниями смягчения эмбарго. Успех с резолюцией № 757 убедил лидеров Сараево в большей эффективности наращивания конфликта, чем поиска мирного решения.

Свою позицию правительство России обосновывало "ответственностью великой державы за поддержание международного правопорядка", обвиняя Белград в игнорировании "добрых советов", и призывая к "использованию всех мер по установлению мира" [15. № 12. С. 18]. Позднее МИД определял значение санкций несколько скромнее – этот шаг "отрезвил радикально настроенные политические силы Сербии, показал несостоятельность их линии, создал предпосылки для закрепления курса Панича на мирное урегулирование югославского кризиса" [9, № 596. С. 13].

Резолюция № 757 качественно изменила отношение российского общественного мнения к кризису на Балканах, вызвав "волну протестов". Е.Ю. Гуськова отмечает перелом в отношении российской общественности к югославской тематике с лета 1992 г. (дискуссия по санкциям и по возможным военным ударам по СРЮ) [12. С. 44]. Сразу после принятия резолюции СБ ООН появились данные о непричастности сербов к взрыву 27 мая, был опубликован намеренно задержанный доклад Генерального секретаря ООН по ситуации в Боснии, в котором отмечалась значительная самостоятельность Сербской Республики БиГ от белградских властей, особенно в военных вопросах, что "значительно осложняет" вывод остатков ЮНА, а также о массированном участии войск Хорватии в боснийской войне. Б. Бутрос-Гали подтвердил реальность усилий Белграда по выводу войск [27. S/24049. 30 V 1992. § 1–2, 5, 8–9]. Аргументы защитников санкций (несговорчивость Югославии, срыв "русского мира" сербами, справедливый подход ко всем нарушителям резолюции № 752) стремительно рушились. Однако если Россия могла в силу своего права вето влиять на решение на стадии его принятия, то все ее призывы смягчить санкции, учесть сотрудничество Белграда были бесплодны – "заставить [Запад изменить свою политику] мы не можем", – признавал Козырев [28. С. 48]. Причиной тому был и предусмотренный в резолюции механизм осуществления санкций, лишь в неопределенной форме предполагавший контроль СБ ООН за исполнением требований резолюции № 752 с возможностью их "приостановления или прекращения" [14. SCR 757, § 16, 17. P. 17]. Отсутствие каких-либо ограничений по времени или механизма регулярного продления режима санкций не давали России возможности реально влиять на осуществление эмбарго. Отметим, что позднее, при смягчении режима санкций в сентябре 1994 г., США вклю-

чили в текст резолюции ООН № 943 специальную процедуру регулярной проверки поведения Белграда [14. SCR 943. § 3–4, 17. P. 103–104].

Даже либеральная пресса писала, что "санкции против Югославии не учли интересов России" [19. 4 VI], а оппозиционная прямо обвиняла Кремль в предательстве интересов России и Сербии. Протестовали партии, общественные и иные организации, деятели культуры, группы граждан (эти протесты появлялись в основном в оппозиционной прессе). Недовольство разделяли и сами дипломаты – именно летом 1992 г. в печать попали цитировавшиеся выше документы МИД, поставившие Смоленскую площадь в крайне неудобное положение (министерство признало их подлинность [9. № 16. С. 6; № 30. С. 5]). Против санкций неоднократно выступали российские балканисты, в своем обращении к югославским коллегам называя их "трагической ошибкой" [21. 16 VI]. По отношению к санкциям и официальной политике экспертно-сообщество в Москве разделилось на две неравные части: в защиту проводившегося курса выступили П.Е. Кандель, А.А. Язькова, В. Каменецкий, а их оппоненты, в том числе П.В. Волобуев, Л.В. Тягуненко, В.К. Волков, Е.Ю. Гуськова, осудили его как не соответствующий долговременным интересам России в этом регионе. Позднее эти различия оформились в две основные историографические тенденции в изучении кризиса на территории бывшей Югославии.

Обращение ученых-балканистов к Верховному Совету (4 июня), предложивших обсудить вопрос "об основах нашей внешней политики", положило начало активному участию парламента в дебатах по балканскому кризису. Показательна динамика отношений депутатов к этой проблеме: 5 июня предложение ввести мораторий на присоединение России к санкциям не прошло в повестку дня [22. 6 VI]; 8 июня югославская проблема выносится Президиумом Верховного Совета на рассмотрение парламента; 10 июня весьма чуткий к настроениям ВС Р.И. Хасбулатов высказывался от имени Президиума ВС за "принятие международных военных мер против Сербии", утверждая, что "Россия безусловно поддержит направление туда войск ООН..., несмотря на хорошие в прошлом отношения с Сербией" [22. 11 VI], на слушаниях 26 июня он, однако, уже говорил о позиции России по вопросу о санкциях как о "грубом просчете, отнюдь не умышленном, ... скорее всего из-за ... отсутствия опыта" [28. С. 68].

Проведенные 26 июня 1992 г. парламентские слушания по кризису на Балканах показали непопулярность линии правительства. Так, Е.А. Амбарцумов, председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям, упрекал МИД за "поспешность" в решении по санкциям, принятом без участия парламента, за преждевременность признания ряда республик бывшей СФРЮ, в том числе БиГ, указывая на то, что вопреки международному праву признанная Москвой власть не контролировала территорию своей страны. Амбарцумов выступал против абсолютизации принципа нерушимости границ, основываясь на том, что он "прежде всего применим к устоявшимся государствам" [28. С. 52–53]. В ходе дискуссии против проводимой линии высказалась как "оппозиция" (И.И. Андронов, Н.А. Павлов), "центристы" (С.А. Михайлов, А.П. Сурков), так и "демократы" (Е.А. Амбарцумов, О.Г. Румянцев). За постановление по итогам слушаний проголосовали 130 депутатов, против – один, семеро воздержались [28. С. 59]. Принятое постановление ВС "О содействии урегулированию югославского кризиса" обязывало правительство РФ "при определении дальнейших шагов ... в связи с югославским кризисом придерживаться сбалансированного, объективного подхода ко всем сторонам с учетом реальной роли и ответственности каждого участника...", не допускать "вооруженного вмешательства извне отдельной страны или группы стран в конфликт в Боснии и Герцеговине под каким бы то ни было предлогом. Одновременно наращивать международное взаимодействие в целях достижения политического урегулирования кризиса. Способствовать беспрепятственной доставке в республику гуманитарной помощи". Непосредственно МИД поручалось "изучить возможность постановки в Совете Безопасности ООН вопроса о сокращении объема санкций в отношении Союзной Республики Югославия (Сербии и

Черногории)...". Впервые на официальном уровне ставился вопрос о возможности "...введении моратория на их применение при получении свидетельств готовности Союзной Республики Югославии выполнять адресованные ей положения указанной резолюции" [28. С. 70].

Дополнительным мотивом вовлечения ВС в обсуждение кризиса на Балканах являлось стремление закрепить участие парламента в принятии внешнеполитических решений. Ситуация осложнилась тем, что по действовавшей тогда Конституции, правом "принимать к рассмотрению любые вопросы внешней и внутренней политики Российской Федерации" обладал лишь Съезд народных депутатов, Верховный Совет мог лишь давать правительству рекомендации, а не обязывающие постановления. МИД объявил парламент неправомочным ставить под сомнение решения СБ [9. № 23. С. 11]. 14 июля президент Ельцин, несмотря на решение парламента, подписал распоряжение № 362 "О мерах, связанных с выполнением резолюции СБ ООН № 757 от 30 мая 1992 г." [29. № 3. С. 105–106], и Россия официально присоединилась к режиму санкций против СРЮ.

Идея гуманитарной интервенции, призванной прекратить боевые действия, анархию и страдания мирного населения, не преследующей при этом каких-либо выраженных экономических и геополитических интересов, была весьма популярной на Западе в начале 1990-х годов. Применительно к Боснии такой вариант обсуждался уже с весны 1992. Целью операции назывались доставка гуманитарной помощи страдающему гражданскому населению (в основном в районы, находившиеся под контролем правительства Сараево), создание условий для возвращения беженцев и превращение кровопролития. Эти взгляды разделял и Козырев. Реализовать их предполагалось нанесением военного поражения боснийским сербам и поддерживавшей их СРЮ, на которую возглавляемое США мировое сообщество возложило вину за трагедию.

В августе 1992 г. сообщения о "сербских концлагерях" привели к новому обострению ситуации вокруг БиГ. 13 августа СБ принял две резолюции (№ 770 и 771), первая из которых предусматривала оказание гуманитарной помощи по всей территории БиГ, а не только в районе Сараево. СБ ООН также требовал для Международного комитета Красного Креста свободы доступа во все лагеря, тюрьмы и сборные пункты, равно как и гуманного отношения к пленным и заключенным. Всем государствам предлагалось "поддержать" выполнение положений резолюции. Расширительная трактовка пункта о беспрепятственности доставки помощи вновь делала возможной гуманитарную интервенцию. Россия не только голосовала за эти резолюции, но и выступила их коспонсором.

Важным этапом в развитии боснийского и всего югославского кризиса стала Лондонская конференция по бывшей Югославии, которая состоялась 25–28 августа 1992 г. и заняла место конференции ЕС, приняв основные принципы урегулирования конфликтов в Югославии, а также создав постоянно действующий Координационный комитет (КК) Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ) как основной механизм политического урегулирования конфликта.

Существенным результатом конференции и важным достижением боснийских мусульман стал отказ от концепции раздела Боснии на три национальных республики, замененной на гарантии прав меньшинств, при сохранении императивного требования гарантий суверенитета и территориальной целостности БиГ. Одной из причин этого было желание стран ЕС предотвратить появление в Европе второго после Албании мусульманского государства, пусть и небольшого по своим размерам. Сохранение Боснии как трехобщинного государства представлялось достаточной гарантией включения республики в общеевропейские процессы. С.М. Самуйлов справедливо характеризует этот результат как главную победу на форуме Запада, добившегося "главного – признания всеми, включая Белград, суверенитета и территориальной целостности БиГ" [10. С. 67]. Как писал сопровождавший российскую делегацию журналист "Известий", "боснийским сербам вряд ли стоит надеяться на... создание самостоятельного государства или же присоединения к Сербии", так как все державы против

пересмотра границ [19. 1 IX]. Примечательно, что идея "двойной гарантии" (мирового сообщества и Белграда) принадлежала российской делегации, посчитавшей ее достаточной для удовлетворения интересов всех сторон, в том числе и сербов [18. 29 VIII]. Потребовался почти год интенсивных переговоров, чтобы убедиться в отсутствии реальных альтернатив этнотерриториальному разделу Боснии. Фактически речь шла о выборе способа получения односторонних уступок от РС – политическим давлением или военным вторжением, а не о попытке найти справедливое разрешение кризиса через взаимные компромиссы.

На Лондонской конференции определенную роль сыграла и российская делегация, добившаяся приглашения на форум в качестве частных лиц представителей СРЮ и РС (Д. Чосича, президента СРЮ, премьера СРЮ М. Панича, президента Сербии С. Милошевича и президента РС Р. Караджича) и отказа США, Великобритании и Франции от силового способа доставки гуманитарной помощи в БиГ. А.В. Козыреву и его заместителю В.И. Чуркину удалось также убедить делегацию СРЮ подписать документы форума [30. № 28. Р. 22–24]. Представители России разделяли философию своих западных коллег, расходясь с ними исключительно в нюансах тактики достижения поставленной цели. В подкрепление слов Козырева о желании России "сделать более надежной процедуру проверки" исполнения санкций [18. 28 VIII], именно Москва предложила усиление режима санкций на Дунае с помощью "ограниченного воинского контингента". Также в пакет российских предложений входили создание международного комитета по выполнению решений конференции, замораживание вопроса о границах, безусловное выполнение сторонами резолюций СБ ООН [18. 26 VIII]. Известное влияние на позицию МИД оказал вошедший в состав российской делегации Амбарцумов, выступавший против превращения конференции в судилище над Югославией. Примечательно, что сам Козырев в беседах с прессой говорил о роли "смягчающего антисербский накал" "просербского лобби", которую играет Россия, сразу же ограничивая масштаб этой протекции тем, что "Белград уже настолько дискредитировал себя, что стать открыто на его сторону невозможно, да и для этого нет оснований" [19. 1 IX].

Только в таком контексте можно счесть действия российской дипломатии успешными: под согласованным давлением лидеры РС пошли на ряд уступок, согласившись поставить под контроль ООН тяжелое вооружение, закрыть все лагеря военнопленных и покинуть ряд территорий, в частности – занятую ими часть г. Горажде на востоке Боснии [9. № 37. С. 2; 27. АС/24795. § 22]. Лондонская конференция повлияла и на выбор Москвой тактики в отношениях с СРЮ, закрепив ориентацию на поддержку премьера СРЮ Панича против президента Сербии Милошевича с целью "помочь тем в Белграде, кто занимает разумную позицию и ...изолировать агрессивные силы" [18. 28 VIII].

С началом работы Координационного комитета МКБЮ в Женеве Россия оформляет свое подключение к процессу урегулирования кризиса. Москву в комитете представлял заместитель директора 1-го Европейского департамента МИД А.Л. Никифоров [9. № 36. С. 4]. Россия активно поддерживала деятельность сопредседателей КК, выступила коспонсором резолюции СБ ООН № 787 от 16 ноября 1992 г., призывавшей стороны к принятию предложенных МКБЮ конституционных начал за основу политического урегулирования [14. SCR 787. Р. 34–37]. Полное одобрение деятельности МКБЮ было выражено и в ходе визита сопредседателей в Москву 9–10 октября 1992 г. В ноябре 1992 г. сопредседатели представили основные принципы предполагавшегося политического решения конфликта. В соответствии с зафиксированной в Лондоне необходимостью сохранить суверенитет и целостность БиГ, они отвергли "любую модель, основанную на принципе создания трех отдельных государств", полагая, что такая конфедерация была бы крайне хрупкой, так как "два из них установили бы с соседними государствами бывшей Югославии более тесные связи, чем с двумя другими образованиями БиГ". Одновременно они признали неприемлемость идеи "централизованного государства ...для двух из основных этнических

ких/конфессиональных групп в БиГ". Поэтому в качестве концепции разрешения кризиса ими выдвигалась идея "создания децентрализованного государства" как "единственное жизнеспособное и надежное решение" [27. АС/24795. IV. В.2, § 36–38].

9 октября 1992 г. Россия выступила коспонсором резолюции № 781, установившей запрет на использование военной авиации в БиГ [14. SCR 781. P. 32–33]. В соответствии с высказанным ранее "беспокойством" Москвы возможностью применения силы в отношении нарушителей [9. № 43. С. 11], резолюция предусматривала предоставление права принятия СБ ООН решения об ужесточении режима "бесполетной зоны" в случае его нарушений. Решение, ущемлявшее позиции боснийских сербов, компенсировавших авиацией и артиллерией превосходство мусульман в живой силе, Россия квалифицировала как важный шаг на пути "деэскалации кризиса и уменьшения жертв среди мирного населения" [9. № 45. С. 2–3]. Через месяц, 10 ноября 1992 г., СБ ООН согласился с планом реализации запрета на полеты, предложенным Генеральным секретарем ООН (контроль воздушного пространства над БиГ силами НАТО) [14. SCR 786. P. 34].

Заметна противоречивость российской политики – не добившись поощрения Панича в виде смягчения режима санкций, Россия вскоре становится одним из инициаторов резолюции № 787, ужесточившей режим санкций против СРЮ (был запрещен транзит сырой нефти, нефтепродуктов, угля и т.п. через территорию СРЮ). Уже в преамбуле выражалась "глубокая озабоченность угрозой территориальной целостности Республики БиГ, пользующейся всеми правами государства-члена ООН". В этой связи объявлялось о непризнании "любых самопровозглашенных образований или договоренностей", противоречащих принципу неизменности границ. В развитие решений Лондонской конференции объявлялась неприемлемой также любая форма «насильственного захвата территории или "этнической чистки"». Впервые в резолюции СБ ООН изо всех сторон конфликта "военизированные силы боснийских сербов" были названы нарушителями резолюций ООН; от Пале снова потребовали выполнения положений данных документов. РФ добилась включения в текст резолюции требования о выводе из БиГ войск Хорватии. Нереалистичной была сформулированная в резолюции концепция прекращения войны как роспуск всех неподчиняющихся правительству БиГ отрядов или постановку их под его контроль. Таким образом, две конфликтующие стороны фактически должны были сдать на милость третьей. Более реальным являлся призыв к прекращению блокады и превращению в демилитаризованные зоны Сараево и других городов с передачей тяжелого вооружения под международный контроль. Последняя в 1992 г. резолюция СБ ООН по Югославии, за которую проголосовала и Россия, относилась к проблеме "массового, организованного и систематического задержания и изнасилования женщин, в особенности мусульманок, в БиГ". Помимо осуждения такой практики и требования незамедлительного закрытия всех центров задержания, в особенности женских, СБ поддержал инициативу ЕС о направлении специальной комиссии для расследования вопроса на месте [14. SCR 787. § 9–16; 17. P. 35–36].

Широкие полномочия Верховного Совета РФ того времени оказали весьма своеобразное влияние на реально проводимую политику. В публичных декларациях российская дипломатия старалась отразить сформулированную парламентом линию на объективный подход, на противодействие попыткам давления только на сербские государственные образования, на смягчение санкций (Лондонская конференция по бывшей Югославии 25–28 августа). Но одновременно в Совете Безопасности ООН РФ выступала за ужесточение контроля за соблюдением тех же санкций (резолюция № 787 от 16 ноября).

Нужно учитывать и существовавшее в 1992 г. общее плохое понимание реальных действующих сил на Балканах. И депутаты, и общественное мнение, и дипломаты часто подразумевали под Сербией, Белградом, Югославией весь комплекс сербских государственных образований на территории бывшей СФРЮ (СРЮ, РС и РСК), не вполне учитывая уже тогда проявившиеся различия их интересов и подходов. Поэтому

принимаемые на такой основе рекомендации зачастую носили нечеткий характер и могли подвергаться различной трактовке, что и произошло с постановлением ВС от 26 июня.

К осени 1992 г. сложился еще один негласный консенсус по поддержке премьера СРЮ Панича: и МИД, и его оппоненты пытались участвовать во внутривластной борьбе в Югославии, оценивая свои шаги с точки зрения выгоды для Милошевича или для Панича. Сразу после принятия резолюции № 757 Козырев стал оправдывать свои действия идеологическими причинами, говоря о "красно-коричневом режиме Белграда", "сербских национал-большевиках", "проливших реки славянской крови". Отсюда всякий критик министра рисковал быть зачислен во враги российской демократии, противники курса реформ. Идеологизация МИД привела к неверной оценке баланса сил в Белграде и к поддержке премьера Панича в его попытках свергнуть всемогущего лидера Сербии Милошевича. Угроза личной власти, напротив, вынудила Милошевича отойти от политики уступок, проводившейся в апреле-мае (отказ от претензий к БиГ, вывод ЮНА, поддержка прекращения огня и т.п.), и обратиться к лозунгам защиты сербских национальных интересов. Степень его искренности ярко проявилась в 1993–1994 гг., когда, получив гарантии своей власти, он сначала достаточно осторожно, а затем уже не колеблясь выступил против сербов БиГ и Хорватии.

Все полагали необходимым поддержать премьера Югославии: МИД – за его готовность к любым уступкам, оппозиция – частично перенося на него симпатии к сербам. В поддержку Панича выступала практически вся пресса демократического направления, он стал воплощением надежд на благополучную развязку кризиса. Но и эта поддержка была крайне ограниченной – после очередных уступок Белграда МИД ограничился расплывчатым заявлением о том, что "линия союзного руководства на взаимодействие с международным сообществом" лишь только "увеличивает шансы на благоприятное решение вопроса о возобновлении" полноправного членства СРЮ в общеевропейском процессе [12. № 23/24. С. 59–60]. Панич так и не был принят президентом РФ, на что он весьма рассчитывал, и ему пришлось ограничиться встречей с главой российской дипломатии (16 сентября 1992 г.). В ключевом для Белграда вопросе – сохранении за СРЮ мест в международных организациях системы ООН, Москва его не поддержала. Резолюция № 777, принятая СБ 19 сентября 1992 г., отказала СРЮ в праве правопреемстве [14. SCR 777. § 1, 17. P. 27–28], а 22 сентября 47 сессия Генеральной Ассамблеи ООН решила, что СРЮ должна подать заявку о вступлении в ООН. Обращаясь к российской общественности МИД РФ отрицал факт исключения Югославии, одновременно не отрицая необходимости нового вступления Белграда в ООН. Но, по мнению Козырева, "благодаря твердой политике России Югославия не была изгнана из ООН" [12. № 21/22. С. 26] (Москва добилась сохранения таблички с названием "Югославия" и прочих формальных атрибутов при неучастии СРЮ в работе ООН [12. № 19/20. С. 30]). Остались бесплодными и попытки Москвы поддержать Панича частичным смягчением санкций, в том числе и инициатива Козырева об "отмене или смягчении санкций в отношении поставок энергоносителей" [9. № 45. 9–10; № 46. С. 15; № 47. С. 16; № 51. С. 9]. Причину этого можно найти в западном видении политического решения кризиса, сформулированном председателями КК 23 октября 1992 г. как изменение "неприемлемого статус-кво на местах" путем сохранения жесткого давления на СРЮ – "не может идти и речи о международном признании и отмене санкции" [27. AC/25221. Прил. I. § 1]. Тем не менее российские дипломаты выступали в поддержку премьера, "не устраивающего националистические и некоммунистические круги, которые хотели бы решать... проблему не за столом переговоров..., а на поле брани", и заявляли, что его смещение "явилось бы вызовом всему мировому сообществу" [9. № 52. С. 13].

Апогеем давления в пользу Панича стало совместное заявление США и РФ на хельсинкской встрече Совета министров иностранных дел СБСЕ 14 декабря 1992 г. В изюминку "Сербии от России и США, ... и всего остального мира" две державы обвинили "нынешнее сербское правительство". Кремль и Белый дом открыто убеждали

народ Сербии "сделать правильный выбор" (т.е. поддержать Панича). В качестве платы за "радикальную смену политики" предлагалось "вернуть стране бывшие позиции на мировой арене", "ослабление и снятие санкций", допуск "Сербии вместе с Черногорией в ООН, СБСЕ и другие организации".

Вызванный этой кампанией "синдром осажденной крепости" стал одной из ключевых причин победы на выборах 20 декабря 1992 г. Милошевича – "народ проголосовал за тех, кто провозглашал готовность до конца отстаивать национальные интересы" [31. С. 32].

Иллюстрацией официальной балканской политики России стал демарш министра иностранных дел Козырева на декабрьском 1992 г. саммите СБСЕ в Стокгольме. Министр открыто заявил, что ни он сам, ни президент Б.Н. Ельцин никогда не пойдут на "поддержку нынешнего правительства Сербии в его борьбе" и не согласятся с идеей одностороннего выхода России из режима санкций. Поддержка Сербии была названа антипрограммой для России, а складывающийся в российском общественном мнении консенсус по балканской проблеме был представлен в карикатурном и агрессивном виде [19. 15 XII].

Некоторые итоги начального этапа российской политики в Боснии подвело повторное рассмотрение этой проблемы Верховным Советом 17 декабря 1992 г. Принятое постановление отражало поддержку "готовых к конструктивному диалогу" сил в Белграде, контрэффективность санкций, приведших к страданиям мирного населения, и "возможность вооруженного вмешательства извне, которое... приведет к новой эскалации конфликта". По сравнению с постановлением от 26 июня заметна большая конкретность решений: правительству предлагалось поручить МИД сделать все, "не исключая... применения права вето", для недопущения военного вмешательства в конфликт извне. Принципиально новым моментом стало требование "поставить в Совете Безопасности ООН вопрос о применении одинаковых санкций в отношении всех трех сторон, ответственных за продолжение конфликта и кровопролития", одновременно не допуская снятия "эмбарго на военные поставки". Таким образом, расхожий тезис МИД о возможности применения санкций и "не только против сербов" получил определенную обязывающую фиксацию. Правительству поручалось также "в двухнедельный срок решить вопрос" о возобновлении гуманитарных поставок в СРЮ [22. 4 I].

В 1992 г. закладывались основы подхода к проблеме кризиса на Балканах: приоритетом России было определено именно урегулирование кризиса вообще, а не реализация каких-либо собственных интересов на Балканах. Россия сознательно отказывается от выбора своего "протеза" среди враждующих сторон. В этом состояло коренное отличие российской политики от стратегии других держав-посредников (США, Германии). Именно эта "отстраненность" заставляла РФ поддерживать каждый выдвигающийся план решения конфликта, несмотря на все их различия.

Результатом принятых с участием России в 1992 г. решений по боснийской проблеме стало ухудшение политического и международного положения боснийских сербов и, соответственно, закрепление дипломатических успехов других сторон противостояния в БиГ. Несмотря на осуждение практики двойных стандартов, Россия, имея такие возможности, не предприняла реальных действий, направленных на предотвращение реализации подобной практики. Не предложив отличной от западной концепции выхода из кризиса, Россия свела свою роль к представлению интересов Запада в Белграде. Подобная позиция была изначально проигрышной, так как вынуждала СРЮ к прямым, а не опосредованным, контактам с США, в которых не было места Москве.

Отказавшись выступить посредником одной из боснийских сторон, РФ резко ослабила свои позиции в регионе, фактически был потерян смысл российского участия в решении балканской проблемы.

Потерпели неудачу и меры, поддержанные Россией – одностороннее давление на сербские государственные образования в бывшей Югославии привело лишь к затягиванию и эскалации конфликта, усугубили положение мирного населения. Провалилась

и попытка привести к власти в Белграде М. Панича, а давление на С. Милошевича оказалось полностью контрпродуктивным.

Официально проводимая политика не нашла поддержки в самой России, как в парламенте, так и в общественном мнении. Хотя решения ВС и не смогли изменить реальную линию МИД, но определенное влияние на нее они оказали. Но в целом боснийская политика МИД лишь компрометировала руководство страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ежегодник SIRPI 1996. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 1997. С. 38.
2. *Kenney G.* Bilans bosniaques // *Le Monde*. 1995. 12 V.
3. Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1991.
4. МИД РФ. Внешняя политика России. Сборник документов 1990–1992. М., 1996. Док. 19.
5. *Козырев А.В.* Преображение или кафкианская метаморфоза. Демократическая внешняя политика России и ее приоритеты // *Независимая газета*. 1992. 20 VIII.
6. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М. 1997.
7. *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М. 1997.
8. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М. 1994.
9. Пресс-центр МИД России. Запись брифинга по текущим вопросам международной политики. Канцелярия ПЦ МИД РФ. М., 1992.
10. *Самуйлов С.М.* Межнациональные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и позиция России (цивилизационный подход). М., 1994.
11. *Klein G., Klein P.V.* Nationalism vs Ideology. The Pivot of Yugoslav Politics // *The Politics of Ethnicity in Eastern Europe*. New York, 1981.
12. Югославский кризис и Россия. Документы. Факты. Комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. М., 1993. Т. 2.
13. *Туровский Р.А.* Югославский разлом // *Полис*. 1992. № 4.
14. *The United Nations and the situation in Former Yugoslavia*. New York, 1995.
15. *Дипломатический Вестник*. М., 1992.
16. Оперативное поручение министра № 2. 7770/ОС // *День*. 1992. 26 VII–1 VIII.
17. Implementation of the Helsinki Accords: the crisis in Bosnia-Herzegovina: Hearing before the Commission on security and cooperation in Europe, 102nd Congress, 2nd session. May 12, 1992. Washington, 1992.
18. *Независимая газета*. 1992.
19. *Известия*. 1992.
20. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992) // *Современная история Югославии в документах*. М., 1992. Т. 1.
21. *Правда*, 1992.
22. *Российская газета*. 1992.
23. *Bougarel X.* Bosnie, anatomie d'un conflit. Paris, 1996.
24. Situation in Bosnia and appropriate US and Western responses: Hearing before the Committee on armed services, US Senate, 102nd Congress, 2d session, August 11, 1992. Washington, 1992.
25. *Кандель П.Е.* Балканские интересы России: подлинные и мнимые // *Россия на Балканах*. Московский центр Карнеги. Научные доклады. М. 1996. Вып. 8.
26. *Jacobsen C.G.* Balkans wars of succession. Ottawa. August 1995.
27. *Документация ООН*. New York, 1992.
28. Стенографический бюллетень совместного заседания Совета Национальностей и Совета Республики Верховного Совета РФ 26 июня 1992 г. М., 1992.
29. *Собрание актов Президента и Правительства РФ*. М., 1992.
30. *New Times International*. М., 1993.
31. *Гуськова Е.Ю.* Новые государства на Балканах: первые шаги к самостоятельности. М., 1996.

© 2000 г. И.И. КОСТЮШКО

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1920 ГОДА

В ходе польско-советской войны происходил захват в плен военнослужащих противника. В результате польской армией было пленено значительное число красноармейцев и командиров, а войсками Красной Армии – польских солдат и офицеров. О положении советских военнопленных в Польше и польских – в Советских республиках уже написано немало, но нередко оно представляется не вполне объективно. Одни факты замалчиваются, другим – придается общее значение. Здесь мы хотели бы, в основном на материалах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в какой-то мере дополнить источниковую базу о положении польских военнопленных в РСФСР и УССР и обратить внимание на некоторые его аспекты.

В ходе боевых действий частями Красной Армии было взято в плен значительное число польских солдат и офицеров. В Бюллетене Запфронтроста № 5 от 30 марта 1920 г. сообщалось о взятии в плен 90, 137, 85, 30 и еще нескольких польских военнослужащих [1. Д. 544. Л. 2–3]. По воспоминаниям М.Н. Тухачевского, в начале июля на Глубокском направлении были захвачены пленные, в районе Жормуны-Лиды было взято "большое число пленных", под Волковыском "поляки потеряли большое количество пленных" [2].

По свидетельствам бывших польских военнопленных, в июле под Сокулкой попали в плен офицер и 18 солдат, в районе Ровно – около 35 человек из команды бронепоезда, в августе – около 300 (в том числе два офицера) из 54-го полка кресовых стрелков, под Красным – около 150 человек, из 43-го полка кресовых стрелков – 26 солдат [3. С. 43, 78, 151].

С.М. Буденный сообщал, что частями 1-й конной армии в августе под Стрептовым и у села Печиховсты было захвачено около 700, в районе Новоселки-Задворье – 500, Золочева – 300, Тышовицы – 100, Томашова – 200, Хорышева-Русского – 200 и еще несколько десятков, Грубешова – до тысячи, 1 сентября в боях у Замостья – свыше двух тысяч пленных [4. С. 322, 351, 356, 368, 375–376]. В Бюллетене Запфронтроста от 4 сентября говорилось о пленении в районе местечка Буки под Львовом 100, в сводке Полевого штаба РВСР от 8 сентября – 300 польских военнослужащих под Грубешовым [1. Д. 544. Л. 7, 12]¹.

Дезертиры из польской армии, добровольно сдавшиеся советским властям, подвергались аресту. Ф.Э. Дзержинский считал такую "систему" не желательной. По его мнению, следовало задерживать только командиров и лиц интеллигентных профессий (телеграмма командующему 15-й армии от 15 августа) [6. С. 194]².

Костюшко Иван Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник – консультант Института славяноведения РАН.

¹ Среди взятых в плен был и 11-летний мальчик С. Дзелинский. Затем он находился в Иваново-Вознесенском лагере. По просьбе Польбюро при Московском комитете партии он был освобожден из лагеря и направлен в детскую колонию в Москве [5. Д. 84. Л. 32, 38, 40].

² В ноябре, между прочим, сообщалось, что в Покровском лагере было немало военнопленных, поверивших воззваниям советской стороны и добровольно сдавшихся в плен. Они содержались под стражей, в то время как сокамерники-преступники имели некоторую свободу. "Это вызывает среди них бунт и разочарование" [1. Д. 203. Л. 19].

В Сибири в составе армии Колчака действовала 5-я дивизия польских стрелков. В январе ее части были взяты или сдались в плен на станциях Томской железной дороги и в других местах [3. С. 145, 204, 206, 223, 230, 232, 241]. По свидетельствам военнопленных, бежавших из лагерей, были случаи, когда офицеры не брали в плен или после пленения их убивали, добивали раненых (у деревни Монаyticи), расстреливали и рубили шашками некоторых военнослужащих или небольшие группы пленных [3. С. 61, 63, 65–66, 78, 80, 91, 150]. И. Бабель, находившийся в 1-й конной армии, сообщал об убийстве пленных; в частности, командир 6-й кавдивизии И.Р. Апанасенко приказывал не тратить на них патронов, а рубить [7]. Перешедший на польскую сторону бывший командир роты в Красной Армии А. Сенковский утверждал, что конармейцами 6-й дивизии было зарублено 170 пленных, захваченных под Звягелем [3. С. 7].

По приказу начдива Боревиича и начподива Насберга было расстреляно 40 пленных. Это дело рассматривалось Реввоентрибуналом Западного фронта 11 августа. Трибунал, "установив, что расстрел военнопленных был вынужденной мерой в условиях боевой обстановки и оба подсудим[ые] систематических расстрелов с целью возбуждения населения против Красной армии не делали [!], что расстрел 40 военнопленных не имел плохих последствий для Красной Армии и политического состояния района расположения частей, [постановил] за отсутствием состава преступления дело прекратить, о чем поставить в известность привлеченных к ответственности" [1. Д. 553. Л. 4]³. Иначе было в других случаях. По сообщению С.М. Буденного, если оно соответствовало действительности, 18 августа у дер. Полоници во время атаки конармейцев польские пехотинцы, бросая винтовки "побежали навстречу конармейцам с протянутыми вперед или поднятыми вверх руками. Те на всем скаку прыгивали с лошадей и принимали поляков в объятия". Затем польские и русские бойцы "стояли небольшими группками, улыбались, жестикулировали и тискали друг друга в объятиях". Когда к ним подъехали С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов, «по всему полю вдруг разнеслось многоголосое "ура" по случаю мирного исхода боя». Польский сутулый солдат (из рабочих) заявил: "Мы не хотим воевать против братьев – русских рабочих и крестьян. Нам нужен мир". Пленные были отправлены в тыл [4. С. 323–325]⁴. После взятия в плен нередко у солдат и офицеров отбирались верхняя одежда, обувь, деньги и ценные вещи (иногда они оставались в нижнем белье, чтобы предотвратить их побеги, затем им выдавалась поношенная одежда) [3. С. 26, 42, 64, 78, 80, 151]. Пленные, находившиеся на Западном фронте, состояли в ведении контрольно-инспекторской комиссии, политработа среди них велась ПУЗапом [1. Д. 543. Л. 14–15].

Военнопленные сосредоточивались на сборных пунктах и затем отправлялись в тыл. Штаб Московского военного округа 17 июня сообщал Всеросглавштабу: "в последнее время непосредственно в Штаокр, а также и коменданту г. Москвы поступают отправленные комендантами этапов Западного фронта пленные польской армии" [5. Д. 62. Л. 10]. В пути следования военнопленные иногда за отсутствием продовольствия не получали никакого питания [3. С. 81–82, 151]. По договоренности командования Юго-Западного фронта с СНК УССР, пленные направлялись в Харьков. Здесь они должны были в течение двух недель "находиться в условиях отдыха и подвергаться политической обработке", а затем использоваться на работе. Их делами занималась межведомственная комиссия, состоявшая при Отделе принудительных работ НКВД [1. Д. 204. Л. 21]. Снабжение продовольствием и вещевым имуществом пленных до передачи их органам Центроэвака осуществлялось военным ведомством, перемещение их – Центроэваком, политическими вопросами ведали органы ВЧК.

Полными или точными данными о числе польских военнопленных, направленных в

³ Председатель заседания был Зорин, членами – Кушнирюк и Лацис, секретарем – Сергеев.

⁴ С.М. Буденный также сообщает о случае, когда военнопленный был отпущен "домой", чтобы рассказать о происшедшем [4. С. 328–329].

тыл, мы не располагаем. 18 сентября представитель ПУР М. Левинский на заседании Польбюро при ЦК РКП говорил о 33 лагерях, в которых содержались военнопленные поляки⁵. Е. Кубилнос сообщал, что в прифронтовой полосе имеется еще много лагерей с польскими военнопленными⁶. Предлагалось там их не задерживать и не использовать на работах [1. Д. 12. Л. 2–3; Д. 25. Л. 3]. По данным на 4 октября в 21 лагере насчитывалось 22 715 военнопленных. В справке, составленной, по-видимому, в Польотделе ПУР в начале октября, содержались такие сведения о лагерях, в которых находились польские пленные [1. Д. 205. Л. 1, 6, см. С. 45].

По данным Польотдела ПУР, в середине октября польские военнопленные находились в 25 губерниях (в том числе в Харьковской и Полтавской) [1. Д. 205. Л. 4]. В сводке № 2 от 15 октября числилось 40 лагерей, где содержались польские пленные [1. Д. 205. Л. 2]. В ней по шести лагерям (Нейский, Петроградский¹², Ростовский-на-Дону, Полоцкий, Витебский и Смоленский¹³) отсутствуют данные о числе пленных. В остальных лагерях находилось 27 610 солдат и 311 офицеров [1. Д. 205. Л. 3]¹⁴. Кроме перечисленных в "Списке" лагерей в сводке значились лагеря: Казанский (в Ярославле, 1 768 пленных, политинструкторы И.Л. Врублевский, Виталик), Даниловский (Ярославская губ., 548), Рыбинский (700, политинструктор А. Замылко), Шуйский (Иваново-Вознесенская губ., 800), Юрьевенский (Юрьевец Иваново-Вознесенской губ., 130), Самарский (100, политинструктор Барыш), Казанский (Казань, 150), Саратовский (360), Званский (ст. Званка Мурманской ж.д., 253), Ново-Николаевский (84), Брянский (отделение концлагеря в Бежицах, 380), Кизельский (ст. Кизель Самарской ж.д., 800, политинструктор Р.О. Лисажан), Владимирский (209), Калужский (50). Офицеров было в Тульском лагере 291, в Орловском – 14, в Кожуховском и Иваново-Вознесенском – по два, в Ново-Николаевском – один; поляков в 14 лагерях числилось 4 525, евреев в 15 лагерях – 721, в Тверском лагере было пленных из рабочих 98, из крестьян – 194, в Вятском – 502 из рабочих [1. Д. 205. Л. 2]. Есть упоминание о лагере в Челябинске (23 пленных) [3. С. 164]¹⁵.

На учете ПУР, по данным на 31 декабря 1920 г., состояло около 30 тыс. польских военнопленных, размещались они в начале ноября в более чем 60 лагерях (от нескольких человек до более тысячи) [1. Д. 216. Л. 20]¹⁶. В отчете о работе Польбюро ЦК до 1 февраля 1921 г. говорилось о 37 лагерях, в которых находилось 29 136 польских военнопленных; они составляли "приблизительно половину их общего количества" [8. С. 497]¹⁷. 13 апреля 1921 г. Польбюро ЦК сообщало ЦК РКП, что "по приблизительному подсчету" в РСФСР было около 3 млн. поляков, 500 тыс. беженцев и 60 тыс. военнопленных [1. Д. 99. Л. 14]. Эти данные вызывают сомнения, в частности, число военнопленных значительно превышает официальные польские сведения о числе пропавших без вести (51 993) [3. С. VII]. Лагеря размещались в казармах (Петроград, на Лысой Горе в Бердичеве, Нижнем Новгороде, в Харькове), бараках (Тула, Кострома, станции Паша, Медвежья Гора Мурманской ж.д.), в монастырских и тюремных помещениях (Ярославль, Житомир), пункте губэвака (Саратов), в зданиях

⁵ В частности, при рабочем батальоне 12-й армии находилось 160 военнопленных [1. Д. 271. Л. 38].

⁶ 15 сентября Польская секция ПУР имела сведения о месте нахождения 33 лагерей. При этом в 25 лагерях было 13 тыс. пленных, а всего насчитывалось 30 тыс. [1. Д. 25. Л. 4].

¹² В Петроградском лагере до 6 декабря находилось 500 военнопленных поляков из австро-венгерской армии, 8 декабря прибыло в лагерь 730 пленных войны 1920 г. [1. Д. 204. Л. 14; 5. Д. 250. Л. 2].

¹³ Смоленский лагерь был этапным, в нем содержались от 200–300 до 1 500 пленных, 22 июля была тысяча человек [1. Д. 240. Л. 16].

¹⁴ В другом экз. сводки прибавлено 422, всего 28 032 пленных [1. Д. 205. Л. 3].

¹⁵ По сообщению Б. Скарбека, на Украине в трудовых бригадах были польские военнопленные в Таганроге (300), Полтаве (160), Чернигове (380), Одессе (50), мелкие группы в Кременчуге и других местах [1. Д. 267. Л. 27].

¹⁶ В записке Польбюро ЦК к Политбюро ЦК от 11 января указывалось: "вообще военнопленных незначительное количество (свыше 30 тыс. человек)" [1. Ф. 17. Оп. 112. Д. 116. Л. 71].

¹⁷ Другие данные на 1 февраля 1921 г.: 34 лагеря, 24 тыс. пленных [1. Д. 25. Л. 36].

СПИСОК ЛАГЕРЕЙ

№ п/п	Название лагеря	Число пленных	Фамилия инструкторов	Адрес
1	Рождественский	255	Фернт И.А. ⁷	Рождественск. бульв. 20
2	Покровский	72	Фернт И.А. ⁸	Покровка, Тресвятский пер.
3	Кожуховский	116	Беньковский А.В.	Кожухов, Моск. губ.
4	Звенигородский	169	Пружинский Р.Р.	Звенигород, Моск. губ.
5	Тверской	292	Ковалик Л.З.	Тверь
6	Кинешменский	279	Зрельский Э.И.	Гост. "Россия", ком. 4 Кинешма
7	Костромской	185	Глаз К.С.	Кострома
8	Крюковский	99	Лоргусь М.О. ⁹	Ст. Крюково, Николаевская жд.
9	Иваново-Вознесенский	229	Рыцерж И.А.	Иваново-Вознесенск [Михайловская ул., Дмитриевка]
10	Спасский	1 122	Витал[ик] ¹⁰	Ярославль I, Дом Сов. комн. 18
11	Ростовский	600	Юзефович [Е.]	Ростов, Яросл. губ.
12	Тульский	420	Лакомский [П.Я.]	Тула
13	Орловский	495	Скочковский ¹¹ [И.А.]	Орел
14	Нижегородский	448	Доманский	Ниж. Новг., Долевая 17, кв. 5
15	Нейский	458	Годлевский [Г.А.]	Ст. Нея, Сев. жд.
16	Мурманский	550	Витковский [И.А.]	Ст. Лаша, Мурман. жд.
17	Брикетцкий	1 710	Брезиц [Козлов]	Ст. Брикетная, Ряз. жд.
18	Красноярский	8 000	Копчевский [К.К.]	Штаб I, Инжин. Воен. Раб. Бригады
19	Вятский	514		Вятка
20	Чугуевский	2 200		Чугуев, Харьков. губ.
21	Харьковский	4 500		Харьков

⁷ В другом документе – Ферик И.А. [1. Д. 204. Л. 3]. Правильно – И. Фершт [1. Д. 203. Л. 18].

⁸ По данным на 20 X. – Заторская И.С. [1. Д. 204. Л. 3].

⁹ Портусь М.А. [1. Д. 204. Л. 3].

¹⁰ По данным на 20 X. – Байэр В.Я. [1. Д. 204. Л. 3].

¹¹ Ленчук [1. Д. 204. Л. 3].

народного дома (Нижний Новгород), театр (Харьков), школы (ст. Паша), вагонных теплушках (ст. Энгозер) [1. Д. Л. 14]¹⁸.

Эти помещения за некоторым исключением на первых порах не были благоустроены или приспособлены для нормального проживания. Не было нар, приходилось спать на земле или на полу, на голых досках (Рождественский лагерь, Тула-1) [1. Д. 204. Л. 11; 3. S. 98, 168], отсутствовали освещение и отопление (Измайловские казармы) [1. Д. 204. Л. 14]. По сообщению Ю. Лещинского, в июле в одном из лагерей в Ярославле условия жизни были ненормальными [1. Д. 204. Л. 36]¹⁹. Иногда пленных, прибывших на место, негде было размещать. Начальник Особого отдела Челябинской губЧК 31 августа доносил Особому отделу ВЧК, что в Челябинск "прибыло 800 пленных поляков зафронта. Местов нет, поляки часть[ю] распущены по городу" [5. Д. 57. Л. 2].

В некоторых лагерях для содействия администрации из пленных создавались комиссии по хозяйственным, культурным и санитарным делам. По свидетельству некоторых бывших пленных, с солдатами "большевики обращались, в общем, хорошо" [3. S. 150]. Однако положение пленных при общих нормативах было неодинаковым, оно зависело от объективных и субъективных обстоятельств. Польбюро при Смоленском губкоме партии 5 июня сообщало Польбюро ЦК: "Даже в Смоленске, где издавна имеется при лагере политический комиссар (коммунист-поляк) бывают факты недопустимого обращения с военнопленными (побои, пренебрежительное отношение, морение голодом, недостаток белья, [отсутствие] бани и т.д.)" [1. Д. 240. Л. 88]²⁰. Уполномоченный РВС Зафронта Шпаковский 30 июля докладывал, что в Смоленском лагере "происходят крупные беспорядки, злоупотребления... Странным образом положение военнопленных вместо улучшения ухудшается. Необходимы энергичные меры пресечения" [1. Д. 576. Л. 1]²¹. Польская секция губкома партии сообщала Польбюро ЦК: "в конце августа прибыло в Саратов 500 военнопленных поляков, которые находятся в ужасно плохих условиях" [1. Д. 238. Л. 60]. В отчете Польбюро Правобережной Украины с 27 июля по 1 сентября, имея в виду, по-видимому, Киев, говорилось, что военнопленные "почти совсем на свободе", ходят без конвоя, отпускаются в город, настроение у них боевое, революционное, не надеясь попасть на польский фронт, просят направить их против Врангеля [1. Д. 271. Л. 14]. С 1 августа по 1 сентября сообщалось: военнопленные "ободранные, босые, голодные"; "очень часто не получают полного пайка хлеба", десятки людей ежедневно умирают от голода, косит брюшной тиф, размещены в здании без окон, месяц не было бани [1. Д. 271. Л. 15], 6 сентября – о тюремном режиме в лагерях (на четыре пленных приходилось по одному охраннику), закрытых окнах в помещениях, отсутствии постельного белья, обуви, одежды, мыла [1. Д. 271. Л. 38].

Недостаточным был продовольственный паек военнопленных²². В мае в Смоленском лагере пленный получал ежедневно 1 ф. хлеба, суп, четверть фунта каши, селедку, 6 золотников сахара, четверть пачки махорки [3. S. 5]. В Рождественском лагере (Москва) ежедневный паек составлял в золотниках: шпеница – 32, картофель –

¹⁸ В Петрограде вначале в помещении патронной фабрики, впоследствии на карантинном пункте на острове Голодай [1. Д. 204. Л. 5, 29; Д. 238. Л. 25; 3. S. 81, 89, 151, 172, 179; 5. Д. 168. Л. 1; Д. 195. Л. 6; Д. 215. Л. 23].

¹⁹ В Смоленске в помещении, рассчитанном на 500 человек, не было полов, при большом числе пленных часть их находилась под открытым небом [1. Д. 576. Л. 8].

²⁰ В Нижнем Новгороде, судя по отчету политинструктора, на первых порах положение пленных было критическим, не хватало жилья, продуктов, распространялись заболевания [1. Д. 228. Л. 24].

²¹ В рапорте от 31 июля говорилось о невыдаче полного пайка, недостатке одежды, обуви, изъятии вещей у пленных, неудовлетворительной санитарии [1. Д. 576. Л. 3–4].

²² По приказу Центральной комиссии о пленных и беженцах № 408 от 1 января 1920 г. основная норма продовольствия пленного составляла в золотниках (зол. = 4,2 гр.) хлеба – 96–72, крупы – 18, мяса или рыбы – 24, чечевицы – 30, овощей – 48, картофеля – 96, жиров – 4,8, соли – 3, сахара – 6 в день, 1/4 ф. мыла и 1/2 ф. табака в месяц. Для больных она была немного большей, а при так называемой голодной норме – несколько меньшей [5. Ф. 3333. Оп. 23. Д. 46. Л. 1].

48, капуста – 48, мясо – 32, масло – 4,8, сахар – 3,2, соль – 3,2, хлеб – 96 [1. Д. 204. Л. 11]. В других лагерях паек был почти таким [3. С. 93, 167, 179, 180, 181], меньшим [3. С. 82–83, 89] или большим. В Туле пленные, занятые на тяжелых работах, получали по два фунта хлеба, или полтора фунта муки в день [3. С. 179]. По свидетельству Ю. Лещиньского, в июле в одном из Ярославских лагерей пленным снабжали "очень плохо ... хлеба не доставало" [1. Д. 204. Л. 36]. Из показаний бывших пленным следовало, что условия "в отношении пропитания военнопленных в лагерях были очень плохими, но происходило это не из какой-то враждебной тенденции, а из общего скверного экономического состояния Советской России" [3. С. 150]. Впрочем, были случаи, когда обслуживающий персонал брал пищу из лагерной кухни (Рождественский лагерь), продукты выдавались нерегулярно и не в установленной норме. Пленные не имели горячей пищи, вынуждены были готовить ее в котелках (Петрозаводск, ст. Медвежья Гора, ст. Энгоозера, ст. Паша, разъезд № 20 Мурманской ж.д.) [1. Д. 204. Л. 5–6; 3. С. 168], у них даже отбирали кружки и ложки, которые затем были им возвращены (Тульский лагерь) [3. С. 98].

В некоторых лагерях, в особенности на первых порах, были немалые затруднения и с вещевым довольствием пленным. Ю. Лещиньский в июле сообщал, что в Ярославле пленные "вещевого довольствия вообще не получали" [1. Д. 204. Л. 36]. В Рождественском лагере не было матрасов и одеял [3. С. 168]. Пленные, работавшие на ст. Паша, по свидетельству политинструкторов, в начале сентября были "почти голые" [1. Д. 204. Л. 5]. В Ивано-Вознесенске не хватало обмундирования, постельного белья [5. Д. 195. Л. 2]. Санитарно-гигиенические условия в лагерях, по-видимому, за некоторым исключением были плохие. В одном Ярославском лагере пленные со времени прибытия в лагерь до конца июля не получали мыла, не могли помыться в бане [1. Д. 204. Л. 36]. Санитарные условия в Рождественском лагере оставляли желать лучшего [1. Д. 204. Л. 11]. На ст. Паша в течение полутора месяцев не было сменного белья [1. Д. 204. Л. 86]. Недостатки одежды и питания, плохие санитарные условия, тяжелые работы приводили к заболеванию части пленным и нередко к смертельному исходу [1. Д. 204. Л. 8, 14].

Военнопленные были обязаны выполнять работы в лагере и за его пределами. Предписанием Главного управления принудительных работ от 5 апреля 1920 г., согласованным с Особым отделом ВЧК, разрешалось отправлять пленным на работы "вне лагеря лишь большими группами и под усиленным конвоем" [5. Д. 57. Л. 28]. С началом наступления на Западном фронте работа вне лагерей временно была приостановлена [5. Д. 57. Л. 8]. В связи с задержанием пленным, бежавших из Кожуховского лагеря, последовало указание Ф.Э. Дзержинского не посылать их на работу вне лагеря [5. Д. 69. Л. 266]. После побега группы офицеров из Тульского лагеря было установлено такое же ограничение для офицеров [3. С. 180]. Для выполнения работ из военнопленных создавали трудовые дружины по армейскому образцу. В июле пленные Ярославского лагеря рассылались "по деревням на полевые работы небольшими партиями" [1. Д. 204. Л. 36]. Пленные из Смоленского лагеря использовались для ремонта дорог, уборки урожая, участвовали в "субботниках", небольшая их группа работала в интернациональной артели в Вишенках [1. Д. 240. Л. 16, 19]. В Туле пленные работали на электростанции, мельницах, занимались погрузкой и разгрузкой угля и древесины, убирали городские улицы [3. С. 179–180].

26 августа был отправлен эшелон пленным (300 человек) на ст. Брикетная Сызранско-Рязанской ж.д. в распоряжение заведующего Побединским каменно-угольным районом для работы в шахтах, а 6 сентября туда направлялись еще два эшелона (544 и 1 197 пленным) [5. Д. 57. Л. 21–24, 27]. В связи с этим Подотделу принудительных работ Рязанского губисполкома предписывалось обязать администрацию района "предоставить в/п полякам вполне пригодные для жилья помещения, снабжать их довольствием применительно к пайку, выдаваемому рабочим данной местности, но не ниже тылового красноармейского пайка и организовать надежную и целесообразную охрану" [5. Д. 57. Л. 21].

На Мурманской ж.д., где в начале ноября находилось 1 397 пленных [1. Д. 204. Л. 8], они занимались погрузкой дров (на ст. Паша работали с 7–8 часов утра до 11 часов вечера без выходных дней, позднее при выполнении нормы освобождались от работы в праздники); часть из них работала в депо (ст. Званка, Петрозаводск), на прокладке пути (ст. Кереть), в железном (станции Энгозеро, Лимпия, Пояконда, Имандра) [1. Д. 204. Л. 5–6]. Пленные из 5-й дивизии направлялись в Первую енисейскую инженерную рабочую бригаду и использовались на лесных работах [3. С. 145, 167]. На Украине пленные группами в 20–30 человек посылались на работу в Донбас [1. Д. 12. Л. 2].

Большое значение придавалось культурно-просветительной и политико-воспитательной работе среди пленных. Предполагалось, что посредством такой работы среди рядовых (офицеры считались националистами и контрреволюционерами) можно будет развить у них "классовое" сознание, превратить их в сторонников советской власти, использовать в военных целях и революционной деятельности на родине. Ею занимались в основном коммунисты-поляки: комиссары, уполномоченные, работники местных польбюро, политинструкторы. В лагерях распространялись коммунистические газеты, устраивались их читки, доклады, концерты, проводились собеседования, митинги²³, создавались читальни, клубы, кружки самодеятельности, школы для обучения неграмотных и т.п.

В некоторых лагерях создавались группы сочувствующих коммунизму и коммунистические ячейки. В Смоленском лагере 25 апреля на собрании ячейки присутствовали 13 членов (двое отсутствовали по болезни). Она выбрала своего представителя на конференцию польских коммунистов в Москве. Позднее число ее членов увеличилось до 25. Они занимались агитработой и имели контрольные права в лагере [1. Д. 240. Л. 13, 16, 19]. В Ярославском лагере в июле было пять симпатизирующих коммунизму, в Нейском – в августе группа из пяти человек [1. Д. 203. Л. 4. Д. 204. Л. 35].

Конференция польских коммунистов, состоявшаяся в начале мая в Москве, считала необходимым усиление работы среди пленных [7. С. 79]. 24 июня Президиум ВЦИК выделил для проведения агитационной и культурно-просветительной работы в лагерях 3 млн рублей [1. Д. 608. Л. 4]. В отчете Польбюро ЦК говорилось, что с июля "одной из важнейших отраслей работы являлась работа среди польских военнопленных", причем ее политическая направленность исходила из оценки войны с Польшей "как классовой войны" [9. С. 495–496]. 2 июля Главное управление принудительных работ предлагало обратить "серьезное внимание на рациональную постановку агитационной и культурно-просветительной работы" в лагерях по согласованию с местными органами народного образования и партийными организациями [5. Д. 57. Л. 22].

В "Записке о военнопленных поляках", подписанной Э. Прухняком и Ю. Мархлевским и датированной 21 июня²⁴, говорилось, "что в деле содержания и охраны этих военнопленных отсутствуют какие бы то ни было определенные нормы", и это "отзывается в высокой степени отрицательно" не только на агитационной работе среди них. Они находятся в концентрационных лагерях вместе с денкинцами, колчаковцами, гражданскими пленными и своими офицерами, что "весьма вредно влияет на солдат". Часть пленных находится в лагерях, другая, особенно в Сибири, – на вольных работах, причем в Сибири добровольно сдавшиеся в плен оказывались в худших условиях по сравнению с взятыми в плен в боях. Имеются возможности побега пленных²⁵,

²³ В Иваново-Вознесенске 25, 26 июня принимались резолюции против войны; митинги в Ивановском и Кожузовском лагерях [1. Д. 412. Л. 73–75, 88–89].

²⁴ Записка была адресована: ЦК РКП, ВЦИК, Комиссии по агитации против нашествия белогвардейской Польши, Л.Д. Троцкому, Отделу принудительных работ НКВД, ОО ВЧК, Центроэваку, Главному управлению лагерями, Наркомвоену [1. Д. 204. Л. 1].

²⁵ Побег происходил нередко в пути следования и во время работы. В феврале бежало 18 пленных, занимавшихся заготовкой дров на ст. Обиралково Нижегородской ж.д. [5. Д. 96. Л. 156–157]; в марте из лагеря в Красноярске бежала группа офицеров из бывшего штурмового батальона 5-й дивизии (почти все были пойманы и из них 8 расстреляны) [3. С. 157–158]. Другие побег из лагеря "Военный городок" [3. С. 220].

некоторые из них выдают себя за военнопленных первой мировой войны [3. С. 69, 146–147]. В некоторых местностях обращение с пленными было "возмутительным" (обирание, оскорбления, побои, скудное питание).

Урегулирование положения военнопленных имело бы "громадное значение для разложения противника", это явилось бы "одним из лучших аргументов" в пользу перехода польских солдат на советскую сторону. Исходя из этого предлагалось: установить специальные лагеря для польских военнопленных (отдельно для "сибиряков" и для "западников"); изолировать их от русских белогвардейцев, гражданских пленнх; офицеров содержать в особых лагерях; ввести "однообразный режим в лагерях", привлечь всех пленнх "к производительной работе"; обеспечить им "удовлетворительные условия в отношении продовольствия и обращения с ними в лагерях" и при их перемещении; вести агитационную и культурно-просветительную работу с привлечением местных польбюро и лиц, владеющих польским языком; передать все дела военнопленнх в Народный комиссариат по военным делам в центре, военкомам и начальникам лагерей на местах.

Осуществление этих мер могло обеспечить успех обращения к польским солдатам и превращение пленнх в сторонников и будущих строителей коммунистического общества [6. С. 123–126]²⁶.

Прилагая эту записку, Ю. Мархлевский 21 июня писал В.И. Ленину: "Ссылаясь на Ваш разговор со мною, прошу Вас принять во внимание следующие наши пожелания по поводу военнопленнх поляков: 1) выделить военнопленнх польских солдат в специальные лагеря (без деникинских и польских белогвардейцев и без польских офицеров); 2) использовать их для производительных работ; 3) улучшить по возможности их продовольственное положение, а главное – обращение с ними; 4) передать их дела в центре в Наркомвоен, а на местах военкоматам (ныне ими ведают: Наркомвоен, Особый отдел, Центроэвак и Отдел принудительных работ); 5) к агитационной и просветительной работе привлечь польское бюро" [6. С. 123].

24 июня Президиум ВЦИК предложил "Отделу Принудительных работ принять все меры для изоляции военнопленнх поляков" [1. Д. 608. Л. 4]. Циркуляром Главного управления принудительных работ от 2 июля предписывалось изолировать солдат от офицеров, последних содержать в особых лагерях или помещениях, а также отделить военнопленнх "западников" от "сибиряков" [5. Д. 57. Л. 22]²⁷.

7 июля последовало распоряжение Ф.Э. Дзержинского Центроэваку (Эйдук) и Особому отделу ВЧК (Менжжинскому): "Обратите внимание на содержание пленнх поляков. Примите меры к недопущению незаконных действий, озлобляющих их, не допустите отбирания мелких вещей и т.п. Разошлите контролеров, озлобляющих их, по лагерям для проверки всех Ваших мероприятий" [6. С. 152].

В письме Ф.Э. Дзержинского его заместителю И.К. Ксенофонтову говорилось: "Необходимо обратить усиленное внимание на политическую обработку польских военнопленнх. Это дело мирового значения. Необходимо, во-первых, кроме отделения рабочих и крестьян от дворян, интеллигенции и офицерства, поставить внутреннюю разведку в самих лагерях²⁸; во-вторых, в самом лагере вести коммунистическую пропаганду и показать им свою заботу о них для того, чтобы пленные, вернувшись в Польшу, были нашими; в-третьих, дать возможность спротагандированным сбежать

²⁶ В связи с этим вопросом в Главном управлении принудительных работ побывали Ю. Мархлевский и секретарь Польбюро Э. Прухняк. Копия записки была послана начальнику этого управления Зангвилло 10 июля [5. Д. 57. Л. 11].

²⁷ По сообщению политинструкторов, в ноябре в Кожуховском и Покровском лагерях польские военнопленные содержались вместе с пленными гражданской войны, контрреволюционерами, спекулянтами, что оказывало на них неблагоприятное влияние [1. Д. 203. Л. 19]. По данным на декабрь еще 15% пленнх поляков в лагерях не были обособлены от других солагерников [1. Д. 296. Л. 20]. В январе 1921 г. предлагалось польских военнопленнх в Нижнем Новгороде изолировать от арестованных и пленнх гражданской войны [1. Д. 228. Л. 9–10].

²⁸ О таких агентах было известно в Харьковском лагере [3. С. 162–163].

из лагеря и вернуться в Польшу и, в-четвертых, найти среди них агентов для разоблачения польского шпионажа. Необходимо, под видом сбежавшего из плена, посылать наших агентов к ксендзам и др. подозреваемым полякам" [6. С. 152].

23 июля состоялось совещание, на котором присутствовали комиссар Полевого штаба и член РВСР Данишевский, Г. Ягода (от ОО ВЧК), Зангвиль (от НКВД и Главного управления принудительных работ) и Г. Рупевич (от Польшбюро ЦК). Совещание констатировало, что командный состав пленных отделяется от рядового, солдаты сосредоточиваются в лагерях по 200–300 человек, усиливается культурно-просветительная и партийная работа в лагерях. На учете Главного управления принудительных работ состояло около 5 тыс. пленных, в том числе 100 офицеров, не считая "сибиряков". Установленный для них паек считался недостаточным. Поэтому "в целях укрепления и усиления симпатий пленных поляков из рабочих и крестьян к Советскому строю" следовало "улучшить питание и вещевое довольствие". Происходили побеги пленных, обычно с мест работы вне лагерной зоны (часто из Звенигородского лагеря). "Политическое настроение, – говорилось в протоколе совещания, – пленных поляков в мае и июне было против Советской России и коммунистов. Настроение изменилось в последнее время с прибавлением пленных познанцев", поэтому представитель Польшбюро считал "несвоевременным и при данном настроении невозможным использовать пленных поляков в активной гражданской войне в Польше". Это мнение разделял и Г. Ягода.

Совещание предлагало все дела пленных сосредоточить в руках Главного управления принудительных работ, располагать лагеря в центральной России (не более 300 пленных в каждом), улучшить питание и вещевое довольствие, принять решение о выдаче состоящим в трудовых дружинах тылового красноармейского пайка, формировать дружины при круговой поруке, вести осторожную агитацию на случай использования пленных в гражданской войне. ВЧК должна была ускорить агентурную работу и изоляцию неблагонадежных элементов, а Польшбюро следовало вести работу по согласованию с ПУР и Главным управлением принудительных работ, военное ведомство было обязано помогать в снабжении довольствием [5. Д. 57. Л. 8–10].

14 августа Ф.Э. Дзержинский просил Л.Д. Троцкого и И.С. Уншлихта разрешить Польшбюро и Особотзану посылать в лагеря военнопленных поляков, уполномоченных "для немедленного создавания из надежных рабочих и лучших крестьянских элементов Польской Красной Армии" [6. С. 173]. По инициативе Польшбюро ЦК 23 августа был создан Польский отдел в ПУР. Его задачами являлись "надзор над положением военнопленных, культурно-просветительная и политическая работа среди них" [8. С. 495, 497]. Начальником Польского отдела назначался Ф. Кон²⁹ (в декабре его сменил С.С. Пилявский) [1. Д. 296. Л. 6, 7]. Создавалась Межведомственная комиссия по делам польских военнопленных. Она являлась органом Польского отдела [1. Д. 204. Л. 30]. В лагеря направлялись политические инструкторы. 1 сентября Главное управление принудительных работ сообщило, что "военнопленным, работающим на железной дороге, паек должен выдаваться применительно к пайку рабочих данной отрасли, но ниже тылового красноармейского пайка, что же касается оплаты за работу, то таковую исчислять по ставкам профсоюза". На руки пленным следовало выдавать 25% из заработной суммы [5. Д. 57. Л. 25].

В протоколе заседания Межведомственной комиссии по делу военнопленных поляков от 7 сентября³⁰ говорилось: ЦК было поручено Межведомственной комиссии вы-

²⁹ На заседании Польшбюро ЦК 18 сентября Ф. Кон предлагал "разделить их на категории и изолировать от офицеров и ксендзов, привилегированные классы и интеллигентов из ППС от рабочих масс", "установить фиктивных пленных, чтобы информировали и агитировали", "дальше бросить безнадежных, ближе [оставить] нужных нам". Б. Пшибышевский предлагал их делить по классовому признаку. С этим соглашался и Ф. Кон [1. Д. 12. Л. 2–3].

³⁰ На заседании присутствовали: от Польшбюро ЦК Ф.Э. Дзержинский и Ю. Мархлевский, от Главного управления принудительных работ Зангвиль, от Центроэвака Эйдук, уполномоченный Польшбюро ЦК по организации польских военнопленных отрядов Маршан, от Польской секции ПУР Левинский и Ю. Лещин-

работать проект о передаче военнопленных поляков военному ведомству. Постановлением Оргбюро ЦК Польская секция Агитационно-пропагандистско-просветительного отдела ПУР преобразовалась в самостоятельный отдел ПУР.

Комиссия постановила: "1) Не располагать военнопленных поляков в непроизводящих местностях, если нет особых для этого причин. 2) Приступить к организации военнопленных поляков в трудовые дружины и армейские части. 3) Поручить Польбюро агитации и пропаганды при ЦК РКП делегировать своих представителей в Центроэвак и Главное управление принудительных работ для помощи в работе и наблюдения за передвижением и снабжением военнопленных поляков. Вопрос о делегировании представителя Польбюро для той же работы к особоуполномоченному по снабжению топливом при Сов. обороны поручить Польской секции ПУР'а рассмотреть и поставить на обсуждение в межведомственную комиссию. 4) Поручить т.т. Зангвилю и Левинскому выработать в двухдневный срок меры к созданию и централизации при Главном Упр[авлении] прин[удительных] работ статистики движения и положения военнопленных поляков. 5) Поручить т.т. Зангвилю, Левинскому и представителю Особ[ого] от[дела] ВЧК выработать меры к изданию Глав[ным] упр[авлением] прин[удительных] работ еженедельных сводок с фронта и из лагерей о движении военнопленных и положении в лагерях. 6) Заработная плата военнопленных поляков должна быть приравнена к оплате трудармейцев. 7) Обратиться к Особому отделу с требованием привлекать к суровой ответственности фронтовые комиссии; ком[иссии] посылают с фронта военнопленных без списков. 8) Как из лагерей, так и с пути не брать эшелонов военнопленных на работы без разрешения Глав[ного] упр[авления] прин[удительных] работ, которое согласует свои постановления с Особым отд."

Вместе с тем Комиссия полагала: "1) Все товарищи, направляющиеся на работу в лагерь, кроме мандатов ПУР'а, должны быть снабжены мандатами Глав[ного] Упр[авления] прин[удительных] работ и, где это необходимо, мандатом на пост помощника коменданта по политической части. 2) Назначение комендантов должно производиться в согласовании с Польбюро агитации и пропаганды при ЦК РКП. 3) Поручается Польбюро издавать литературу для военнопленных. 4) Поручается т.т. Зангвилю и Лещинскому представить в Польбюро ЦК требование на политических и административных работников для лагерей военнопленных поляков, для армейских и фронтовых комиссий. 5) Предложить ПУРу ввести в Польскую секцию ПУРа для работы среди евреев военнопленных представителя ЦБ еврейских ком. секций при ЦК РКП... 6) Три миллиона рублей, отпущенных из средств ВЦИК Глав[ному] упр[авлению] прин[удительных] работ на агитацию военнопленных поляков, передать в ПУР".

Комиссии в составе Зангвиля, Маршана, представителей военного ведомства, Центроэвака, Польской секции при ПУР и Особого отдела ВЧК поручалось в течение четырех дней выработать проект о передаче военнопленных военному ведомству. Признавалось нежелательным использование польских военнопленных на работах в непроизводительных местностях [5. Д. 57. Л. 6].

На заседании Совета Труда и Обороны СНК от 8 сентября рассматривался вне-сенный НКВД вопрос о передаче лагерей военнопленных из ведения НКВД в Народный комиссариат по военным делам. НКВД было предложено к 15 сентября представить проект постановления [9. Т. X. С. 169]. Постановлением СТО от 15 сентября польские военнопленные на территории РСФСР передавались в ведение Главного управления общественных работ и повинностей НКВД³¹. Пленных следовало размещать "в специально отводимых для этой цели помещениях". Продовольствие для

ский, от Польбюро агитации и пропаганды при ЦК С.С. Дзержинская, от ЦБ еврейских комсекций при ЦК Оршанский, представитель Особого отдела ВЧК. Председательствовал Ф.Э. Дзержинский, секретарем была С.С. Дзержинская.

³¹ Постановлением СНК УССР от 21 мая 1921 г. Главное управление принудительных работ и повинностей НКВД и его местные органы передавались в ведение Центрального карательного отдела НКЮста [5. Д. 71. Л. 100].

них должно было отпускаться "по нормам тылового красноармейского пайка и в первую очередь наравне с воинским контингентом". Предлагалось снабжать их вещевым довольствием "применительно к красноармейским частям". При перевозке они должны были получать питание и медико-санитарное обслуживание "наравне с воинским контингентом". Для "наилучшего трудового применения" пленных следовало создавать из них "трудовые дружины"³². Их заработная плата должна была быть "применена к оплате труда армейцев". Передвижение и направление на работу разрешали только Главному управлению общественных работ. Пленных, "которые проявят особое трудолюбие и зарекомендуют себя хорошим поведением и благонадежностью коих будет в достаточной степени выяснена", можно было пропускать через комиссию при Главном управлении общественных работ и повинностей в соответствии с приказом РВСР и НКВД за № 774, пополненную представителем Польбюро РКП [9. Т. X. С. 168–169].

12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой. Статьей VII договора предусматривалось после его подписания немедленное образование смешанных комиссий для незамедлительного обмена гражданских пленнх, лиц интернированных, а по мере возможности также и военнопленных и организации возвращения беженцев и эмигрантов. Комиссиям предоставлялось право защиты интересов этих лиц и помощи им. Стороны обязывались заключить особое соглашение по репатриации. Военные действия между сторонами прекращались в 24 часа по средневропейскому времени 18 октября [10. Т. III. С. 245–252]. Перемирие устанавливалось на 21 день [10. Т. III. С. 253–256]. Польская сторона предлагала, прежде всего, решить вопрос об обмене военнопленных, включая и военнопленных, находившихся в войсках интервентов и белогвардейцев. Российско-украинская делегация считала это возможным при условии продления перемирия (в противном случае военнопленные могли быть использованы для ведения войны), но польская делегация не согласилась на это.

Польбюро ЦК в записке в Политбюро ЦК от 11 января 1921 г., считая, что политическая работа среди польских военнопленных "имеет очень важное значение, увеличивающееся в связи с предстоящим... обменом военнопленными с Польшей", просило Политбюро признать вопрос о польских военнопленных "боевым" и "дать соответственные указания" относительно материального обеспечения и политической работы среди них. Оно предлагало учредить должность уполномоченного по делам пленнх при СТО СНК с широкими полномочиями, возвратить военнопленных с Мурманской ж.д., изъять их из трудовых дружин Донбасса и лесных заготовок и сосредоточить в определенных местах [1. Ф. 17. Оп. 112. Д. 116. Л. 71].

В связи с ликвидацией Польского отдела ПУР Польбюро ЦК 12 января 1921 г. постановило: "Настаивать перед Политбюро ЦК РКП о немедленном создании должности уполномоченного по делам военнопленных при Совете Труда и Обороны или другой высшей инстанции и передачи ему аппарата Польского отдела ПУР" [1. Ф. 17. Оп. 112. Д. 116. Л. 51, 73; Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 4; Д. 296. Л. 25]. 21 января Оргбюро ЦК решило учредить должность уполномоченного по делам военнопленных при НКВД. Затем Польбюро 28 января приняло такое постановление: "В связи с тем, что Оргбюро, не учитывая трудных условий, в каких находятся польские пленные, и краткости времени, которое осталось для политической работы среди пленнх, и, не считаясь с компетентным мнением Польского Бюро, отвергло конкретные предложения Польского Бюро, содержащиеся в письме от 11.1., № [...], снять с Польского Бюро ответственность за невозможность достижения необходимых результатов в работе с пленными и, не прекращая дальнейшей работы в этой области, заявить протест против постановления Оргбюро и ввиду большого значения политического вопроса о военнопленных поляках, апеллировать к пленуму ЦК партии. Копию настоящего постановления сообщить лично т. Ленину" [1. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14. Л. 6а; Д. 296. Л. 27].

³² Положение о них было уже принято 24 августа. Позднее предусматривалась замена его другим [5. Д. 249. Л. 56].

28 января СТО заслушал доклад особоуполномоченного по делам польских военнопленных при НКВД С.С. Пилявского, а 2 февраля Малый СНК принял следующее постановление. Учреждалась должность особоуполномоченного по польским военнопленным при НКВД³³. Предлагалось: в течение двух недель "разработать план размещения всех военнопленных польской армии на все оставшееся для их пребывания в пределах" РСФСР "время в отдельных лагерях и других местах общественных работ, по возможности ближе к крупным центрам, сосредотачивая их возможно большими группами"; "в срочном порядке составить расписание маршрутов... для осуществления переброски" военнопленных "на вновь намечаемые места"; "немедленно вернуть всех военнопленных польской армии с работ на Мурманской железной дороге".

Лагерь на время нахождения в них пленных, подчинялись общему руководству и контролю уполномоченного по делам военнопленных. Впредь отпуск продовольствия для военнопленных должен был производиться "по нормам тылового красноармейского пайка" и "не только в первую очередь, но обязательно полностью – наравне с продовольствием бронированных категорий".

Выделялось 4 тысячи полных комплектов вещевого довольствия. Следовало "обратить самое серьезное внимание на содержание в больницах, госпиталях и лазаретах больных и раненых военнопленных польской армии". Поручалось предоставить сведения о военнопленных, не состоявших на учете в ведении Главного управления общественных работ и повинностей. Устанавливалось, что военнопленные, работающие на фабриках и заводах, должны получать зарплату полностью без каких-либо удержаний [9. Т. XII. С. 314–316].

Имея в виду назначение уполномоченного по делам польских военнопленных "с полномочиями, достаточными для соответствующей постановки дела о военнопленных", Польшюро ЦК 9 февраля аннулировало свое постановление от 28 января [1. Д. 14. Л. 9].

В результате осуществления этих мер и в связи с заключением перемирия произошли некоторые изменения в положении многих военнопленных. В конце августа или начале сентября Главное управление принудительных работ предлагало заведующему Подотделом принудительных работ Петросовету Иоффе отправиться на Мурманскую ж.д. "для ознакомления с положением условий работ" и "организации Трудовых дружин", "обязывало его потребовать от администрации ж.д. предоставления пленным пригодного для жилья помещения, аккуратного снабжения довольствием и обеспечения необходимой охраны [5. Д. 57. Л. 23]³⁴.

При Московском управлении принудительных работ была сформирована бригада трудовых дружин. 1-я дружина, насчитывавшая 418 человек, располагалась в Рождественском лагере, занималась очисткой ж.-д. путей и другими работами в городе. 2-я и 3-я дружины в составе 1 569 человек размещались на ст. Владыкино Московской окружной ж.д. и работали на железной дороге. 4-я (416 человек) – находилась на ст. Перерва Московской Курской ж.д. [1. Д. 156. Л. 38]. По данным на март в Тверском лагере из 427 пленных 140 находились в лагере, остальные работали в советских коммунах, на огородах, кирпичном заводе, торфоразработках [1. Д. 243. Л. 7].

В справке "О состоянии военнопленных поляков, расположенных в г. Харькове и Донбассе", датированной 1 октября 1920 г. сообщалось:

"1-й рабочий полк, находящийся в Донбассе (г. Лисичанск), первоначально состоял из 2 266 человек, в настоящее время 1 266 больных, осталось трудоспособных 1 000 человек, которые заняты погрузкой угля. Помещением не обеспечены, а также и обмундированием. Числятся за Трудовой армией.

II-ой рабочий полк, находящийся в г. Чугуеве Харьковской губ., состоит из 2 600, из

³³ Ему передавались и функции упраздненного Польского отдела ПУР.

³⁴ В сентябре–октябре здесь были созданы хозяйственные, культурно-просветительные и санитарные комиссии из военнопленных [1. Д. 203. Л. 23–34].

них 600 чел. отправлено в больницу; остальные работают по нарядам местных властей. Помещением обеспечены, но не имеют обмундирования. Числятся за Трудовой армией.

III-й рабочий полк, находящийся в г. Харькове (зав. Гельфериаде), первоначально состоял из 3 218 человек; до сих пор заболело из них 1 060 человек, остальные трудоспособны и работают по нарядам местных властей. Помещением и обмундированием не обеспечены. Числятся за Украинской Запасной армией. В рабочей дружине, находящейся на Екатеринославской улице, 631 чел., из которых 346 чел. больных. Помещением обеспечены, обмундирования не имеют. Работают в той же дружине. Кроме того, находится в Суздальских рядах 500 чел., из которых 250 чел. больные. Помещением и обмундированием не обеспечены. На довольствии числятся во 2-м запасном полку, не работают. 111 человек мастеровых работают на заводе Всеобщей компании электричества и паровозостроительном. Помещением обеспечены, обмундирования не имеют. Из них 24 чел. отправлено в больницу" [1. Д. 204. Л. 4]³⁵.

В отчете Польбюро ЦК говорилось, "что ряд неправильностей был устранен и положение военнопленных значительно улучшилось" [9. Т. III. С. 495]. По сведениям Польбюро Смоленского губкома с 3 августа до 15 декабря улучшилось "материальное положение" пленных [1. Д. 240. Л. 26]. 30 января 1921 г. военнопленные Г. Панек, С. Миллер и Ф. Дембицкий из Саратовского лагеря сообщали: "Экономическое положение представляется неплохим. Получаем красноармейский паек... Получили теплую одежду, башмаки. Баня бывает довольно часто и сменяем белье" [1. Д. 238. Л. 29].

На ст. Паша, где пленные были полураздетыми, им выдали теплые поддевки, двойные брюки, гимнастерки и подштаники [1. Д. 204. Л. 5], в Петрограде пленные получили часть одежды из подарков, собранных для Западного фронта [1. Д. 204. Л. 14]. По сообщению ПУР, в первой половине декабря произошли изменения "к лучшему" в лагерях: "Крюковском (снабжение матрасами, одеждой, бельем и лаптями), Иваново-Вознесенском (снабжение одеждой, обувью, бельем), Ярославском (частичное снабжение обмундированием) и Нижегородском (снабжение бельем, обувью, обмундированием из числа вещей, собранных комиссией помощи фронту)" [1. Д. 204. Л. 16]. Санитарное состояние в Московском лагере считалось вполне "сносным" [1. Д. 203. Л. 20]. Но так было не везде. Польбюро ЦК КПУ в отчете за октябрь – начало декабря отмечало: "отсутствие самых минимальных условий нормального существования пленных. Все голые, босые, чахлые, больные, грязные". Бараки являлись рассадниками "всякого рода эпидемий". Было проведено обследование барачков в уездах, прилегающих к Харькову, и в Донбассе. В результате властями была оказана значительная помощь пленным (снабжение лаптями, бельем) [1. Д. 267. Л. 1]. В отчете из Костромы (с 1 по 15 ноября) сообщалось: "Материальные условия [пленных] с каждым днем ухудшаются..." [5. Д. 168. Л. 1]. В декабре С.С. Пилявский отмечал, что администрация лагерей часто была "недостаточно благосклонной" к пленным [1. Д. 296. Л. 20]. В письме к польской делегации в Риге от 22 декабря сообщалось о тяжелом положении пленных в Рыбинске, Иваново-Вознесенске, Ярославле и других северных городах [3. С. 124]. 31 декабря С.С. Пилявский констатировал: "Материальные условия пребывания до сих пор во многих лагерях очень плохие" в отношении одежды, обуви и медицинской помощи [1. Д. 296. Л. 20].

В сентябре неудовлетворительным было питание в Нижегородском лагере [1. Д. 228. Л. 6]. 18 сентября Левинский сообщал: в Донбассе пленные "не получают даже обычного пайка" [1. Д. 12. Л. 2]. В Рождественском лагере в ноябре был уменьшен паек. Норма пшеницы снижалась с 32 до 12–18, мяса – с 32 до 24–25, масла – с 4,8

³⁵ По сообщению помощника начальника Укр. ПУРА Б. Скарбека (конец марта 1921 г.), в 1-м полку по списку было 1 100, во 2-м – 1 200, в 3-м – 1 750 человек; в 1-м полку с 1 сентября 1920 г. по 25 марта 1921 г. умерло 129, во 2-м – 307 человек, в лечебные заведения с 14 декабря 1920 г. по 16 марта 1921 г. переведены 133 человека, в 3-й и 4-й ротах из-за тяжелых условий дезертировали 54 человека [1. Д. 267. Л. 27–28].

до 3,2 золотников. Табак вовсе не выдавался, в течение шести недель не было мыла [1. Д. 204. Л. 11]. Недостаточным было в ноябре питание пленных, работавших на Рыбинской ж.д. [5. Д. 151. Л. 77]. В январе 1921 г. были перебои со снабжением продуктами в Ростовском лагере [5. Д. 168. Л. 113]. В ноябре не хватало одежды и обуви в Рыбинском и Рождественском лагерях (здесь большинство пленных ходило в лаптях) [1. Д. 204. Л. 11; 5. Д. 151. Л. 77]³⁶. Политинструктор Ю. Скачковский 9 января 1921 г. сообщал из Орла: "Пленные голодают, болеют, страдают истощением организма и малокровием, спят на голых топчанах или на полу", не имеют постельных принадлежностей, верхней одежды, шинелей и обуви, получали 1 ф. хлеба, 60 золотников "гнилого" картофеля, 2 зол. соли, поэтому некоторые убежали, нищенствовали по городу [5. Д. 221. Л. 14]. В январе 1921 г. пленным в Нижнем Новгороде приходилось спать на полу, работать без рукавиц, они не имели теплого белья, не получали мыло, не могли помыться в бане [1. Д. 228. Л. 9]³⁷. По сообщению из Костромы пленные, состоявшие в 1-й рабочей дружине, не получали зарплату. То же было и в Ярославле [5. Д. 151. Л. 28, 30].

Материальные недостатки, неудовлетворительные санитарные условия, тяжелая работа влекли за собой заболевания. На станции Голутвино из 182 пленных, прибывших в сентябре, заболело тифом 168, из них 20 человек умерли. В Петроградском лагере из 1 203 пленных 130 были больными [1. Д. 203. Л. 14; 5. Д. 151. Л. 90]. На Мурманской ж.д. в ноябре из 1 397 пленных болели 103 человека и умерло двое пленных [1. Д. 204. Л. 8]. В феврале 1921 г. в Скопинском оздоровительном пункте находилось 645 пленных из Побединского лагеря, переболевших тифом [5. Д. 249. Л. 46]. Были и другие случаи смертельного исхода [3. С. 188].

Польбюро ЦК констатировало, что после заключения перемирия "культурно-просветительная и агитационная работа идет успешно. Во многих лагерях устроены школы для неграмотных, клубы, устраиваются лекции, собеседования, митинги и концерты, поставляется литература". При этом, однако, имелись крупные недостатки, и следовало эту работу усилить [8. С. 497]. По сообщению С.С. Пилявского от 31 декабря, в лагерях находились 36 политинструкторов и, кроме того, было трое объездных. Они обслуживали свыше 15 тыс. пленных в 26 лагерях [1. Д. 296. Л. 20].

По данным Польского отдела ПУР, на первую половину декабря в школах для неграмотных обучались в Кожуховском лагере десять, Ярославском – 100, Тверском – 50, Вятском – 15, Владыкинском – 70, в Иваново-Вознесенском лагере в школе I ступени училось 28, в школе II ступени – 82 пленных. В Ярославском и Иваново-Вознесенском лагерях были школы политграмоты [1. Д. 204. Л. 15]³⁸. Создавалась школа политграмоты в Саратовском лагере [1. Д. 228. Л. 11]. В Киеве были организованы политкурсы для пленных [1. Д. 13. Л. 7]. В Рождественском лагере читались лекции по истории, политэкономии, конституции РСФСР, лекции по политической тематике устраивались и в Кожуховском лагере [1. Д. 203. Л. 18–19]. По сведениям на декабрь общеобразовательные школы были в 12 лагерях (в них обучались 629 человек, учителями являлись преимущественно пленные), политшколы – в шести, библиотеки – в пяти, клубы – в 11, театральные группы – в четырех лагерях³⁹. С начала создания лагерей до декабря было проведено 99 митингов и прочитано 33 лекции [1. Д. 296. Л. 20]⁴⁰. В Рыбинске пленные могли бесплатно побывать в театре, в Саратове из-за недостатка одежды лишь немногие располагали такой возможностью [1. Д. 204. Л. 16;

³⁶ Подобное положение было в Костроме [5. Д. 168. Л. 1], в январе 1921 г. в Ростовском и Владыкинском лагерях: предлагалось рассмотреть причины этого и удовлетворить потребности [5. Д. 168. Л. 113–114].

³⁷ В Голутвине пленные с 25 сентября 1920 г. по 4 февраля 1921 г. в бане были два раза [5. Д. 151. Л. 90].

³⁸ В Саратовском лагере в январе 1921 г. в школе неграмотных училось более 60 человек [1. Д. 238. Л. 29].

³⁹ В Лебединском и Ярославском лагерях были созданы хоровые кружки [1. Д. 204. Л. 16].

⁴⁰ Другие данные на 1 февраля 1921 г.: стало школ для неграмотных 11, в них обучалось 639 человек, клубов – девять, прочитано докладов – 151, проведено собеседований – 432 [1. Д. 25. Л. 36].

Д. 238. Л. 25]. Мероприятия культурно-просветительного и политико-воспитательного характера оказывали определенное влияние на пленных⁴¹.

На митингах одни пленные по убеждению, другие – из опасения осложнить свое положение принимали резолюции, в которых выражался протест против войны Польши с советскими республиками, содержались призывы к польским солдатам не повиноваться своим властям, к классовой солидарности трудящихся. В частности, в резолюции военнопленных Ярославского лагеря говорилось: "Мы, польские военнопленные, собравшиеся на митинге 2.VIII.20 г. в Ярославле в Казанском монастыре в числе 1 100, выслушав тов. Лещиньского, протестуем против преступной войны, которую паны капиталисты Польши и Антанты навязали освобожденным рабочим Советской России. Тем самым выражаем презрение польской буржуазии за махинации в отношении польского пролетариата. Призываем тов. польских солдат к неповиновению буржуазным служкам и обращению оружия против родимых врагов – буржуазии и международного капитала. Мы, польские военнопленные, утверждаем, что не защищали рабочих интересов, а только капиталистические интересы. Верим, что польские солдаты восстанут вместе с польским пролетариатом под знаменем революции. В знак протеста постановляем работать вместе с рабочим Советской России в деревне и на предприятиях для скорейшего окончания войны и освобождения польского и международного пролетариата" [1. Д. 203. Л. 1а]. Подобные резолюции принимать на митингах и в других лагерях⁴². В письме, подписанном 61 военнопленным Смоленского лагеря и опубликованном в газете "Свит" (Вена, 7 ноября) опровергались сообщения, что с ними плохо обращаются и говорилось о "братском приеме" и желании бороться с капитализмом [3. С. 100–102]. Значительно увеличилось число коммунистических ячеек. По данным Польотдела ПУР на середину декабря такие ячейки были в лагерях Кинешменском (14 членов), Рыбинском, Крюковском (семь), Лебединском (16), Иваново-Вознесенском (22), Орловском (семь), Даниловском (десять) [1. Д. 204. Л. 16; Д. 232. Л. 1; Д. 404. Л. 17]. По сообщению С.А. Фишковского, коммунистическая ячейка в Моршанске (Тамбовской губ.) "оказывала большое влияние на организацию всей жизни в лагере" [1. Д. 242. Л. 78]⁴³. Была ячейка и в Саратовском лагере (позднее она была распушена) [1. Д. 238. Л. 25, 29]. В докладе С.С. Пилявского от 31 декабря речь шла о коммунистических ячейках в 11 лагерях, в которых числилось 123 члена партии [1. Д. 296. Л. 20; Д. 25. Л. 36]. В 1-м рабочем полку (в Донбассе) в марте 1921 г. было 29 кандидатов в члены партии, во 2-м (Чугуев) – два члена партии [1. Д. 267. Л. 27–28].

В лагерях велась агитация за вступление пленных в Красную Армию. Пленные, заслуживающие доверие властей, желавшие стать красноармейцами, освобождались. По данным на 20 июля из лагеря в Смоленске было освобождено около 30 пленнх. Они передавались в распоряжение Польшбюро [1. Д. 240. Л. 16]. По свидетельству рядового А. Паля, в Ровном согласились вступить в Красную Армию около 60 солдат. Затем они были направлены в тыл [3. С. 75]. О своем желании вступить в Красную Армию в августе заявляли "многие" пленные в Витебске [11. 13.VIII.1920], в Рождественском лагере – 39 человек [5. Д. 149. Л. 2], в ноябре в Смоленском – 61 [3. С. 100–102], Тверском – десять [5. Д. 149. Л. 17–18], Костромском – 62 [5. Д. 152. Л. 6], Крюковском – 11, Брянском – девять, в декабре в Даниловском (Ярославская губ.) –

⁴¹ На собрании политинструкторов Рождественского, Покровского и Кожуховского лагерей 10 ноября отмечалось, что политработа при существующем положении является "не продуктивной". Вместе с тем политинструкторы предлагали отделить пленнх от других соллагерников, снять стражу над ними, предоставить всем работу, снабдить довольствием. На документе, по-видимому, в Польском отделе ПУР сделаны соответственнo пометы: "слишком преждевременно", "требовать отделения", "не время", "правильно", "правильно" [1. Д. 203. Л. 20].

⁴² О митингах в Ярославле в июле [1. Д. 204. Л. 34–35, 64]; 4 августа в Нейском лагере при 500 пленнх [1. Д. 203. Л. 2], Витебском – 800 человек [11. 13.VIII.1920], в октябре в Иваново-Вознесенском [5. Д. 68. Л. 60], в декабре в Измайловских казармах [1. Д. 203. Л. 34], в январе 1921 г. в Киевском [12. 16.I.21].

⁴³ Фишковский остался в Советской России и в октябре 1921 г. был ответственным организатором секции нацменьшинств при политпросвете Моршанского ОНО [1. Д. 242. Л. 91].

десять, Владыкинском – четверо, Иваново-Вознесенском – несколько человек, Орловском – 20, Побединском – 15, в Рыбинском – пять человек [5. Д. 149. Л. 5]. По данным Польбюро ЦК, с середины сентября 1920 г. до 1 февраля 1921 г. в Красную Армию вступило 186 польских военнопленных [1. Д. 25. Л. 37]. Просьбы военнопленных о вступлении в Красную Армию, за некоторым исключением, удовлетворялись. В сводке ПУР за первую половину декабря сообщалось, что добровольно записалось в Красную Армию в Кожуховском лагере шесть, Иваново-Вознесенском – четверо, Ярославском – двое, Орловском – 14 и Даниловском – десять пленных [1. Д. 204. Л. 16]. "В Рыбинском лагере масса военнопленных изъявила желание вступить в ряды Красной Армии, но количество их не установлено ввиду срочной отправки их в распоряжение Петросовета" [1. Д. 204. Л. 16]⁴⁴.

В Иваново-Вознесенском лагере записались в польскую красную армию 46 добровольцев, в том числе 18 унтер-офицеров, один пехотинец, 24 кавалериста, один артиллерист, два пулеметчика [5. Д. 149. Л. 143–144]. По сведениям Главного управления по формированию частей красных коммунаров 14 декабря в 1-м образцовом батальоне было 182 красноармейца и 99 из числа бывших военнопленных (16 декабря – 141), в 1-м запасном инженерном батальоне – трое, на курсах комиссаров обучался 31 бывший пленный [1. Д. 555. Л. 33, 37]. В Рыбинском лагере пленные во время недели ребенка собрали 13 825 руб. для детей [1. Д. 204. Л. 16]. Пленные из 2-го рабочего полка оказали содействие в разгроме отряда махновцев [1. Д. 267. Л. 28].

Вместе с тем продолжались побегі военнопленных. Из Тульского лагеря с 27 июля до 30 августа бежали 18 офицеров и несколько солдат [3. С. 180, 188]. По сообщению Левинского от 18 сентября, пленные в Донбассе, работающие небольшими группами, "часто убегают, чтобы соединиться с бандами Махно" [1. Д. 12. Л. 2]. Были и другие случаи побега военнопленных [3. С. 34, 38, 57, 62, 69, 82, 97, 142]⁴⁵. Из Тверского лагеря до 16 апреля 1921 г. сбежали 12 человек, в том числе три учителя [1. Д. 243. Л. 7]. Возможно, что побегі некоторых лиц были инспирированы властями.

24 февраля 1921 г. были подписаны протокол о продлении перемирия до обмена ратификационными грамотами окончательного мирного договора [10. С. 531] и соглашение о репатриации. Стороны обязались приступить к возможно скорейшей репатриации заложников, гражданских пленных, ингернированных⁴⁶.

Под военнопленными понимались комбатанты, взятые в плен армиями на российско-украинско-польском фронте и некомбатанты, входившие в состав действующих вооруженных сил и захваченные в плен, а также лица, входившие в состав польских частей, взятые в плен на других фронтах.

Репатриация военнопленных и других лиц являлась добровольной, принуждение к репатриации не допускалось. До передачи военнопленных им должны были обеспечиваться надлежащие условия содержания или возможный заработок и нельзя было их делить на группы и категории, не предусмотренные международным правом и обычаями. Издержки по содержанию военнопленного, составившие стоимость израсходованных на него пайка, вещевого и денежного довольствия, если они не погашались его работой, возмещались другой стороной. Ему возвращалось отнятое у него имущество и выдавалась невыплаченная часть заработка.

Отправка транспортов с военнопленными разрешалась до образования смешанных комиссий и не позднее десяти дней со дня подписания соглашения. Обмену подлежали

⁴⁴ Однако имел место и такой случай. В Ярославском лагере 56 пленных заявили о своем желании обучаться на курсах красных командиров. Они были освобождены из лагеря и в торжественной обстановке отправлены в Москву. По сообщению капрала С. Словинского, половина из них бежала из Москвы, остальные это сделали, вероятно, позже [3. С. 90].

⁴⁵ В частности, из Рождественского лагеря [1. Д. 203. Л. 19; 5. Д. 148].

⁴⁶ Гражданскими пленными и интернированными считались граждане другой стороны, содержащиеся или содержавшиеся в заключении, под арестом или под административным надзором, а также подвергающиеся или подвергавшиеся судебным или административным репрессиям за политические или государственные преступления, или преступления в пользу другой стороны, или если эти репрессии были применены с целью пресечения возможности указанных преступлений военнопленных, беженцев и эмигрантов.

все военнопленные как солдаты, так и командиры, комиссары и офицеры по принципу все за всех. В первую очередь отправке подлежали больные, инвалиды и те, кто находился в наихудших условиях содержания. Приостанавливались всякого рода преследования и приведение в исполнение наложенных наказаний [8. С. 502–513].

18 марта был подписан мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой. Прекращалось состояние войны между договаривающимися сторонами, оставалось в силе соглашение о репатриации от 24 февраля. Расчет и выплаты расходов на содержание военнопленных должны были производиться каждые три месяца (ст. IX). Предоставлялась полная амнистия за политические преступления и проступки. Она распространялась и на деяния и проступки против правил, обязательных для военнопленных, не должны были возбуждаться новые преследования, а начатые – прекращались (ст. X), наказания не приводились в исполнение [10. С. 618–642].

В связи с предстоящей репатриацией пленных принимались некоторые меры по нормализации лагерного режима, продовольственного и вещевого довольствия. Предусмотренная в мирном договоре амнистия не изменяла статуса военнопленных. Особый отдел ВЧК 10 февраля сообщал Главному управлению принудительных работ: "Польских военнопленных никакая амнистия не освобождает от плена и они содержатся до обмена на общих условиях для военнопленных" [5. Д. 248. Л. 36].

По свидетельству объездного политинструктора А. Фукса, в феврале пленные, находившиеся в Фастове и Томилине, были одеты и обуты; в Фастове хлеб выдавался по норме и санитарное состояние было хорошее; в Голутвине они получали паек трудармейца и полностью вещевое довольствие [5. Д. 151. Л. 90–91]. По данным на 22 февраля, в Боровичах (Новгородская губ.) была отремонтирована казарма, в которой размещались пленные, санитарное состояние лагеря считалось удовлетворительным, но не было сменного белья [5. Д. 151. Л. 54]. В марте последовала заявка Центроэваку на поставку тысячи пар лаптей и тысячи пар портянок для военнопленных [5. Д. 248. Л. 61]. В Тверском лагере пленным были выданы лапти и белье [1. Д. 243. Л. 7]. В Сороме комиссия собирала деньги и продукты, и пленные были обеспечены необходимым [1. Д. 228. Л. 24].

Однако в других лагерях было немало трудностей. По сообщению уполномоченного по делам военнопленных в Вятской губернии Э.С. Жебровского от 20 марта, положение пленных в экономическом и политическом отношении было крайне неблагоприятным: они не были обеспечены обмундированием и бельем, не получали полного пайка, комендант лагеря был настроен шовинистически, имели место грубое обращение и побои [5. Д. 151. Л. 339]. Тяжелым было положение пленных в марте в Орловском лагере, отношение администрации к ним было "возмутительным" [1. Д. 232. Л. 3]. В Рождественском лагере в апреле не хватало обмундирования и белья, не выдавали масло и другие продукты [1. Д. 203. Л. 53]. В апреле сообщалось о бесчинствах, а в июле – о злоупотреблениях на Ходынском хуторе Моссовхоза [1. Д. 203. Л. 57; 6. Д. 249. Л. 91]. В Тверском лагере в мае не хватало продуктов, условия существования пленных были скверными [1. Д. 243. Л. 5]. Офицеры, находившиеся в Тульском лагере, ссылаясь на соглашение о репатриации, в марте отказались выполнять работы. Им было разрешено работать вне лагеря по пропускам до 10 часов вечера [3. С. 181]. Пленные, состоявшие в первой рабочей дружине в Саратове⁴⁷, в мае в связи с невыдачей хлеба отказались от работы [1. Д. 238. Л. 25].

Продолжалась, а в некоторых местах и усиливалась, культурно-просветительная и политико-воспитательная работа среди пленных. В статье С. Будзинского говорилось о необходимости воспитания пленных в коммунистическом духе, ставилась задача превратить их в борцов за социалистическую революцию [12]⁴⁸. Главное управление

⁴⁷ В ней по списку было 399 человек, налицо – 283, больных – 67, арестованных – 8, в самовольной отлучке – 14, в командировках – 27, умерших – 14 [1. Д. 238. Л. 25].

⁴⁸ Польбюро ЦК 21 июля 1921 г. считало работу среди пленных до конца их отъезда "боевой" [1. Д. 14. Л. 46].

принудительных работ 1 апреля предписало "совершенно ликвидировать неграмотность среди военнопленных" [1. Д. 238. Л. 69]⁴⁹. В лагерях проводились митинги, читались доклады, устраивались концерты [1. Д. 284. Л. 7; Д. 203. Л. 54], велась агитация за вступление в Красную Армию [5. Д. 156. Л. 16], за невозвращение на родину⁵⁰; издавались листовки, в которых говорилось о тяжелой жизни в Польше [1. Д. 203. Л. 71–72], что встречало отклик у части пленных. В феврале 49 пленных Тверского лагеря выразили желание вступить в польские части красных коммунаров. Комиссия удовлетворила просьбу 43 из них [5. Д. 168. Л. 53–55]. В других списках таких лиц числилось от четырех до 32 человек [5. Д. 168. Л. 3, 5, 6, 12–13]. По данным на март в Орловском лагере в Красную Армию вступили семь пленных [1. Д. 232. Л. 2], из Ярославского лагеря 21 человек был направлен в красные коммунары [5. Д. 156. Л. 12]. В других случаях в красные коммунары было принято 19, а шести пленным отказано в этом [5. Д. 168. Л. 112]. По мнению Польшбюро ЦК (протокол № 26 от 23 февраля), военнопленных, не желавших возвратиться в Польшу, следовало направлять на работу по специальности. Военнопленные-коммунисты должны были поступать в распоряжение Польшбюро для использования их на партийной или профессиональной работе [1. Д. 14. Л. 13]. Коммунистам рекомендовалось в связи с возможностью их работы в Польше принимать польское гражданство, но нельзя было их принуждать к этому. Если польская сторона не предоставляла им польского гражданства, то они могли ходатайствовать перед советскими властями о признании гражданства [1. Д. 14. Л. 22, 40].

По предписанию ВЧК от 8 марта военнопленные, принадлежавшие к трудовым слоям населения и не вызывавшие сомнения, могли по письменному заявлению остаться в РСФСР, они не были обязаны принимать российское гражданство, освобождались из лагеря⁵¹ и направлялись на работу [5. Д. 7. Л. 40]. В январе 1921 г. 14 военнопленных, находившихся в Сергиевской пустыни, заявили о своем желании остаться в РСФСР [5. Д. 250. Л. 4–5]. В других случаях такие просьбы поступали от групп военнопленных [5. Д. 215. Л. 49–50, 66–67, 77; Д. 232. Л. 44–59]. Комиссия в Вятском лагере, рассмотрев в мае просьбы 32 пленных оставить их в РСФСР, четверым из них отказала [5. Д. 151. Л. 346]. В июне комиссия Владыкинского лагеря разрешила остаться в РСФСР 44 пленным, из них 29 направила в распоряжение НКТруда, пять – в Польшбюро ЦК, просьба пятерых не была удовлетворена [5. Д. 151. Л. 203–204]. В Харькове, по данным на 5 августа 1921 г., свыше 200 беспартийных военнопленных решили остаться в УССР, а некоторые из уехавших возвращались обратно [1. Д. 267. Л. 16, 19]. В отчете Польшбюро ЦК за август 1921 г. сообщалось, что около 3 500 польских военнопленных добровольно отказались возвратиться в Польшу [1. Д. 25. Л. 29]. К 1 ноября 1921 г. было отправлено в Польшу 25 тыс. военнопленных и около 2 000 осталось в советской стране [1. Д. 25. Л. 37]⁵². Перед отправкой на родину военнопленные по распоряжению Центроэвака и Главного управления принудительных работ от 4 апреля должны были быть полностью снабжены обмундированием и деньгами⁵³, а их списки завизированы местными органами ВЧК [5. Д. 156. Л. 48].

При отъезде военнопленных обычно устраивались торжественные проводы. 19 марта был отправлен первый эшелон из Смоленска [11. 24 III. 1921], а 30 марта двумя эшелонами отбыли военнопленные из Орловского, Брянского и других лагерей [13. С. 21]. Всего в марте было репатрировано 1 565 человек [3. С. 201]. В апреле

⁴⁹ В марте в Тверском лагере обучались 60 человек [1. Д. 243. Л. 7]; на 9 апреля в Ярославском лагере числилось 25 неграмотных [6. Д. 156. Л. 28], к июню в Саратовском лагере из 75 человек остались неграмотными 14 пленных [1. Д. 238. Л. 25].

⁵⁰ По данным на февраль в Тверском лагере предполагалось использовать их для работы в милиции [5. Д. 249. Л. 71].

⁵¹ И после ликвидации трудовых дружин [5. Д. 249. Л. 71].

⁵² Некоторые пленные получили разрешение остаться в советской стране в конце 1921 г. и в первой половине 1922 г. [5. Д. 36. Л. 121, 252, 257, 263].

⁵³ Репатрированным рабочего батальона на Мурманской жд. не было уплачено около 3 млн рублей. Предусматривалась выплата им этой суммы [3. С. 160].

сообщалось, что военнопленные сосредоточиваются в Харькове и Киеве и "в этих пунктах они подвергаются усиленной политической обработке и фильтрации и после этого направляются в Здолбуново" [1. Д. 267. Л. 8]. Еще раньше в политико-воспитательной работе главное внимание сосредотачивалось на пропаганде достоинств советского строя, то теперь – на внутреннем и внешнем положении буржуазной Польши [1. Д. 267. Л. 12]. В Киеве инструкцией от 27 апреля предлагалось первый эшелон укомплектовать из здоровых и, по возможности, цветущего вида пленных, из рабочих, симпатизировавших советскому строю и не включать в него коммунистов, лиц, находившихся в лагерях под псевдонимами, интеллигентов и самовольно отлучавшихся из лагеря [1. Д. 268. Л. 5]. 28 апреля они со знаменами прибыли на станцию, где состоялся митинг, на котором выступали представители местных властей и организаций [1. Д. 268. Л. 6]. По пути пленных следовало встречать с музыкой, устраивать митинги, концерты, снабжать литературой и продовольствием [1. Д. 268. Л., 3]⁵⁴.

29 мая военнопленные Тверского лагеря приняли резолюцию: "Мы, поляки-военнопленные, возвращающиеся из свободной России в буржуазную Польшу, обещаем сегодня представителям польских и русских коммунистов, что мы готовы к борьбе за власть рабочих в стране. До последней капли крови будем бороться за власть рабочего народа, за победу социальной революции" [1. Д. 243. Л. 6]. 31 мая они со знаменами и песнями отправились на вокзал и отбыли на родину [1. Д. 243. Л. 6]⁵⁵.

Накануне отъезда военнопленные Моршанского лагеря (Тамбовская губ.) приняли такую резолюцию: "Мы, военнопленные-поляки, выезжающие на родину, собранные в лагерьном клубе на концерт-митинг, устроенный Политотделом армии и Губполитпросветом в числе 150 человек по десятидневном пребывании в Советской России совершенно поняли, что еще не так давно мы были слепым орудием в руках польских и иностранных капиталистов и помещиков. Теперь, возвращаясь домой, мы сильно проведем между своих рабочих и крестьян коммунистическую идею и откроем своим товарищам глаза на действительное положение в Советской России" [1. Д. 242. Л. 77; другая редакция резолюции – Л. 78–79]. 14 июля для них был организован прославленный вечер-концерт в театре городского парка. На нем выступили представители города, администрации лагеря, Политотдела армии, Губполитпросвета и железнодорожников, призывая пленных, чтобы они по возвращении на родину помогали Советской России. От имени военнопленных один из них (беспартийный) приветствовал РКП и Советскую власть, затем все исполнили песню "Червоны штандар". 15 июля пленные с оркестром и красными знаменами прибыли на станцию, где представители местных властей провожали их "теплыми и сердечными словами" и выражали надежду, что вскоре встретятся рука об руку в классовой борьбе на Западе. От имени военнопленных Фишковский выразил глубокую благодарность администрации города и коммунистической партии "за хорошее и заботливое обращение с военнопленными". Тамбовский хор исполнил революционные песни на польском языке. По дороге состоялся митинг в Рязани [1. Д. 242. Л. 77]. Подобным образом проходили проводы военнопленных и в других местностях [1. Д. 204. Л. 17–18].

Проведение репатриации военнопленных затруднялось рядом обстоятельств. Были случаи задержки отправки, неудовлетворительных условий эвакуации. Отправка военнопленных из Тулы предполагалась в марте, затем была перенесена на май и задержалась до августа (пленные объявлялись заложниками в связи с задержкой репатриации советских пленных, а после бегства 18 офицеров были введены ограничения в лагере) [3.С. 182–183]. В апреле задержалась репатриация из Рязани и предлагалось занять пленных на работе [5. Д. 156. Л. 26]. При отправке пленных из Владыкинского лагеря и госпиталя в Москве они в течение шести часов на снегу ожидали

⁵⁴ Репатриация военнопленных из Украины была закончена к середине июля 1921 г. Было отправлено семь эшелонов из Харькова (около 7 тыс. пленных), из Киева – два эшелона (около 2 тыс. человек), торжественно и иногда с подарками [1. Д. 267. Л. 19, 21].

⁵⁵ По данным на 23 апреля в связи с задержкой отправки здесь пленные отказались от работы, имели место побег [5. Д. 232. Л. 29].

вагоны, затем были возвращены в лагерь, позднее размещены в товарных вагонах без матрасов, продовольствия и медикаментов [3. С. 215]. 4-й эшелон из Красноярска стоял на станции Орша 18 дней [3. С. 214].

Репатриация военнопленных осложнялась и позицией польского правительства. Оно не выполняло условий договора о высылке из страны белогвардейцев, делало заявления ультимативного характера, и советская сторона в знак протеста вынуждена была приостанавливать отправку военнопленных [10. Т. IV. С. 203–204, 219–220]. 18 сентября советская делегация возвратилась в смешанную комиссию по репатриации⁵⁶, а 7 октября был подписан особый протокол [10. Т. IV. С. 394–395]. Через станцию Негорелое с марта до 4 августа было отправлено 14 711 солдат, 15 офицеров и 30 заложников [5. Д. 151. Л. 6]. По официальным польским данным, было репатриировано в апреле 4 692, в мае – 6 254, в июне – 4 582, в июле – 3 855, в августе – 1 786, в сентябре – 2 328, в октябре – 273, а в целом с марта по октябрь – 25 325 военнопленных [3. С. 201] и оставалось еще в плену около 2 500 человек [3. С. 198]⁵⁷. По другим данным, с 16 марта до 12 октября возвратились в Польшу 418 офицеров и 26 022 рядовых [3. С. IX]⁵⁸.

По сведениям польской стороны с 1 ноября 1918 по 31 декабря 1920 г. пропали без вести 51 351 военнослужащих, в том числе 642 офицера. Возвратились из Литвы около 3 тыс., из Германии – 2 тыс., не вернулось главным образом из советского плена около 20 тыс. человек. "Большинство из них, вероятно, не пережило плена" [3. С. VIII]. С таким заключением нельзя согласиться. Во-первых, не все пропавшие без вести стали пленными. Одни из них погибли в боях, в особенности при отступлении, немало было и перебежчиков, значительное число военнопленных добровольно осталось в советской стране. Временный поверенный в делах Польши в РСФСР г. Филиппович в устном заявлении НКВД 14 сентября обвинял советскую сторону в невыполнении мирного договора и утверждал, что в настоящее время в лагерях и тюрьмах находится еще около 10 тыс. военнопленных [3. С. 190]. В ноте польского посольства в Москве от 10 января 1922 г. говорилось о задержке советскими властями 34 военнопленных и свыше 100 человек в пункте Центроэвака [3. С. 210–211].

Приведенные выше материалы позволяют сделать такие выводы. Отношение советских властей к польским военнопленным определялось в основном так называемым классовым принципом. Считалось, что солдаты из рабочих и крестьян не могли быть сознательными противниками советской стороны, большинство из них воевало не по своей воле. Предполагалось, что посредством агитации и пропаганды можно было показать им противоположность их интересов устремлениям польских имущих классов, привлечь их на советскую сторону и использовать для революционных преобразований в Польше. Польские коммунисты были весьма заинтересованы в таком направлении дела и оказывали значительное влияние на позицию властей. Пленные офицеры, которых было относительно мало, считались националистами и контрреволюционерами. Действия антисоветского характера преследовались.

Военнопленные, за некоторым исключением, находились в тяжелом или весьма тяжелом положении (неблагоустроенные лагерные помещения, недостаток продовольствия, одежды, неудовлетворительные санитарные условия, болезни и т.д.). Это обуславливалось не дискриминационными или репрессивными мерами, а главным образом хозяйственной разрухой, недостатком материальных средств и частично нераспорядительностью местной администрации. Нередко встречались те или иные злоупотребления.

⁵⁶ В советской ноте от 26 сентября говорилось о возможности скорейшего решения вопросов, касающихся репатриации. Были даны общие указания относительно увольнения военнопленных из Красной Армии и оптации поляков, служащих в армии [10. Т. IV. С. 367].

⁵⁷ В то же время из Польши возвратилось 65 797 советских военнопленных, оставалось в плену 932, по мнению советской стороны, – свыше 2 900 человек [3. С. 198].

⁵⁸ Однако репатриация военнопленных продолжалась. В частности, пятый эшелон с военнопленными из Красноярска (1158 человек) был загружен 21 октября 1921 г. и прибыл в Омск 8 декабря [5. Д. 292. Л. 316].

Сведения о числе умерших в плену неполные. Но не имеет основания утверждение о том, что из около 20 тыс. пленных большинство "вероятно не пережило плена" в советской стране [3. С. VIII]. Это вытекает из сопоставления официальных польских данных о числе пропавших без вести, возвратившихся из советского плена и советских сведений о числе военнопленных и оставшихся добровольно в советских республиках. Вместе с тем очевидна необходимость дальнейших исследований по этому вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1.
2. Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Ю. Пилсудский. Война 1920 г. М., 1992. С. 52, 63, 65.
3. Zwycięzcy za drutami. Toruń. 1995.
4. Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1965. Кн. 2.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 89.
6. Польско-советская война 1919–1920. М., 1994. Ч. 1.
7. Бабель И. Коармия. Рассказы. Дневники. Публицистика. М., 1990. С. 186.
8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. III. С. 497.
9. Декреты Советской власти. М., 1980. Т. X; М., 1989. Т. XIII.
10. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III; М., 1960. Т. IV.
11. Известия.
12. Trybuna Komunistyczna. 1921. 23.1.
13. Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М., 1974. С. 21.

© 2000 г. А.Л. ШЕМЯКИН

РУСОФИЛЬСТВО НИКОЛЫ ПАШИЧА: ОЦЕНКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА

Из всех сторон противоречивой личности Николы Пашича, пожалуй, только одна ни у кого не вызывает сомнений и не порождает споров – это отношение к России. Тезис о безусловной прорусской ориентации бессменного вождя сербских радикалов давно уже стал общим местом в мировой историографии. Вот только с чем – с идеологией или политической конъюнктурой – связывают такую его позицию исследователи? Иными словами, какова была природа выраженного русофильства знаменитого Байи?¹

Большинство ученых и публицистов считают решительный поворот Н. Пашича к России чисто политическим шагом, в основе которого лежал голый расчет, – иначе как объяснить тот факт, что близкий на рубеже 1860–1870-х годов друг и последователь русских революционеров [1] спустя каких-то десять-двенадцать лет превратился в стойкого приверженца "деспотического" Петербурга. Механизм этого поворота предельно четко обрисовал классик сербской историографии Сл. Йованович. "Воспитанные в школе русских социалистов, – писал он, – радикалы без симпатий относились к царской России. В своих внешнеполитических воззрениях они придерживались программы Светозара Марковича, согласно которой освобождение Балканского полуострова должно было произойти путем объединения усилий самих балканских народов, без покровительства какой бы то ни было великой державы". Между тем "в эмиграции (т.е. в середине 1880-х годов. – А.Ш.) Пашич пришел к выводу, что даже если Россия не нужна балканским народам в деле освобождения Балкан, она необходима радикалам в деле свержения Милана Обреновича (их злейшего внутреннего врага. – А.Ш.)" [2. С. 240–241]. Тогда же беглец "установил связь с русскими, и эти связи уже никогда не прерывались" [3]. Впрочем, делает важное замечание автор, "в то время он еще не выглядел законченным русофилом" [4]. Данный вывод почти дословно продублировал Н. Попович, особо выделив при этом прагматизм Н. Пашича [5. С. 234].

Мнение Сл. Йовановича разделил публицист Д. Шиячки: "Во время эмиграции Пашич установил тесные связи с российскими официальными кругами" [6]. А историк Дж. Раденкович даже несколько снизил временной порог. Уже в 1881 г. подчеркнул он, "Пашич сделал окончательный выбор в пользу царской России, которая отныне будет его главной политической и дипломатической опорой" [7. С. 129]. Столь же категоричен и бывший посланник Сербии в Петербурге Д. Попович: "Еще в начале своей политической карьеры Пашич стал преданным сторонником России" [8].

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Байя – сербское прозвище Н. Пашича.

Наряду с внутривластительской, у русофильства радикального лидера имела и сильная внешняя мотивация. Она была связана как с необходимостью решения сербского национального вопроса, так и со сложным геополитическим положением самой Сербии: владения Австро-Венгрии – непримиримой противницы не то что решения, но даже постановки этого вопроса, оккупировавшей к тому же Боснию и Герцеговину – полукольцом охватили территорию страны, что поставило под сомнение ее реальную независимость. Учитывая постоянно тлевший русско-австрийский антагонизм на Балканах, Пашич и сделал ставку на Петербург. "Самая большая угроза для сербского элемента на Балканах, – говорил он в Народной скупщине, – исходит от Австро-Венгрии, и единственно Россия может нас защитить от нее, ибо в этом случае она будет защищать и свои интересы" [9].

На данное обстоятельство еще в 1926 г. указал известный сербский дипломат М. Спалайкович: "Пашич рано понял то, чего не хотел или не мог понять Милан Обренович (последовательный австрофил. – *А.Ш.*) ... Он четко осознал, что в опоре на Австро-Венгрию у Сербии нет спасения. Решение своей национальной задачи она могла искать только в содружестве с другими балканскими народами и Россией. Когда эта истина стала очевидной, все остальное пошло само собой, как бы по инерции" [10]. Год спустя политик и публицист М. Трифунович также отдал Н. Пашичу должное за его внешнеполитический выбор. "Повернуть Сербию от ее мощной соседки – Австро-Венгрии лицом к России, – писал он, – это великий исторический шаг. Именно Пашич был персонификацией судьбоносного поворота" [11]. Схожую мысль высказал и историк А. Елачич, особо подчеркнув социальную обусловленность сделанного "выбора": "Князь Милан (Обренович. – *А.Ш.*) так активно искал австрийского покровительства, что верг Сербию в состояние полной экономической и политической зависимости от Вены. Столь явный крен, однако, не принес сербам пользы. Поэтому народ, в огромном своем большинстве, требовал установления самых близких отношений с Россией, в чем его активно поддерживали радикалы. Ну а среди них наиболее последовательным русофилом был лидер партии Никола Пашич" [12].

Что касается современных исследователей, то и они нередко выделяют в его стойкой пророссийской ориентации лишь внешний компонент. "Если рассматривать русофильство Пашича под микроскопом, – читаем у В. Казимировича, – то становится очевидным следующее – в первую очередь оно являлось результатом политики, направленной на обеспечение Белграду помощи и поддержки со стороны России как великой державы. Особенно в его отношениях с Австро-Венгрией, а затем и Болгарией" [13]. По мнению академика С.Д. Сказкина, Пашич и его соратники "всячески поддерживали русофильские настроения в расчете на помощь России против Австрии. Они не боялись вмешательства русского абсолютизма в их дела. Россия слишком далека, чтобы производить в Сербии эксперименты, но угроза Австрии русской дружбой была бесполезной" [14. С. 257]. Синтезирует суждения этой группы авторов вывод М. Протича: "Пророссийская позиция радикальной партии прошла в своей эволюции несколько этапов. Сначала источником близости были влияние русских социалистических мыслителей и романтическое чувство принадлежности к великому славянскому и православному миру. Но по мере того, как шло время, реальность гасила воодушевление. Радикалы обрели в России опору для реализации своей национальной программы" [15].

Итак, на поиски союза с Петербургом Н. Пашича толкала задача сохранения независимости Сербии. Как, впрочем, и стремление обеспечить себе крепкий тыл в условиях острейшего внутреннего противостояния. Кроме того, союзничество России представлялось ему важнейшим фактором будущего "освобождения и объединения". Мотивировка, как видим, предельно логичная, а главное – вполне рациональная. Но откуда тогда налет экзальтации, присущий русофильству Пашича – "безусловному", как выразился Сл. Йованович [2. С. 241]. Отчего, по замечанию Д. Николаевича, "ни протоиерей Матия Ненадович, ни Йован Ристич, с которым Пашича объединяла известная схожесть характеров, не были русофилами до той меры, как он" [16. С. 45].

Что, наконец, дало основания Дж. Станковичу заключить: "Поиск опоры в России имел для Пашича более глубокий смысл, чем тот, каковым руководствовались его предшественники" [17. С. 80]? Хотя, наверное (добавим от себя), они были не меньшими патриотами и прагматиками.

Дж. Раденкович видит ответ на все эти вопросы в том же сугубом расчете. Пашич, по его словам, хотел "быть в Сербии человеком, которого мощная Россия больше всех ценит и уважает, кому всегда готова прийти на помощь... Он как бы предлагал себя, желая оказаться балканской надеждой русской политики" [7. С. 227]. С внутренним определением, а не только с такого рода практицизмом, связывает означенную черту его русофильства Н. Попович: «Освобождение и объединение сербских земель в единое государство ... были заветной мечтой Пашича. Но добиваться ее осуществления предстояло в рамках определенного международного порядка, который жестко поставил перед сербами дилемму – с кем вы, с Россией или Австро-Венгрией? Для такого глубоко православного человека, как Никола Пашич, Россия уже по самой своей сути была призвана стать союзницей православных сербов. По той же причине он видел в ней "законную" противницу Австро-Венгрии. Ну а если глобальные национальные интересы совпадают, то что другое остается, кроме как вести (и проводить постоянно) политику тесной дружбы с Россией... Поэтому считаться русофилом (с точки зрения внутреннего состояния духа) и придерживаться пророссийской линии (в качестве государственного деятеля) было для Пашича совершенно естественным и "Богом данным" выбором. Не являться же таковым и не делать этого – суть грех, насилие над естеством, политика, направленная в ущерб народу» [5. С. 237].

Мысль о принадлежности сербов и русских к одному общему миру (славянскому и православному), как о главном источнике русофильского определения вождя сербских радикалов, была весьма популярна и в межвоенной литературе. Правда, высказывалась она тогда, как правило, в самой обобщенной форме. «Убеждение Пашича, его "верую", – писал, например, М. Ивкович, – состояло в том, что все славяне, а особенно мы – сербы, должны всегда быть вместе с Россией и русским народом» [18]. А потому, резюмировал Д. Николаевич, "веря в Россию, Пашич верил в себя" [16. С. 45].

Весьма экстравагантную, если не сказать скандальную, точку зрения на истоки "безусловного" русофильства Н. Пашича высказал в свое время известный публицист С. Гребенац. В одной из частных бесед он заявил: "Пашич вернулся в Сербию после учебы в Швейцарии, уже будучи агентом русской тайной полиции, которая и направила его в лагерь сербских социалистов и нигилистов, чтобы иметь представление об их связях с русскими революционерами" [19]. Ту же версию С. Гребенац выдвинул и печатно, объявив данное "качество" Пашича главной причиной того, что "характер его связей с Азиатским департаментом петербургского МИД намного превосходил нормальные дружеские отношения, которые существуют между двумя союзными государствами", и что он приглашался "на обеды в интимном кругу царской семьи": "Подобной чести удостоивались лишь самые преданные друзья императорской фамилии" [20]. Приведя эту версию как пример явно конъюнктурного мышления, оставим ее на совести автора.

Итак, в объяснении русофильства Николы Пашича, кроме чистой прагматики, появился новый мотив – мотив культурно-религиозной общности Сербии и России и их "призванности" противостоять совместному неприятелю. Но ограничиваться одной лишь констатацией этого, несомненно верного, посылка не стоит; надо детально рассмотреть его. В центре же анализа должна находиться проблема взаимоотношений Запада и Востока как двух цивилизационных полюсов – следует выяснить, какое место между ними отводил Н. Пашич своей стране.

После Берлинского конгресса 1878 г., существенно изменившего геополитическую расстановку на Балканах, ведущие западноевропейские страны начали свое мощное проникновение в регион. Сербия, оказавшись в сфере влияния Австро-Венгрии, сразу же ощутила на себе ее воздействие – политическое, экономическое, культурное. Оно

ускорило процесс идейного размежевания в среде немногочисленной сербской элиты и способствовало консолидации ее основных фракций.

В 1880 г. откровенный прежде русофил Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Столь резкий поворот сербского суверена означал не только кардинальную смену его внешнеполитических ориентиров. Став первым в истории независимой Сербии событием знаковым, он отразил качественный сдвиг в сознании части элиты в условиях, когда самообретение государственного суверенитета поставило перед Княжеством новую проблему – проблему выбора перспективного пути социокультурного развития. Последствия не заставили себя ждать – осенью того же года "старых" либералов-националистов Й. Ристича сменила у руля правления группа будущих напредняков, вобравшая в себя цвет европейски образованной, а главное – европейски ориентированной сербской интеллигенции. Предводимые М. Пирочанцем, новые министры – "либералы второго поколения" – видели свою цель в скорейшей модернизации (европеизации) патриархальной Сербии. Они поддержали проавстрийский "новый курс" М. Обреновича, полагая, что именно Вена должна стать для Белграда окном в Старый Свет.

Прямо противоположную позицию заняла Народная радикальная партия, являвшаяся политической версией сербского социализма и идейно произрастающая из него. Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы в качестве главной задачи провозгласили защиту сербской самобытности, каковую отождествляли с только что обретенной национальной независимостью.

Острая борьба, развернувшаяся между представителями обеих тенденций, никого не оставила в стороне: в ее водоворот оказались втянутыми как монарх, так и широкие народные массы. "Либеральная идея и традиция" – эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги сербской истории двух последних десятилетий XIX в. (см.: [21; 22]).

Внутреннее противостояние в Сербии весьма напоминало идейный конфликт западников и славянофилов в России, что свидетельствует о типологической закономерности борьбы между либералами (европеистами) и традиционалистами (самобытниками) в аграрном обществе на этапе его перехода из традиционного состояния в современное, или из закрытого в открытое, как сказал бы К. Поппер [23]. Но упоминание о России в сербском контексте оправдано еще и потому, что идеи двух русских "почвеннических" школ – народничества и славянофильства, пропагандировавших (каждая по-своему) особый, т.е. не западный, путь ее развития, оказали самое непосредственное влияние на здешних приверженцев традиции. В данной связи совершенно права Л. Трговчевич: "Насколько значительным для сербского общества XIX в. было столкновение старого и нового, патриархального и современного, настолько же ключевой в идейном плане оказывалась дихотомия – Европа или Россия". И далее: "Обращение к России в моменты сомнения в истинности западных идеалов – одно из типичных явлений, имевших место в среде сербской интеллигенции той поры" [24. С. 271].

Пример радикальных идеологов наглядно подтверждает такой вывод. Сербский путь к прогрессу, согласно их народнической доктрине, лежал вне либерально-капиталистической модели, активно насаждавшейся напредняками. Европейский капитализм, с присущими ему культом индивидуалистического начала и тенденцией к расслоению общества на враждебные классы, являлся для сторонников Н. Пашича системой чуждой и враждебной, способной разложить важнейшие институты и нормы традиционного (эгалитарного и коллективистского) уклада жизни сербского народа, привести к пролетаризации большей его части и, в конечном итоге, к национальной деградации. Богатый и агрессивный по своей природе Запад², чего они так опасались, мог превратить сербов в служащий чужим целям и не способный к сопротивлению этнографический материал.

² Немецкий философ Э. Трёлч заметил: "В европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор, миссионер" [25]. Ту же мысль подчеркивал и А. Тойнби: "Мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессивен" [26].

Именно поэтому борьба радикальной партии против австрофильского курса М. Обреновича и правительства напредняков, которые "желали бы сразу обратить Сербию в маленькое западное государство, не обращая внимания ни на что сербское и славянское" [27. С. 112], отличалась предельной бескомпромиссностью. Для лидера радикалов Австро-Венгрия (оккупировавшая в 1878 г. Боснию и Герцеговину) – это не только и не столько главное препятствие на пути удовлетворения сербских национальных интересов. Это для него парадигма Запада: экономическую и политическую экспансию Дунайской монархии он и его соратники рассматривали как наступление того самого западного капитализма, западной цивилизации, которые грозили уничтожить сербскую самобытность, сам менталитет сербского народа. Против этого-то наступления радикалы и боролись. "Главное стремление в нашей политической борьбе, – писал Пашич в марте 1887 г., – состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное развитие и жизнь" [27. С. 114]. И самое важное: "Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, какие находятся у русского народа и у остальных славянских племен, а с Запада брать только технические знания и науку и пользоваться ими в славяно-сербском духе" [27. С. 112–113].

В этом программном пассаже суть позитивной идеологии радикальной партии, ключ к пониманию ее социокультурной направленности. Под "хорошими и здоровыми учреждениями и обычаями" Н. Пашич имел в виду православную церковь, крестьянскую общину и старинную традицию народного самоуправления, на которой базировалась вся политическая теория радикалов. Их он считал основными элементами восточной ("славянской и православной") цивилизации. Принадлежность к ней, по мысли Пашича, помогла сербам выстоять и сохранить себя под турками. Она же должна помочь им успешно противостоять наступлению "германизма" на Балканы, резко усилившемуся после Берлинского конгресса.

Однако перед ним не мог не встать вопрос: а была ли Сербия в состоянии в одиночку бороться с этим мощным натиском "эгоистической западной культуры" [27. С. 113]? Негативный ответ напрашивался сам собой – силы были слишком неравны. "Распространение влияния Западной Европы, – подчеркивал он в декабре 1884 г., – невозможно остановить на сербской границе" [28]. Данная констатация подталкивала Пашича к поиску надежных союзников. Поэтому активные попытки вступить в контакт с российскими официальными и славянофильскими кругами, предпринятые им еще в начале 1880-х годов, не кажутся чем-то неожиданным (см.: [29]). Они четко соотносились с его антизападнической позицией – именно в России видел Пашич оплот славянской православной цивилизации, с которой связывал судьбу своего народа.

Здесь истоки прочного пророссийского определения лидера сербских радикалов. "Наша партия, – указывал он, – во внешней политике держалась славянской и православной России, а во внутренней политике – сербских обычаев и духа. Вот откуда происходит для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону" [27. С. 113]. Как видим, Н. Пашич не был, подобно Ст. Новаковичу в 1890-е годы, "рациональными русофилом" [24. С. 271; 30]. Его русофильство носило более глубокий – цивилизационный – характер и, как таковое, являлось "несущей опорой всей мыслительной конструкции" [31]³. Органично вплетаясь в ткань

³ Объем настоящей статьи и ее жанр – по преимуществу историографический – не позволяют нам показать здесь целостную структуру русофильского сознания Н. Пашича. Данный вопрос (в рамках которого особое внимание привлекает проблема соотношения у Н. Пашича идей народничества и славянофильства) исследован в нашей монографии "Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)". М., 1998.

общественной философии Пашича, оно "достроило" ее и придало ей цельность – само стремление к сохранению в Сербии социального status quo и традиционных основ жизни народа ("сербских обычаев и духа") неизбежно толкало его, через неприятие Запада, к поискам союза с Петербургом, как предводителем Востока и славянства в целом, и противовесом Вене на Балканах, в частности. В этих поисках, что особенно важно, он располагал безусловной поддержкой подавляющего большинства сербов.

Перед нами жесткий мировоззренческий "треугольник" – внутренний и внешний компоненты идеологии Н. Пашича туго стянуты идеей славянской православной цивилизации, которая замкнула их на себя, не давая разойтись. Столь тесное переплетение и взаимозависимость важнейших элементов превратило всю систему в монолит. Р. Милошевич в свое время точно и емко выразил тройственную суть этой системы: "Бог, народ и Россия" [32], справедливо полагая, что именно в непоколебимом следовании данной триаде состояла одна из главных причин вошедшей в легенду политической "непогопляемости" Пашича.

Приведенные соображения позволяют добавить еще один, синтезирующий штрих к характеристике затяжного внутрисербского конфликта конца XIX в. Он был объективен и неизбежен. Активная "роевропейская" политика М. Обреновича, который, по выражению С.Д. Сказкина, "шел напролом против своего народа" в объятия Габсбургской монархии [14. С. 236], не могла не ассоциироваться в столь же одномерном русофильском сознании его радикальных оппонентов с подрывом самих основ славянской цивилизации в Сербии, началом массированного проникновения туда "опасной западной заразы" (выражение Н. Пашича) [33]. В таком принципиальном вопросе компромисса быть не могло. Тем более, что и монарх высказывался более чем определенно. "Моя забота, – утверждал он, – чтобы наша сербская идея не потонула в волнах славянства" [34].

Именно здесь корни того непримиримого антагонизма, столь трагически проявившегося осенью 1883 г. во время Тимоцкого восстания. Столкновение двух цивилизационных подходов – "западного" и "восточного" – определяло и постоянно подпитывало почти четвертьвековое противостояние в сербском обществе, затрудняя поиск национального консенсуса в эпоху последних Обреновичей.

Австро-Венгрия и Россия, таким образом, всей логикой событий, случившихся на Балканах после 1878 г., властно "втягивались" в самое пекло внутривосточной борьбы, становясь чуть ли не знаменами враждующих лагерей⁴. Как таковые, они теряли в глазах участников схватки бывшее значение чисто внешних факторов, но, кодируя различные варианты прогресса для независимой Сербии, превращались в культурные и даже культовые символы. Жесткая оппозиция "Вена – Петербург", следовательно, продолжала и углубляла уже обозначенную нами дихотомию "либеральная идея – традиция", порождаясь (так же, как и она) амбивалентным характером сербского общества, "разрывавшегося" между патриархальностью, т.е. закрытым типом социума, который сербский народ создал, чтобы сохранить себя под турками, – и началами модернизации⁵.

Итак, совершенно очевидно, что в отношении к России Н. Пашич был мотивирован прежде всего внутренними причинами. Он не желал для Сербии повторения пути, пройденного в ходе развития государствами Запада, пытаясь противостоять его культурному давлению на свою родину. Данное обстоятельство и обусловило его мощную идеологическую (цивилизационную) привязку к России. «Сербская задруга и сербская община, – писал Пашич на исходе 1880-х годов, – очень близки русскому "миру". Насколько они отличаются от него, настолько же отделились сербский дух и сербская философия от русского или общеславянского. Но эти институты, вкупе с некоторыми особенностями, присущими только сербскому народу, достаточны, чтобы он смог

⁴ Во время Тимоцкого восстания взявшиеся за оружие крестьяне встречали наступающие королевские войска возгласами: "Швабы!". В ответ, тесня повстанцев, солдаты кричали: "Что, помогли вам ваши русские" (см.: [35]).

⁵ Характеристику сербского общества подробнее см.: [36].

встать вровень с великой задачей славяно-русского общества... и охранить себя от давления с Запада» [37]⁶.

Поэтому нам кажется вполне обоснованной "интегральная" формула русофильства Н. Пашича, предложенная в монографии Дж. Станковича: "Россия была необходима Пашичу в первую очередь для укрепления реальной независимости Сербского государства и его славянской идентичности, которые оказались под ударом в результате немецкого проникновения на Восток. С другой стороны, он видел в ней великую державу – опору сербов в решении их национального вопроса" [17. С. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и русские социалисты в Цюрихе (1868–1872) // Токови историје. Београд, 1997. Бр. 1/2.
2. *Јовановић С.* Никола Пашић // Србија и коментари / Изд. Задужбине М. Црњанског. Београд, 1989.
3. *Јовановић С.* Никола Пашић (Поводом десетогодишњице смрти) // Нова Европа. 1936. Књ. XXIX. Бр. 12. С. 382.
4. *Јовановић С.* Пашић у изгнанству // Српски књижевни гласник. 1927. Књ. 21. С. 511.
5. *Поповић Н.* Русофилство Николе Пашића // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997.
6. *Шијачки Д.* Никола П. Пашић // "Пашић". Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1925. Књ. 2. С. 30.
7. *Раденковић Ђ.* Пашић и Србија. Београд, 1997.
8. *Поповић Д.* Никола Пашић и Русија // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1937. Књ. 46. С. 137.
9. Никола Пашић у Народној скупштини / Приредила Ј. Перовић. Београд, 1997. Књ. I. С. 696 (документ 291).
10. *Спалајковић М.* Господин Пашић. Државник – дипломата – филозоф // Споменица Николе П. Пашића (1845–1925). Београд, 1926. С. 35.
11. *Трифунковић М.* Никола Пашић // Српски књижевни гласник. 1927. Књ. 20. С. 201.
12. *Елачић А.* Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља. Београд, 1940. С. 88.
13. *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба (1845–1926). Београд, 1990. Књ. 1. С. 63.
14. *Сказкин С.Д.* Конец австро-руско-германского союза. М., 1974.
15. *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 110–111.
16. *Николајевић Д.* У чему је смисао Н. Пашића // "Пашић". Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1927. Књ. 4.
17. *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Југословенско питање. Београд, 1985. Књ. I.
18. *Ивковић М.* Велики државник – неуморни политичар // "Пашић". Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1926. Књ. 3. С. 26.
19. Рукописно Одељење Матице Српске (Нови-Сад). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М. 13.413.

⁶ Современный югославский историк П. Маркович, причисляющий сербских радикалов к числу сторонников европейской модели развития, пишет: "Следовало бы отделять политическое и дипломатическое определения от цивилизационного выбора. Смешение этих двух понятий, судя по всему, и привело к широкому распространению заблуждения о русском влиянии. Ведь пророссийской ориентации в политике или дипломатии совсем не обязательно должно соответствовать и антизападное цивилизационное устремление" [38]. С точки зрения необходимости четкого структурирования каждого сложного явления (в том числе всякого-фильства), уважаемый автор, безусловно, прав. Вот только подтверждения тезису о "заблуждении" на примере Н. Пашича и его соратников, мы, увы, так и не нашли.

20. Гребенац С. Државништво Николе Пашића // Нова Европа. 1926. Књ. XIII. Бр. 12. С. 426.
21. Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3.
22. Шемјакин А.Л. Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. Београд, 1997. Бр. 1/2.
23. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. I. С. 220.
24. Трговчевић Љ. Српска интелигенција у XIX веку – западни и источни утицаји // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996.
25. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 608.
26. Тойнби А. Россия и Запад // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 157.
27. "Обзор деятельности сербской оппозиции". Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. 1887 г. // Исторический архив. 1994. № 5.
28. Никола Пашић – митрополиту Михаилу. Софија, 20 децембар 1884 г. // Никола П. Пашић. Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 172.
29. Шемјакин А. Внешнеполитические взгляды основателей сербской радикальной партии (К вопросу о начале "русофильства" Николы Пашича) // Историјски часопис. Београд, 1992. Књ. XXXVIII (1991).
30. Ђорђевић Д. Стојан Новаковић. Историчар, политичар, дипломата // Ђорђевић Д. Портрети из новије српске историје. Београд, 1997. С. 369.
31. Перовић Л. Приказ књиге Васе Казимировића. "Никола Пашић и његово доба. 1845–1926" (Београд, 1990) // Историјски часопис. Београд, 1993. Књ. XXXIX (1992). С. 310.
32. Милошевић Р. Никола Пашић // Политика. 10 децембар 1926 г. Бр. 6693.
33. Архив Српске Академије Наука и Уметности. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–32 (Домаћи лек противу заразе).
34. Архив внешней политики Российской империи. Фонд "Коллекция документальных материалов чиновников МИД" (Н.Г. Гартвиг). Оп. 504. Д. 29. Л. 59.
35. Станковић Ђ. Никола Пашић и Југославенско питање. Београд, 1985. Књ. I. С. 73.
36. Перовић Л. Српски социјалисти XIX в. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10.
37. Пашић Н. Слога Србо-Хрвата. // Приредио Ђ. Станковић. Београд, 1995. С. 134.
38. Марковић П. Став према Западу у српској модерној историји // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С. 593.

© 2000 г. А.Г. МАТВЕЕВА

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КАПРИВИ В СФЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ПОЗНАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1890–1894 ГОДАХ

В марте 1890 г. в результате правительственного кризиса был вынужден уйти в отставку князь Отто фон Бисмарк, канцлер, во многом благодаря воле которого произошло объединение Германии. Его преемником стал генерал Лео фон Каприви, вскоре после своего вступления в должность объявивший о смене прежнего внутривнутриполитического курса. Главным содержанием новой правительственной политики в большинстве сфер внутренней жизни стало "примирение". Отныне власть декларировала опору на все "здоровые силы общества", в том числе и на те, которые Бисмарк причислял к "врагам империи". Эту смену курса практически сразу же почувствовало на себе польское население прусских провинций – самое большое национальное меньшинство империи, которое, наряду с католической церковью, было главным объектом политических репрессий времен Культурkampfа (Kulturkampf).

Говоря об изменении правительственного курса в отношении польского населения в период канцлерства Каприви, нельзя обойти вниманием одну из его главных составляющих, которой, начиная с 1870-х годов, были правительственные мероприятия и законы в сфере официального использования польского языка в просветительных учреждениях населенных поляками восточных провинций Пруссии. Этот вопрос представляет собой особый аспект общей политики в сфере образования, специфика которого заключается в том, что его следует рассматривать прежде всего как проблему национальной политики. Именно так она трактовалась и прусскими властями, и поляками. Здесь необходимо отметить, что поскольку поляки в пределах Германской империи жили в основном на территории Пруссии, то именно в ведении прусского правительства и находились все польские дела, тем более, что общеимперского кабинета в принципе не существовало. Когда мы, в связи с польским вопросом, говорим о политике Каприви, то он нас интересует не как имперский канцлер, а в первую очередь как прусский министр-президент.

До середины XIX в. в школах Познанщины существовало двуязычное преподавание, затем замененное на обучение на родном языке. После объединения Германии, в условиях тотальной унификации различных сторон жизни империи, не могло быть и речи о какой-либо защите прав национальных меньшинств, и в 1872 г., при министре культов Пруссии А. Фальке, принимается первый репрессивный закон, по которому польский язык был упразднен как язык преподавания в гимназиях и реальных училищах. После введения в качестве единственного языка преподавания немецкого, количество польских учеников в старших классах сократилось с 28% в 1872–

1873 г. до 20% от общего числа учащихся в 1881–1882 г. [1. S. 152]. Постепенно те же распоряжения распространились и на народные школы; сохранялось преподавание на польском языке лишь Закона Божьего и церковного пения в младших классах и его использование в качестве вспомогательного в средних. Но эти установления касались лишь учебных заведений, в которых польских школьников было больше 25% от общего числа учеников; если же их было меньше, то такие школы считались чисто немецкими, и на них эти правила уже не распространялись. Данные распоряжения были приняты вначале для Верхней Силезии, Западной и Восточной Пруссии, а в 1873 г. их ввели и на Познанщине [1. S. 152].

До 1887 г. польский язык сохранялся также в качестве отдельной учебной дисциплины в школах всех ступеней в объеме трех-пяти часов еженедельно. Но и в таком виде присутствие польского языка в учебных заведениях польских провинций Пруссии не устраивало правительство, и по указанию министра культов К. Госслера от 7 сентября 1887 г. эти занятия были отменены. Новое распоряжение было частью очередного широкомасштабного наступления на поляков, в ходе которого, наряду с колониационным законом 1886 г., был введен также запрет на занятие польскими врачами административных должностей, увеличены денежные штрафы для школьников и законодательно запрещен школьный бойкот [1. S. 153]. Вступив в силу в мае 1886 г., эти законы получили название "майских". Они принесли с собой еще несколько новшеств, а именно: замещение вакантных учительских должностей становилось государственной прерогативой, государство брало на себя также финансирование профессиональных школ, которые были обязательны для посещения рабочими до 18 лет с целью поддержания знания немецкого языка. Главным в этом ряду было принятие закона о колонизации, основным содержанием которого был перенос борьбы с поляками в экономическую, аграрную область и создание Колонизационной комиссии для Познани и Западной Пруссии. Путем переселения немцев в восточные провинции на очень выгодных условиях прусские власти пытались изменить расстановку сил и процентное соотношение польского и немецкого населения на этих территориях в пользу немцев, что должно было способствовать ассимиляции поляков в Пруссии.

Состояние школьного дела в Пруссии, и особенно в ее восточных провинциях, было далеко от удовлетворительного. Прусская статистика отмечала, что более 48% школьных классов в Познани находились в "ненормальных условиях", т.е. имели от 80 до 150 учеников в классе, в то время как в других частях Пруссии ситуация более чем в 66% классов определялась как "нормальная". Кроме того, школы Познани и Западной Пруссии постоянно испытывали недостаток в квалифицированных преподавательских кадрах: на одного учителя приходилось от 152 до 238 учеников [1. S. 154].

Общее плохое состояние школьного дела усугублялось целым комплексом антипольских мер, которые отвращали школьников-поляков и их родителей от посещения государственных школ. Сложившаяся в сфере образования ситуация была камнем преткновения в отношении польского населения с властями и одним из наиболее веских поводов для антинемецкой пропаганды в польских органах печати и враждебных высказываний польских общественных деятелей всех уровней. Они видели в принятых при Бисмарке ограничительных для поляков "майских" законах в области образования покушение на свои права и один из инструментов принудительной ассимиляции польского населения. Проводя эти мероприятия, прусское правительство надеялось лишить поляков их родного языка и тем самым отнять у них один из основных атрибутов этничности. Как заметил сам Каприви, "мы пытались на протяжении 80 лет германизовать поляков, но все наши усилия были совершенно безуспешны" [2].

После провозглашения Каприви "нового курса", вопрос о необходимости внесения изменений в принятые при Бисмарке законы, касавшиеся польского языка в школе, становится доминирующим в требованиях к правительству польских политических партий и депутатов из польских коло в Ландтаге и Рейхстаге. Газета "Kurjer Poznański" напечатала 24 мая 1890 г. отчет о конференции окружных школьных инспекторов провинции Познань, на которой обсуждался вопрос о необходимости школьной

реформы в Пруссии. Автор статьи отмечал, что "основной источник существующего недовольства, о котором, в частности, уже неоднократно говорили и польские депутаты в Ландтаге, состоит в том, что уже на протяжении 20 лет в Пруссии существуют жестокие законы о языке" [3].

Некоторое изменение государственного отношения к вопросу о статусе польского языка в школах Познанщины было частью общего правительственного курса, получившего в литературе название "политики уступок" [4]. Это определение представляется нам не совсем точным, так как "уступки" предполагают некую вынужденность действий, которой, по нашему мнению, в этом случае не было. Новая политика по отношению к польскому меньшинству казалась вполне выверенной и обоснованной стратегией, к тому же, как считал сам Каприви, это был вообще единственно возможный путь развития, так как предыдущая политическая линия потерпела полное фиаско. Польский вопрос требовал приемлемого для польской и немецкой сторон разрешения, и "новый курс" давал надежду на это.

Для успешного проведения в жизнь принципов "примиренческой" политики Каприви должен был опираться на поддержку идейно близких ему людей. На эту роль совершенно не подходил министр культов Госслер, который, как показали переговоры по поводу замещения познанско-гнезненской архиепископской кафедры, оставался ярким сторонником прежнего германизаторского курса в отношении поляков. К тому же занимаемый им пост являлся ключевым как для внесения изменений в правительственную политику по отношению к полякам, так и для реформы народных школ в Пруссии, проект которой активно обсуждался в этот период в правительстве. 13 марта 1891 г. Госслер был отправлен в отставку. При этом он заявил: "Я покидаю свой пост не только потому, что мне хочется покоя, но и потому, что в последнее время политические отношения приобрели такое содержание, что боюсь быть помехой в мероприятиях прусского правительства. И мне кажется, что в настоящий момент я могу сослужить хорошую службу своей родине только в том случае, если уйду в отставку" [5].

На место Госслера был назначен бывший познанский обер-президент граф Роберт фон Цедлиц-Трючлер, придерживавшийся по многим вопросам, в том числе и по польскому, сходных с Каприви позиций. В свою очередь на должность познанского обер-президента назначается Вилламовиц-Меллендорф, поляк по происхождению и потому воспринимавший общественным мнением как симпатизирующий им политик, что также может свидетельствовать об изменении германизаторской политики, проводившейся Бисмарком. По поводу этих назначений и перемещений в высшем прусском руководстве посол России в Берлине граф П.А. Шувалов писал министру иностранных дел России Н.К. Гирсу: «Слухи, сопровождающие назначение Цедлица на этот высокий пост, считавшееся признаком сближения правительства с поляками, подтверждаются. Доказательством этого служит ликование польской печати и поддержка, оказываемая правительству в парламенте поляками... Одновременно в Познани Цедлица заменил Вилламовиц, родом поляк, чего уже давно не бывало... Вслед за сближением правительства с партией Центра и Свободомыслящими¹, вслед за послаблениями социал-демократам, наступила очередь и для поляков воспользоваться выгодами и милостями "нового курса"». Весьма примечательны пометы на полях этой докладной записки, принадлежащие Гирсу, в частности, такая: "Все это весьма знаменательно и хорошего для Германии не предвещает!" [6]. Вполне объяснима негативная реакция русской стороны на перестановки в прусских властных структурах, имевшие оттенок благожелательности к полякам, поскольку ей была далеко не безразлична ситуация в прусских польских провинциях, прямо влиявшая на состояние дел в Царстве Польском. Тем более, что после отставки Бисмарка у России не осталось практически никаких реальных рычагов влияния на Берлин, в том числе и в польском вопросе.

¹ Католическая партия Центра – конфессиональная организация, объединявшая в основном юнкерские и городские слои западной и южной Германии. Партия Свободомыслящих – леволиберальная партия, находившаяся в оппозиции к Бисмарку.

11 апреля 1891 г. новый министр культов издал распоряжение относительно преподавания польского языка в школе. В обосновании необходимости введения частных факультативных занятий по польскому языку в народных школах были названы жалобы польских священников на то, что причиной трудностей в проведении уроков Закона Божьего в народных школах является отсутствие специальных занятий по родному языку для польских учащихся: "Мой предшественник на этом посту подчеркивал, что исключение из учебного плана народных школ занятий польским языком имеет целью получить больше времени для изучения немецкого языка, но при этом разрешалось вне школ проводить занятия, чтобы привить польским детям знания и навыки чтения и письма по-польски. По настоящему распоряжению разрешается проведение занятий по польскому языку для детей польского происхождения учителями народных школ в школьных помещениях. По распоряжению моего предшественника от 22 января 1888 г., все занятия Законом Божиим должны были проводиться по-немецки. Я разрешил своим указом от 18 декабря 1890 г. проведение этих уроков по-польски для польских детей. Для того, чтобы преодолеть часто встречающиеся трудности в этой области, нам кажется желательным провести новую проверку для тех народных школ, которые не находятся в строго немецкоязычных областях, но в которых католические занятия по Закону Божию проходят полностью или частично по-немецки, чтобы убедиться в том, что польско- и двуязычные дети полностью понимают все, что говорится на этих занятиях. Если это не так, то в качестве исключения разрешается проведение религиозных занятий по-польски" [7. S. 69–70].

Эти две меры: перестановки в прусском кабинете и новые распоряжения, касающиеся факультативного преподавания польского языка в народных школах, являлись, несомненно, примиренческими жестами в отношении польского населения Пруссии. Отставка Госслера и его замена Цедлицем должна была, во-первых, успокоить польское общественное мнение, которое видело в прежнем министре культов одного из наиболее последовательных сторонников враждебного полякам бисмарковского политического курса, лично настроенного по отношению к полякам как к врагам империи. Поляки на протяжении уже достаточно долгого времени требовали его отставки, и эти настроения только усилились в момент обсуждения кандидатуры Ф. Стаблевского на вакантный пост познанско-гнезненского архиепископа. Госслер сопротивлялся этому назначению, угрожая в противном случае уйти в отставку. Во-вторых, эта отставка была выгодна и самому Каприви, которого тяготило постоянное противодействие Госслера всем предполагаемым нововведениям, касающимся изменений внутривнутриполитической линии Бисмарка. Не в его интересах было иметь на одном из важнейших постов в прусском министерстве человека, который по большинству вопросов придерживался совершенно противоположных взглядов и был настроен откровенно враждебно и к самому Каприви, и к его политике.

Что касается нововведений в области использования польского языка в образовательной системе, то их никак нельзя назвать серьезным изменением существовавшего положения вещей. Польские пресса и депутаты требовали от правительства возврата к состоянию до начала Культуркампфа и "майских законов". Правительство Каприви, в свою очередь, не было к этому готово. Анализируя отношение правительства "нового курса" к проблемам и требованиям польского меньшинства империи, необходимо заметить, что и в этот период не произошло полного отказа от германизаторских целей, определенных при Бисмарке. Другое дело, что эти цели были несколько ограничены, и добиваться их новые власти собирались другими, более мягкими средствами, да и то во многом потому, что прежняя "любовая атака" принесла очень незначительные положительные результаты, никак не сравнимые с затраченными усилиями.

Апрельское 1891 г. распоряжение Цедлица должно было продемонстрировать полякам готовность правительства к конструктивному диалогу и его желание идти навстречу их требованиям и пожеланиям. Несмотря на подчеркивание в самом распоряжении того, что преподавание польского языка в народных школах Познани явля-

ется не более чем вопросом образовательной сферы, и польской, и германской сторонам было совершенно понятно, что это вопрос в первую очередь политический.

Следует отметить, что авторы распоряжения не предусматривали выделения каких-либо государственных средств на его финансирование, все расходы по реализации реформы целиком ложались на польское общество и органы местного самоуправления. В связи с этим во многих городах провинции создавались специальные комитеты, на которые возлагались основные обязанности финансового и организационного характера. В одной только Познани на обучение 4 тыс. детей требовалось около 8 тыс. марок, но удалось собрать только 2885 марок, поэтому с сентября 1891 г. по март 1892 г. только 2365 человек смогли посещать эти занятия [7. S. 108]. Достаточно неожиданные препятствия чинили их проведению местные чиновники, причем весьма невысокого ранга. Так, например, окружной инспектор Швальбе издал в январе 1893 г. распоряжение, по которому эти занятия могли посещать только дети, в "достаточной степени овладевшие немецким языком" [7. S. 109]. Потребовалось вмешательство польских депутатов в ландтаге для отмены данного распоряжения. Подобные факты не были единичными.

Польская сторона была недовольна столь ограниченным допуском польского языка в школы, но даже из этой малости поляки попытались извлечь максимум выгоды для себя. Постепенно польские комитеты, созданные для финансирования и организации факультативных занятий, стали брать на себя все большие функции. Они устраивали публичные экзамены по польскому языку, превращавшиеся достаточно часто в своеобразные демонстрации, которые немецкая сторона относила к "польской агитации" [8. S. 186]. Кроме разрешенных часов занятий польским языком, проводившие их учителя стали также давать уроки польской литературы и истории, что, несомненно, имело целью воспитание польских детей в национальном духе и восполнение тех пробелов, которые имелись в обязательных учебных планах.

Таким образом, можно сказать, что частные уроки, введенные в народных школах Познанской провинции в 1891 г., не удовлетворяли ни немцев, ни поляков. При этом первые считали, что они разрешили слишком много, а вторые, что им было позволено слишком мало.

Вопрос о преподавании польского языка вновь возник в конце 1893 г. Его поставил 18 декабря на заседании прусского государственного министерства тогдашний министр культуры Р. Боссе, назначенный на эту должность после того, как Цедлиц стал министром внутренних дел Пруссии. Боссе заявил, что "частные уроки польского языка в народных школах Познани в том виде, как они были введены по распоряжению моего предшественника на министерском посту, не могут существовать далее. Руководство этими занятиями в больших городах попало в руки специально созданных польских комитетов, что было сделано достаточно демонстративно, а проводящие их учителя в очень большой степени зависят от этих комитетов. Комитеты являются очагами польской национальной пропаганды и именно в таком смысле влияют на учителей, а через них и на учеников. До тех пор, пока частные уроки польского языка существуют в нынешнем виде, очень трудно ограничить их агитационную роль и в достаточной степени поставить их под контроль прусских властей. Окружные школьные инспектора, которые и должны осуществлять контроль, часто не живут в тех населенных пунктах, где проходят занятия, и не все в достаточной степени владеют польским языком. Существует еще одна опасность: если сейчас попытаться ограничить частные уроки, то этот шаг будет рассматриваться как антипольский, что приведет всех поляков в бешенство". Боссе предложил ввести обязательные вспомогательные занятия по польскому языку в народных школах провинции Познань, полагая, что такой шаг не нанесет какого-либо вреда германской школьной системе, но зато успокоит польское общественное мнение и духовенство, хотя и не исключал того, что подобное нововведение может привести к нежелательным и серьезным политическим последствиям: "Немцы будут видеть в этом серьезную уступку полякам, а поляки, в свою очередь, также не будут довольны, так как они ожидают более значительных шагов

со стороны правительства. Существует еще одна опасность, которую необходимо учитывать при принятии подобного решения. В случае введения в Познани обязательных уроков польского языка в народных школах, поляки в Западной и Восточной Пруссии, а также в Верхней Силезии вполне справедливо начнут требовать таких же распоряжений и для своих провинций, хотя с 1872 г. уроки Закона Божьего на данных территориях, начиная со средней ступени, проходят только по-немецки. Некоторые печатные органы партии Центра уже поднимают вопрос о желательности введения этих уроков на польском языке в Силезии".

Министр культов также довел до сведения государственного министерства, что целый ряд немецких изданий резко выступает против дальнейших уступок польскому меньшинству, видя в них свидетельство слабости правительства. Единственно возможной политикой по отношению к полякам, по мнению большей части немецкой прессы, являлся жесткий курс, потому что "чем больше им дают, тем больше они требуют". Боссе предупредил в своем выступлении о возможных обвинениях в свой адрес в том, что планируемые изменения напрямую связаны с обсуждаемыми в парламенте военными законопроектами, для принятия которых правительство нуждается в голосах польской фракции, и заявил: "Я гарантирую, что ни одному поляку в этой связи не было дано никаких обещаний и обязательств". Наряду с этим министр подчеркнул, что в случае одобрения данного проекта государственным министерством до общественности необходимо будет довести тот факт, что нововведение не является частью какого-либо всеобъемлющего комплекса мероприятий, а лишь отдельной, вполне конкретной мерой.

Выступивший вслед за Боссе министр-президент Б. Эйленбург полностью поддержал проект и предложил распространить его и на другие провинции с польскоязычным населением. Эйленбург, как бы предвосхищая критику оппонентов правительственного курса в польском вопросе, вслед за Боссе еще раз подчеркнул, что его предложение ни в коей мере не связано с положительным для правительства голосованием польского кола в Рейхстаге по вопросам о торговых договорах или военной реформе и не является сделкой между правительством и польскими депутатами. Глава государственного министерства внес также и более развернутое предложение: в случае, если уроки Закона Божьего для поляков-католиков будут вестись по-польски, то вполне закономерно и правильно введение занятий по письму и чтению на том же языке. Он также полностью согласился с Боссе в том, что от подобных обязательных занятий по польской грамоте не может быть никакого особого вреда, в отличие от существующих в данный момент частных уроков, которые все больше и больше превращаются в "национально-польские агитационные собрания". Еще раз было подчеркнуто и то, что эту меру следует рассматривать не как начало некоей "новой эры" в польской политике, а лишь как весьма ограниченное распоряжение. Польский язык хотя и допускается вновь в школы в качестве обязательного предмета, но лишь в очень ограниченном объеме часов и только в виде уроков польского языка и Закона Божьего. Ни о каком двуязычии школы и преподавании ряда предметов на польском языке не может быть и речи. Такое ограничение было обосновано утверждением, что при существовании в школе двух равнозначных языков дети, как правило не выучивают ни одного из них.

Министр финансов Й. Микель заявил, что обсуждаемые занятия по финансовым соображениям могут быть введены лишь с 1 апреля 1894 г. и посоветовал своим коллегам не доводить проект до сведения прессы и общественности до тех пор, пока министр культов не будет готов представить его в Ландтаге. Подобную меру предосторожности он связывал в первую очередь с опасностью волнений в Западной Пруссии и Верхней Силезии, подобно тому, как это имело место после издания распоряжения о введении частных уроков польского языка лишь в Познанщине. Было также решено, что немецкие дети не должны допускаться на проводимые по-польски занятия.

Государственное министерство полностью поддержало высказанные министром культов и министром-президентом предложения и постановило, что, как только они

вступят в силу, автоматически будут отменены частные уроки польского языка. Со всеми этими предложениями был ознакомлен и Каприви, который их целиком одобрил [9. Bd. 112. Bl. 77–89].

Еще раз к данному вопросу государственное министерство вернулось на своем заседании 27 февраля 1894 г. Было решено не публиковать полностью министерское решение об отмене частных уроков польского языка, а лишь довести до сведения общественности новый бюджет министерства культов, в который уже было заложено финансирование обязательных школьных занятий по польскому языку и Закону Божьему для польских детей-католиков провинции Познань. Министр-президент вновь подчеркнул, что введение таких уроков не находится в какой-либо связи с голосованием польской фракции при ратификации торгового договора с Россией [9. Bd. 113. Bl. 210–211].

Распоряжение министра культов Боссе об отмене частных занятий в познанских школах и введении вместо них обязательных уроков польского языка было опубликовано и вступило в силу 16 марта 1894 г. [10]. Отныне в школах средней и высшей ступени в Познанской провинции вводились занятия по польскому языку в объеме двух часов в неделю, но только для тех детей, которые посещали занятия по Закону Божьему на польском языке. Таким образом, новые обязательные уроки носили, во-первых, ограниченный, а во-вторых, вспомогательный характер. Каждый ребенок мог посещать такие занятия не более двух лет. Прусские власти поставили преподавание в школах польского языка в зависимость от занятий религией, и дальнейшая германизация школ восточных провинций была тесно связана с вопросом языка преподавания именно Закона Божьего. Это объясняет тот факт, что в последующий период борьба поляков и правительства по вопросу допущения в школы польского языка концентрировалась именно вокруг уроков религии. Поляки очень активно требовали разрешения вести их по-польски [1. S. 155].

Распоряжение Боссе было направлено провинциальным властям 16 марта, именно в тот день, когда польская фракция проголосовала в Рейхстаге за одобрение торгового договора с Россией в третьем чтении. Совпадение ни в коем случае не могло быть случайным. В этой связи особенно показательно то, что все министры, выступавшие на заседаниях государственного министерства при обсуждении планов введения подобных занятий в школах Познанщины, многократно подчеркивали отсутствие какой-либо связи между этими планами и позицией польского коло по вопросу торговых договоров. Нам представляется вероятным, что таким образом прусские власти пытались доказать общественному мнению, и прежде всего немецкому, свою полную непредвзятость и независимость своих действий от позиции поляков, боясь в первую очередь обвинений в слабости и неспособности к независимому ведению политических дел. Такие обвинения, по нашему мнению, были бы в данной ситуации вполне обоснованными, так как, несомненно, существует достаточно жесткая корреляция между поведением польского коло и правительственными мероприятиями в области польской политики. Определенный интерес представляет и тот факт, что, разрешая частные занятия в 1891 г., прусские власти стремились, уступив полякам в небольшом и не потратив ни марки государственных денег, продемонстрировать изменение отношения к польскому меньшинству и наступление "новой эры" в польской политике.

В 1893–1894 гг. те же политические деятели были намного осторожнее и в высказываниях, и в поступках. Мнение о том, что поляки используют любую представившуюся им возможность для усиления своей "агитации", в том числе там, где немцы этого совершенно не ожидали, полностью подтвердилось. Прусское правительство пришло к выводу, что все мероприятия, в которых участвуют поляки, необходимо ставить под контроль, даже если это требует финансовых затрат.

Сами по себе мероприятия Каприви в области школьной политики, в том числе и допуск в систему образования уроков польского языка (вначале в качестве факультативных, а затем и обязательных), были крайне незначительными. Их, по нашему мнению, можно рассматривать лишь как некоторые "знаковые" меры, показывающие го-

товность правительства идти на некоторую корректировку, но не на коренную ломку правительственной политики в польском вопросе. Эти мероприятия, по большому счету, не могли удовлетворить ни польскую, ни немецкую стороны. Немцы считали их наносящими ощутимый урон сложившейся системе, а поляки слишком незначительными и этой системы ни в коей мере не меняющими. Последнее утверждение представляется нам достаточно обоснованным. Новые распоряжения не вернули в школы польский язык даже в той мере, в какой он присутствовал там до 1873 г.

Таким образом, указанные мероприятия нельзя определить иначе, чем половинчатые, что было характерно и для многих других направлений внутренней политики Каприви. Его попытки (несомненно обусловленные целым рядом достаточно веских причин: расстановка внутривнутриполитических сил, позиция кайзера, финансовые и психологические проблемы) добиться ощутимых результатов без кардинальных изменений прежних порядков потерпели по многим направлениям фиаско. Вместе с тем, если говорить о допущении в школы польского языка, этим шагом были достигнуты некоторые текущие цели: в какой-то степени удалось успокоить польское общественное мнение и повлиять на решение польского коло голосовать за торговый договор с Россией.

Рассматривая прусскую политику в области применения польского языка в школах и оценивая сделанное в этом направлении, нельзя обойти вниманием вопрос об отношении к ней различных партий и парламентских групп. Национал-либеральная партия в данном вопросе и в период "нового курса" продолжала оставаться на позициях германизаторской политики Бисмарка, считая, что языком преподавания в целом, и уроков Закона Божьего в частности, должен оставаться немецкий, и польские школьники имеют только одну задачу – учить немецкий язык [1. S. 181]. Национал-либералы постоянно требовали от правительства оставаться непреклонным в том, что касалось польских требований, и не идти ни на какие уступки в вопросах, затрагивающих языковую проблему. Во время дискуссии в Ландтаге, развернувшейся в марте 1894 г. по поводу введения в народных школах уроков польского языка, депутат от этой партии Заттлер в частности заявил: "Сейчас в польской политике господствует непостоянство, и каждый новый министр осуществляет какие-либо нововведения, вместо того, чтобы придерживаться одной последовательной национальной политики" [1. S. 185]. Таким образом, позиция одной из крупнейших парламентских фракций в корне расходилась с предпринимаемыми правительством мерами, что, несомненно, существенно осложняло его положение.

Отношение консервативных партий (Немецкой консервативной партии и свободных консерваторов) к школьной политике прусского правительства и к польским требованиям в этом вопросе имело очень много общего с охарактеризованной выше платформой национал-либералов. Они считали, что поскольку Пруссия была и остается немецким государством, то единственно возможным языком преподавания в ее школах может быть только немецкий. Существенное различие заключалось в том, что консерваторы, в отличие от национал-либералов, придавали огромное значение конфессиональному характеру школы и религиозному воспитанию детей. Исходя из этого, они считали возможным допуск польского языка в качестве вспомогательного для облегчения восприятия польскими детьми уроков Закона Божьего [1. S. 189]. Для большинства консерваторов этот вопрос оставался "техническим", его решение должно было обеспечить конечную цель – воспитание детей верноподданными империи и религиозными людьми.

Принципиально иной явилась позиция Католической партии Центра, находившаяся вполне в русле сотрудничества ее фракции с поляками в Ландтаге, сложившегося еще во времена Культуркампа. Крупнейшая парламентская фракция не ограничивалась только поддержкой польских требований преподавания в школах польского языка, но добивалась распространения такого разрешения на школы Западной Пруссии и Верхней Силезии. Среди предвыборных лозунгов Католической партии Центра во время кампании по выборам в Ландтаг в 1893 г., наряду с требованиями придать школам

строго конфессиональный характер, присутствовал также и тезис о предоставлении ученикам возможности посещать уроки Закона Божьего на родном языке, так как это является "естественным правом человека" [1. S. 202].

Таким образом, можно утверждать, что правительственные мероприятия по различным причинам не удовлетворяли ни одну крупную парламентскую фракцию, что, впрочем, вообще было характерно для взаимоотношений правительства и парламента в этот период.

В связи с проблемой преподавания польского языка в польских провинциях Пруссии есть смысл затронуть и другой вопрос, относящийся к правительственной политике в области культуры и ответным действиям со стороны польского общества. Сделав несколько "примиренческих" нововведений, правительство продолжало всемерно, в том числе и в культурной сфере, поддерживать немецкое население восточных провинций. Это традиционное направление прусской политики не претерпело никаких изменений и в период "нового курса". Мероприятия "по защите и усилению немецкого населения" осуществлялись по нескольким линиям. Во-первых, открывались новые библиотеки, клубы и другие учреждения, ориентированные на немецкоязычное население, чтобы сделать восточные территории более привлекательными для немцев. Во-вторых, осуществлялась целевая финансовая поддержка определенных социальных групп, прежде всего интеллигенции и средних слоев, а также немецких союзов и объединений, которые выполняли роль "немецких форпостов на востоке" [1. S. 161].

Поляки предпринимали ответные и вполне адекватные действия, организуя различные союзы по профессиональному (промышленный и торговый) и социальному (созданный в 1893 г. при непосредственном участии Польской социалистической партии "Союз рабочего самообразования") принципам [8. S. 52–54]. В этом ряду можно назвать и другие объединения (например, женский союз), которые боролись за права польского населения, а также занимались каждодневной "органической" работой по просвещению польского населения и защите польского языка и культуры. Деятельность этих организаций постепенно расширялась и вполне могла конкурировать с мероприятиями того же порядка, инициируемыми прусским правительством.

Подводя итоги рассмотрения политики прусского правительства в период "нового курса" в сфере преподавания польского языка в школах восточных провинций, следует констатировать, что за все время "политики примирения" было издано всего два соответствующих распоряжения. Они не имели формы законов, принимались на заседаниях прусского государственного министерства и не требовали утверждения Ландтага, что значительно осложняло их обсуждение или сопротивление их реализации со стороны как поляков, так и немцев. Введение частных, а впоследствии и обязательных занятий чтения и письма на польском языке было весьма ограниченным. Во-первых, оно затрагивало лишь школы Познанщины, но не распространялось на Западную Пруссию и Верхнюю Силезию, как того требовали польские депутаты и общественность этих провинций с большим процентом польскоязычного населения. Во-вторых, посещать эти занятия могло очень ограниченное число учеников, поскольку они были напрямую связаны с языком преподавания уроков Закона Божьего, проходивших по-польски лишь в тех школах, которые не были объявлены "чисто немецкими", а таких было не очень много. Польские депутаты и общественность были недовольны ограниченностью этих мер и требовали гораздо большего, но идти на полный слом проводившейся при Бисмарке политики в отношении польского меньшинства Каприви не мог, да и не хотел. Делая некоторые уступки, он стремился успокоить поляков, заручиться необходимой ему поддержкой в Рейхстаге, но при этом не навредить немецкому населению восточных провинций, которое он продолжал по-прежнему поддерживать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Balzer B.* Die preußische Polenpolitik 1894–1908 und die Haltung der deutschen konservativen und liberalen Parteien. Frankfurt am Main, 1990.
2. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Rep. 90. Tit. 651. № 10. Bd. 2. Bl. 180.
3. Kurjer Poznanski. 1890. № 118.
4. *Laubert M.* Die preußische Polenpolitik von 1772 bis 1914. Krakau, 1944. S. 152–153.
5. Schulthess' europäischer Geschichtskalender. Neue Folge. 7. Jg. 1891. München, 1892. S. 60.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470, 16/1891. Л. 153–154.
7. *Trzeciakowski L.* Polityka polskich klas posiadających w erze Capriwiego. Poznan, 1960.
8. *Altkemper J.* Deutschtum und Polentum in politisch konfessioneller Bedeutung. Leipzig, 1910.
9. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Staatsministerialsitzungsprotokolle 18.12.1893. Rep. 90a.
10. Schulthess' europäischer Geschichtskalender. Neue Folge. 10. Jg. 1894. München, 1895. S. 98.

© 2000 г. ЛАБЫНЦЕВ Ю.А., ШАВИНСКАЯ Л.Л.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ "ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЛЯКОВ"¹

К середине 1930-х годов во II Речи Посполитой, преимущественно в северо-восточной ее части, оформилось движение, получившее наименование "польское Православие" [1]. В оценке этого явления немногочисленные, занимавшиеся данной проблемой историки из самых различных, порой противоположных, лагерей почти единодушны – оно в конечном итоге могло серьезным образом повлиять на национальный характер местного православного населения, прежде всего белорусов, если бы не началась вторая мировая война [2. С. 170–184; 3]. Весьма интересна оценка этого движения, сделанная изнутри – представителем сельского приходского духовенства с Подляшья, который дает ему резко отрицательную характеристику, солидаризируясь, по его словам, с абсолютным большинством местных православных, лиц духовных и светских².

Точную дату возникновения данного движения определить невозможно, однако несомненно, что его начало было связано с усилившейся в первой половине 1930-х годов

Лабынцев Юрий Андреевич – д-р филол. наук, директор Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения РАН.

Шавинская Лариса Леонидовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Центр белорусоведческих исследований).

¹ Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (99-04-18021).

² Настоятель церкви в с. Кожаны писал в 1939 г.: «Когда Западная Украина и Белоруссия находились под властью поляков, то некоторые из православных, как духовных так и светских, идя навстречу пожеланиям Польского Правительства и с благословения Синода, организовали кружки православных поляков. Руководствовались эти организаторы кружков и домов теми соображениями, что изменяя своей национальности, они получают все блага мира сего. Польское Правительство, желая ополячить Белоруссов и Украинцев, покровительствовало этим организаторам и организациям, и к стыду нас, православных, некоторые из молодых иереев, в особенности те, которые окончили православный Богословский отдел при Варшавском университете, мечтая о карьере, являлись жаркими и деятельными проводниками идеи и вербовщиками членов в дом православных поляков. Православное население Западной Белоруссии, население Западной Украины более было твердо в своих национальных убеждениях, загнанное и забытое, не видя ни откуда помощи, став апатичным и безразличным к своей вере Православной и Национальности, а некоторые из духовных и светских православных, страха ради иудейска, работали как враги для своего Белорусского народа, в угоду Польскому Правительству. Верное Православное духовенство и народ Белорусский, видя предательство этих изменников, клеймил их, презирал и дал прозвище им: "Иуды предатели". Прошедшие в историю эти изменники Белорусского народа под названием "Иуды предатели", пред приходом Советской власти, чувствуя, что на них будет тяготеть вся вина и ответственность за ихния злодеяния по отношению к Белорусскому народу, предусмотрительно выбыли за границу. Таким образом план Польского Правительства, при посредстве Православных Белоруссов, как изменников своего народа, сказать, чисто иезуитский, не удался и ополячить и окатоличить его – не смотря на все ухищрения и условия, не привели ни к чему» (так в тексте. – Ю.А., Л.Ш.) [4].

работой по переводу многих церковнославянских текстов на польский язык, прежде всего с созданием в ноябре 1934 г. специальной Комиссии по переводу под руководством епископа Саввы (Советова) [5]. Примечательно, что деятельными членами этой Комиссии являлись профессора Отделения православной теологии при Варшавском университете, где преподавание велось на польском языке, а также руководство православного капелланства.

9 декабря 1934 г. в Белостоке состоялось первое собрание "Поляков православного исповедания", на котором председательствовавший, Александр Савицкий, зачитал резолюцию, призывавшую употреблять польский язык при произнесении проповедей [6]. Духовным опекуном движения, поддержанного воеводской администрацией и военным православным духовенством, стал о. Ростислав Олехнович, недавний выпускник Отделения православной теологии Варшавского университета. Через месяц эта группа направила православному архиепископу Антонию петицию, в которой требовала выделить для "поляков православного исповедания" особую церковь, где они могли бы проводить свои богослужения [7]. В апреле 1935 г., несмотря на весьма малый успех движения, в Белостоке было зарегистрировано общество "Дом Православных поляков им. Юзефа Пилсудского", а еще через полтора года в Гродно, со временем ставшим центром движения, появился "Дом поляков православного вероисповедания им. короля Стефана Батория".

«Многим казалось, – писал очевидец событий А. Свитич, – что основателями этого Общества являются чиновники, прибывшие в Гродно из центральных воеводств Польши и принадлежавшие к так называемому "Польскому Национальному Костелу". Однако оказалось, что инициаторами создания Общества были жители города Гродны, известные там доселе как русские и белорусы по национальности, а именно: сын гродненского (дореволюционного времени) уездного исправника Иван Марцинкевич, б. офицер Белорусской армии Аркадий Артишевич, житель гор. Бреста на Буге Александр Ананченко и сын станового пристава Борис Смольский» [2. С. 171].

Постепенно движение "поляков православного вероисповедания" расширяло географию своей деятельности, основывая соответствующие общества и их отделения во всем Белостокском воеводстве, а также в гораздо меньших масштабах, в воеводствах Виленском и Новогрудском. Общее число приверженцев данного направления едва ли превышало несколько сот человек, хотя сами его лидеры называли весьма фантастичную цифру – более чем в полмиллиона последователей [8]. Тем не менее постоянная поддержка государственных властей, наличие весьма деятельного инициативного ядра, достаточная лояльность церковной иерархии и самого митрополита Дионисия способствовали созданию в движении ряда структур, значение и влияние которых на православную жизнь в Польше становилось все более заметным. Прежде всего это коснулось практически повсеместной попытки введения в церковный обиход польского языка и польскоязычных православных текстов, польскоязычной православной литературы, появление которой отмечается уже в 1920-е годы [9. С. 29–47].

"Православные поляки", провозгласившие в 1938 г. польский язык единственным языком школьного образования православных в Польше, в конце концов, несмотря на массовые протесты со стороны прихожан и духовенства, становились на ту точку зрения, согласно которой польский язык вообще является главным языком всей православной культуры в государстве. Апогеем такого подхода стало создание в Гродно "Православного научно-издательского института", торжественно открытого 7 декабря 1938 г.

Институт ставил перед собой масштабные задачи, реализация которых в значительной мере могла бы изменить характер православной жизни в Польше. Работу института планировалось вести в шести секциях: теологической, исторической, архивно-библиографической, "православной энциклопедии", терминологической и церковного искусства. Особой частью института становился его издательский отдел, тесно сотрудничающий со всеми шестью секциями. Предполагалось, что в ближайшее время издательский план института включит следующие позиции: 1) проповеди для священ-

ников; 2) научное периодическое издание теологического характера для духовенства и интеллигенции; 3) различные молитвенники; 4) всевозможные календари; 5) школьные учебники; 6) издания иконок и различных листовок религиозного плана.

Языком всех изданий, разумеется должен быть польский, на котором предполагалось создавать новую литературу путем перевода или же написания оригинальных работ. Наиболее трудным делом был перевод православного богослужения на польский язык, против чего выступали не только многие православные, что естественно, но и католики, в том числе иезуиты. Созданная в ноябре 1934 г. Комиссия по переводу православных богослужебных книг на польский язык за два года смогла подготовить перевод текста литургии св. Иоанна Златоуста, Благодарственного молебна и панихиды. В срочном порядке Священный Синод Польской Православной Церкви рассмотрел и одобрил эти переводы, и 11 ноября 1936 г. в присутствии членов правительства и дипломатического корпуса в Варшаве состоялась торжественная православная служба на польском языке.

Через пять дней после этого события митрополит Дионисий направляет в Министерство религиозных исповеданий и народного образования письмо с просьбой начать финансирование издания богослужебной православной литературы на польском языке [10]. Это было началом регулярного издания литературы "православных поляков", осуществлявшегося Варшавской Синодальной типографией и другими типографиями Варшавы и Гродно.

Первоначальная нехватка богослужебных текстов на польском языке устранялась путем их переписки, что на время способствовало появлению своего рода небольших "скрипториев" сугубо местного, приходского значения. Впрочем, рукописным путем размножались польскоязычные православные тексты и для торжественной службы в Варшавском кафедральном соборе поздней осенью 1936 г. "Рукописный период" продолжался недолго и уже в самом конце 1936 г. уступил место "печатному", когда в Варшавской Синодальной типографии были изданы литургия св. Иоанна Златоуста [11], Благодарственный молебен [12] и панихида [13].

1 марта 1936 г. Бюро не католических исповеданий Министерства военных дел стало издавать на польском языке "Православную газету", ставившую своей целью интеграцию православия с польским государственным организмом и польской культурой [14]. Позднее ее редакция напечатала в серии «Библиотека "Православной газеты"» несколько брошюр, первая из которых носила симптоматичное заглавие – "Православные поляки в Польше" [15]. Тогда же военными был издан объемный православный молитвенник под названием "Друг солдата" [16], включавший переводы на польский язык многих молитв, псалмов и других текстов, переведенных с церковнославянского языка.

Важное место в полонизации жизни Православной церкви во II Речи Посполитой принадлежало довольно многочисленным научно-богословским и учебным изданиям, в том числе периодическим. С середины 1930-х годов количество их многократно возрастает, а с 1938 г. практически все православные школьные издания начинают выходить на польском языке [9. С. 31–47]. Очень заметной в этом отношении является периодика молодых православных богословов Польши, получавших образование на Отделении православной теологии Варшавского университета. Их писания так сильно проникнуты идеей "единства польского народа", наполнены восторженными благодарениями "Великому Поляку" (Ю. Пилсудскому), прославлением важнейших событий польской истории, что, например, при чтении номеров журнала "Наша мысль" [17] невольно соглашаешься с краковскими и варшавскими иезуитами, не без иронии писавшими в журнале "Oriens" "о поляках довольно свежей выпечки" [18]. Впечатление это особо усиливается, когда читаешь фамилии молодых авторов материалов, помещенных в "Нашей мысли" – А. Андреев, В. Озеров, О. Рябцов.

Реализуя свою программу, "Православный научно-издательский институт" в Гродно начал с января 1939 г. регулярно издавать свой собственный ежемесячник – журнал "Православное обозрение" [19]. Его редактором был директор института о. Леонид

Święta Liturgia

Świętego Jana Złotoustego, Arcybiskupa
Konstantynogrodu.

Diakon: Błogosław, Włodyko.

Kapłan: Błogosławione królestwo Ojca
i Syna i Świętego Ducha, teraz i zawsze,
i na wieki wieków.

Wiarń: Amen.

D.: W pokoju do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: O pokój z wysokości, i o zbawienie
dusz naszych, do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: O pokój całego świata, stałość Świę-
tych Kościołów Bożych, i zjednoczenie wszy-
stkich, do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Za ten święty przybytek, i za tych,
którzy z wiarą, pobożnością i bojaźnią Bożą
wchodzą do niego, do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Za Najbłogosławieńskiego Metropol-
itę naszego Dionizego, Najprzewielebniej-
szego Biskupa naszego (sm), wielbne Ka-
płanstwo, w Chrystusie Diakonstwo, za cały
stan duchowny i lud, do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Za Najjaśniejszą Rzeczpospolitą Pol-
ską, Ojczyznę naszą, za Zwierzchnie Władze
i Wojsko Jej, Chrystusa miłujące, do Boga
módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: O sprzyjający zespół powietrzny,
obfitość plodów ziemi i czasy spokojne, do
Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Za żeglujących, podróżujących, cho-
rych, cierpiących, pozostających w niewoli,
i o wybawienie ich, do Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Abyśmy byli wybawieni od wszel-
kiego utrapienia, gniewu i niedostatku, do
Boga módlmy się.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Ochroń, zbaw, zmiłuj się i zachowaj
nas, Boże, przez łaskę Twoją.

W.: Boże, zmiłuj się.

D.: Najświętszą, Przczystą, Najbłogo-
sławieńszą i Pełną chwały Władczynię naszą,
Bogarodzicę i zawsze Dziewicę Marię, ze wszy-
stkimi Świętymi wspomniawszy, samych sie-
bie i jeden drugiego, i całe życie nasze,
Chrystusowi Bogu oddajmy.

W.: Tobie, Boże.

Kapłan odmawia postahu modlitwę 1-oj Antyfoz:

Panie Boże nasz, Którego władza nie-
wysłowniona i chwala niepojęta, a Któ-
rego miłosierdzie bezmierne i dobroć niewy-
powiedziana, Ty Sam, Władco, według mi-
łosierdzia Twego, spojrzysz na nas i na ten
święty przybytek, i daj nam i tym, którzy
się z nami modlą, obfitą łaskę Twoją i hoj-
ność Twoją.

Główno: Albowiem należy Tobie wszelka
chwala, cześć i pokłon, Ojcu i Synowi
i Świętemu Duchowi, teraz i zawsze, i na
wieki wieków.

W.: Amen.

Wiarń śpiewają 1-szą Antyfoz, psalm 102:

Błogosław, duszo moja, Bogu, i wszystkie
wnętrznosci moje imieniowi Jego świętemu.
Błogosław, duszo moja, Bogu, a nie zapo-
minaj wszystkich dobrodziejstw Jego. Który
odpuszcza wszystkie nieprawości twoje; Który
uzdrowia wszystkie choroby twoje; Który
wybawia od zniszczenia żywot twój; Który cię
koronuje miłosierdziem i wielkimi litościami:
Który nasycza twoje pragnienie dobra, a od-
nawia jako orla młodość twoją. Bóg okazuje
miłosierdzie, i zapewnia los uciskionym. Oznaj-
mił drogi Swe Mojżeszowi, a synom Izrael-
skim zamiary Swoje. Hojny i litościwy jest
Bóg, długocierpliwy i wielce miłosierny.
Nie będzie się aż do końca gniewał, ani
wrogość zachowa wiecznie. Nie według grze-
chów naszych uczynił nam, ani według nie-
prawości naszych odplacił nam. Albowiem,
jako są niebiosy wysoko nad ziemią, tak jest
utwierdzone miłosierdzie Jego nad tymi, któ-
rzy się Go boją. A jako daleko jest wschód
od zachodu, tak daleko oddalił od nas nie-
prawości nasze. Jako lituje się ojciec nad
działkami, tak zlitował się Bóg nad tymi, któ-
rzy się Go boją. Oni zaiste poznali cośmy za
twór; wspomnił żeśmy prochem. O człowiek!
jako trawa, są dni jego, a jako kwiat pol-
ny, tak okwitnie. Gdy duch w nim prze-
minie, już go niema, ani nie pozna miejsca
swego. Ale miłosierdzie Boskie od wieków
aż na wieki nad tymi, którzy się Go boją,
a prawda Jego nad synami synów, którzy
strzegą przymierza Jego, i pamiętają na przy-
kazanie Jego, aby je czynili. Bóg na niebiosach
utwierdził stolicę Swoją, a królestwo Jego nad
wszystkimi panuje. Błogosławcie Bogu wszyscy
Aniołowie Jego mocni w sile, którzy czynicie
rozkazania Jego, posłusznymi będąc głosowi
słów Jego. Błogosławcie Bogu wszystkie
zastępy Jego, służdy Jego, którzy czynicie
wolę Jego. Błogosławcie Bogu wszystkie dzie-
ła Jego, na wszystkich miejscach panowania
Jego. Błogosław, duszo moja, Bogu.

Рис. 1. Фрагмент текста польскоязычной Литургии св. Иоанна Златоуста (Варшава, 1936).

Касперский. Помимо журнала, институт довольно быстро наладил выпуск различных книг и брошюр, а также разнообразных листовок. Несомненной издательской удачей института стала публикация польскоязычного сборника проповедей, подготовленного по проекту и при самом деятельном участии священника из Белостока о. Ростислава

Przegląd Prawosławny

ORGAN POLSKIEGO PRAWOSŁAWIA
wyszedł raz na miesiąc

Nr. 1

Grodno, 1 styczeń 1939 r.

Rok I

CHRYSTUS SIĘ RODZI, CHWALCIE!...

„I znałtli Maryja i Józefa, i niemowlętko położone w łobdzie... (Łuk. 11 18).

Рис. 2. Обложка первого номера журнала "Przegląd Prawosławny"
(Гродно, 1939).

Олехновича, являвшегося, видимо, и основным автором этой достаточно объемной книги [20]. Предполагалось, что за этим первым выпуском последуют другие аналогичные сборники, о чем сообщала в феврале 1939 г. редколлегия издания, обращаясь к "духовенству с просьбой о присылке текстов проповедей, которые могли бы быть использованы при подготовке следующих выпусков нашего издания" [20. S. 6].

Весной 1939 г. институт приступил к выпуску специальных миссионерских изданий, подготовленных миссионером Полесской епархии о. Павлом Калиновичем. Был издан ряд сочинений о. Павла, в том числе брошюра "Несколько слов о происхождении сектантства" [21]. Тогда же институт в Гродно начинает выпускать на правах рукописи небольшой по объему журнал "Обозрение печати" [22], редакция которого находилась в главном здании института на ул. Бригидской, 11. С мая 1939 г. в филиале Православного научно-издательского института в Вильне начинает издаваться "Православный двухнедельник" [23].

9 июня 1939 г. в Варшаве под председательством митрополита Дионисия состоялось заседание "Научной Комиссии по переводу на польский язык Священного Писания, Творений Святых Отцов и научных произведений из области догматики и других

православных дисциплин". В своем выступлении митрополит Дионисий отметил особую важность подобных переводов для Православной церкви в Польше и выразил особое удовлетворение от того, что в состав новой Комиссии вошли его ученики по Отделению православной теологии при Варшавском университете, на которых и возлагалась основная работа по переводу. Во многом сказанное на этом заседании митрополитом Дионисием перекликалось со словами одного из активистов "Дома православных поляков им. Стефана Батория" в Гродно Дмитрия Курилло, который в канун двадцатилетия независимости Польши писал: "Традиция польского православия, а также понятие Православного Поляка такие же древние как и христианская традиция в Польше... Известно..., что ученики св. Кирилла и Мефодия в своих апостольских походах не минули и земель, ныне входящих в состав Польши... Однако уже в X в. на польских землях начинает распространяться христианство латинского обряда, постепенно вытесняя восточное христианство... Православие уступает место католицизму... Оно остается на окраинах Польши, прежде всего на польско-русском пограничьи, сохраняя с точки зрения национальной и культурной польский характер... Возродилась для новой жизни Польша, а вместе с Ней возродилось и национальное самосознание польского православного народа" [24].

По прошествии более чем полувека, в наши дни, многие из событий тех предвоенных лет воспринимаются критически. Достаточно негативно в целом оценивается сейчас и движение "православных поляков", иногда его трактуют как некий временный исторический курьез. Попыток всесторонне оценить это движение в контексте не только предвоенного периода, но и всего уходящего века, а главное в жизни послевоенной Польской Автокефальной Православной Церкви не делалось пока вовсе. А это сейчас очень важно, ибо именно она, Польская Автокефальная Православная Церковь, объединяет в себе не только православных белорусов, украинцев, русских, лемков, но и православных поляков, о существовании которых время от времени кратко упоминается в современной польской прессе, в том числе православной. Т. Вышемирский даже выделил три отдельные группы современных православных поляков, ориентируясь на их этническое происхождение и декларируемое этнокультурное самосознание [25].

Мы же, основываясь на наших многолетних исследованиях православной культуры Польши, можем сказать, что литературное наследие "православных поляков" ныне в определенной своей части представляет значительный интерес. Прежде всего ценен общий опыт перевода на польский язык с церковнославянского и русского самой разнообразной церковной литературы. Нельзя не учитывать и того, что некоторые издания "православных поляков" межвоенного периода активно используются Польской Автокефальной Православной Церковью и сегодня. Пожалуй, в большей степени это относится к учебной литературе, а также теологической, отчасти переводам с церковнославянского языка. Наш экспедиционный поиск на территории современной Польши фиксирует примеры распространения ряда сочинений "православных поляков" в настоящее время в самой разнообразной среде. Некоторые из них существуют в рукописном виде. Во время последней экспедиции, проведенной в 1999 г., в поле нашего зрения попал небольшой рукописный сборник, созданный на территории бывшего Белостокского воеводства, из которого мы в качестве образца воспроизводим текст польскоязычной молитвы и проповеди в день празднования независимости Польши.

Тексты публикуются нами на языке оригинала, поскольку представляют собой пример польскоязычной адаптации православных церковнославянских и русских текстов.

W DNIU ŚWIĘTA NIEPODLEGŁOŚCI

Boże wielki i dziwny, który niewypowiedzianą dobrocią Twoją obfitą łaską wszystkim rządzisz, z którego przemądrych i niezbadanych wyroków życie wszystkich narodów i państw

różnym losom podlega, a który Narodowi Polskiemu, Boga miłującemu, bolesne doświadczenie zesłałeś – oto wesołością i radością serca nasze obficie wypełniłeś, zwracając wolność i niepodległość Ojczyźnie naszej, Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Polskiej, i tym niewysłowioną Swoją dobroć i sprawiedliwość okazałeś w tym radosnym i uroczystym dniu, pomniąc na one objawienie wielkiej sprawiedliwości Twojej, dzięki pokorne czynimy Tobie, opiekunowi naszemu, i z całego serca wołamy: wzmocnij Najjaśniejszą Rzeczpospolitą Polską, w której od lat dawnych Najświętsze Imię Twoje jest czczone, i poniż wszystkie ludy nieprzyjacielskie, które by wojny chciały, ześlij Jej pełny i głęboki pokój i wszystkich obywateli złącz w miłości, wierności i oddaniu Ojczyźnie naszej, abyśmy wszyscy jedno byli. Daj, Boże, spoczynek wieczny duszy Pierwszego Marszałka Polski Józefa Piłsudskiego, który całe życie swe poświęcił dla wielkiej służby Ojczyźnie naszej, oraz daj, Boże, spoczynek wieczny duszom braci naszych, żołnierzy polskich, którzy polegli na Polu Chwały za wolność Państwa Polskiego...

NAUKA W DNIU ŚWIĘTA NIEPODLEGŁOŚCI

"Półtora wieku walk, krwawych nieraz i ofiarnych, znalazło swój tryumf w dniu dzisiejszym. Półtora wieku marzeń o wolnej Polsce czekało swego ziszczenia w obecnej chwili. Dzisiaj mamy wielkie święto narodu po długiej ciężkiej nocy cierpień".

(Z pism Marszałka Piłsudskiego).

Te słowa pierwszego Marszałka Polski i Wodza Narodu Józefa Piłsudskiego przypominamy dziś, kiedy dorocznym zwyczajem uroczyste obchodzimy Święto Niepodległości Państwa Polskiego. Upłynęło kilkanaście lat od tego pamiętnego dnia, który się stał dniem historycznym, a w którym to powrócił do Warszawy z twierdzy Magdeburgskiej Komendant. Na Jego zew powstało Wojsko Polskie, a wraz z nim Niepodległa Rzeczpospolita Polska. Spełniły się wyroki sprawiedliwości dziejowej: spadły kajdany i Naród Polski powrócił do niezależności politycznej w swym własnym wolnym Państwie. Nastała chwila, o której marzyły przed długie lata całe pokolenia.

Od tego czasu dzień 11-go listopada stał się najbardziej uroczystym świętem Narodu i Państwa, dniem, w którym serce i myśli wszystkich obywateli, bez różnicy wyznania, jednoczą się w miłości ukochanej Ojczyzny.

Odrodzenie Polski przywróciło wolność i niepodległość nie tylko narodowi polskiemu, lecz i innym narodom, na Jej ziemiach zamieszkującym, a nawet więcej – w krwawej walce o swoją wolność Polska dopomagała wywalczyć niepodległość i swoim sąsiadom, Armia Polska walczyła, w myśl szlacheckiej zasady: "za naszą i waszą wolność" i w myśl słów Komendanta: "przyniesienie wolności ludziom z nami sąsiadującym będzie punktem honoru mego życia, jako męża stanu i żołnierza". Armia Polska pod rozkazami Marszałka Piłsudskiego dokonała czynu o znaczeniu światowym, stała się przedmurzem chrześcijaństwa i całej europejskiej kultury cywilizacji, a jedną z wielkich jej zasług jest to, że przywróciła niezależność Polskiemu Kościołowi Prawosławnemu.

Kościół Prawosławny w Polsce zawsze dążył do uniezależnienia się od wpływów obcych. Po utracie niezależności ta myśl była zawsze żywotną, lecz odrodzenie Kościoła Prawosławnego mogło nastąpić tylko z chwilą politycznego odrodzenia Polski. Dlatego właśnie rocznica odzyskania Niepodległości Polski jest jednocześnie rocznicą doniosłego momentu przełomowego w życiu Polskiego Kościoła Prawosławnego i powrotu do Jego dawnej świetności.

Żołnierz polski, walcząc o Niepodległość Polski, wywalczył zarazem niezależność Kościoła Prawosławnego, obronił go przed nawałą bezbożnictwa i barbarzyństwa i dziś jesteście świadkami Jego rozwoju, rozbudowy i powrotu do prastarych, a pięknych tradycji.

Losy Kościoła Prawosławnego w Polsce były zawsze ściśle związane z losami Państwa Polskiego. Między Kościołem Prawosławnym a Państwem od wieków istniała harmonijna współpraca, oparta na wzajemnym szacunku i zaufaniu. W swojej przeszłości historycznej mamy liczne dowody troskliwej opieki Rzeczypospolitej Polskiej nad Kościołem

Prawosławnym. Poczynając od króla Kazimierza Wielkiego, królowie polscy nadawali Kościołowi Prawosławnemu szereg praw i przywilejów. Aktem, świadczącym o szlachetnej polityce polskiej w stosunku do prawosławia, była np. ustawa, wydana przez króla Aleksandra, a król Zygmunt Stary, za czasów którego odbyły się sobory, dał dowody daleko posuniętej tolerancji, wydając szereg nowych przywilejów i praw. Król Władysław IV, wzorując się na wspaniałej tradycji Jagiellońskiej, wydał przywilej zrównujący duchowieństwo prawosławne z duchowieństwem katolickim. Stworzył on w dziejach naszego Kościoła okres, który śmiało można nazwać: "złotym wiekiem" polskiego prawosławia.

Ten szlachetny stosunek Rzeczypospolitej Polskiej do prawosławia był dobrze zrozumiany i oceniony przez Kościół Prawosławny, który wydał dobrych synów Ojczyzny i prawdziwych patriotów, jak: Ks. Konstanty Ostrogski, zwycięzca w bitwie pod Orszą, wojewoda A. Kisiel, hetman Konaszewicz i wielu innych. Wyrazem wielkiego patriotyzmu były uchwały Soboru Pińskiego, podkreślające zrozumienie interesów państwowych i poszanowanie ustaw. Kościół Prawosławny walczył z interwencją moskiewską, bronił swojej niezależności, a kiedy przyszły ciężkie momenty w życiu państwowym Polski, pozostał wierny swej Ojczyźnie.

Wierzmy mocno w świetną przyszłość Polskiego Kościoła Prawosławnego. Przyjdzie czas, kiedy Kościół Prawosławny w Polsce Odrodzonej, jak ongiś w Niepodległej Rzeczypospolitej Polskiej, będzie szerzycielem oświaty i wiedzy religijnej na całym Wschodzie.

Dzień dzisiejszy, dzisiejszą uroczystość obchodzimy w skupieniu i żałobie po Pierwszym Marszałku Polski Józefie Piłsudskim, któremu wszyscy, bez różnicy wyznania, zawdzięczamy Niepodległość Państwa Polskiego, a w szczególności my, prawosławni, również i niezależność naszego Kościoła. Nasz ukochany Wódz nie żyje ciałem, lecz żyje wśród nas duchem. Żyje Jego wielka idea. Pozostawił nam Swoj Testament zapisany w naszych sercach, który łączy nas w miłości Ojczyzny. Niechże dzień dzisiejszy, dzień 11 listopada, będzie dniem Jego pamięci, jak był za Jego pełnego trudów i poświęceń życia. Amen.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. *Kiryłowicz S.* Niektóre problemy prawosławia na tle polityki wyznaniowej Państwa w okresie międzywojennym // *Postannictwo*. 1979. № 3/4. S. 123-126.
2. *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос Айрес, 1959.
3. *Купранець О.* Православна Церква в міжвоєнній Польщі: 1918–1939. Рим, 1974. С. 202–206.
4. Церковно-приходская летопись Кожанской Крестовоздвиженской церкви за 1939 г. С. 80–81.
5. *Православна Інформація прасова*. 1934. № 34.
6. *Kalina M.* Polonizacja Cerkwi prawosławnej w województwie białostockim (1918–1939) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1995. № 2. S. 99.
7. *Papierzynska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia. 1918–1939. Warszawa, 1989. S. 244.
8. Liczba i rozmieszczenie Polaków Prawosławnych w Polsce // *Głos Prawosławia*. 11 XI 1938. S. 12–13.
9. *Щавинская Л.* Книжный репертуар крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии // *Slavia Orientalis*. 1999. № 1.
10. *Archiwum Akt Nowych*. MWP i OP. № 1258. L. 147.
11. *Święta Liturgia Świętego Jana Złotoustego*. Warszawa, 1936.
12. *Nabożeństwo dziękczynne w dniach świąt Państwowych*. Warszawa, 1936.
13. *Pannichida, czyli Nabożeństwo za spoczywających w Panu*. Warszawa, 1936.
14. *Gazeta Prawosławna*. 1 III 1936.
15. *Polacy prawosławni w Polsce*. Warszawa, 1937.
16. *Przyjaciel żołnierza*. Warszawa, 1937.

17. Nasza myśl: Pismo wychowanków Państwowego Internatu dla Studentów Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego. 1937–1939.
18. Oriens. 1938. S. 91.
19. Przegląd Prawosławny. 1939. № 1–8.
20. Kazania, pogadanki i przemówienia religijne. Grodno, 1939. T. 1.
21. *Ks. Paweł Kalinowicz*. O pochodzeniu sekciarstwa słow kilka. Grodno, 1939.
22. Przegląd prasowy. 1939. № 1–2.
23. Dwutygodnik Prawosławny. 1939. № 1–7.
24. *Kuryłto D.* Polacy Prawosławni na Grodzieńszczyźnie // Głos Prawosławia. 1938. 11 XI S. 8.
25. *Wyszomirski T.* Polak – prawosławny? // Przegląd Prawosławny. 1992. № 7. S. 27.

България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси "Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година", "Коминтернът, Коминформбюро и България". София, 21–23 април 1997 г. София, 1998. 395 С.

Болгария в сфера советских интересов. Круглые столы "Советский фактор в развитии Болгарии после 9 сентября 1944 года", "Коминтерн, Коминформбюро и Болгария". София, 21–23 апреля 1997 г.

Еще памятливы годы, когда отношения между СССР и Болгарией преподносились как образец "социалистического интернационализма в действии", а болгарское руководство неустанно декларировало неизменность курса на всестороннее болгарско-советское сближение. Затем пришли времена плюрализма, гласности, свободы слова, изменившие ситуацию. И хотя в массовом сознании болгар не замечалось масштабных проявлений русофобии, в 1990-е годы в прессе можно было встретить утверждения, что Россия на протяжении всей своей "имперской истории" относилась к болгарскому народу и государству "крайне унижительно", что она вновь стремится привязать Болгарию к себе, включить ее в некий "СССР-2", "нахально" запрещает ей вступить в НАТО и т.д. (см., например, [1. 1995. 19 V; 1996. 30 III]). Нужно, правда, отметить, что отдельные высказывания некоторых российских политических и государственных деятелей давали в известной мере повод для подобных обвинений (см. [1. 1996. 30 III; 2]). Кроме того, определенные болгарские общественно-политические круги и их лидеры видят в дистанцировании от России, в негативной трактовке российско-болгарских отношений средство утверждения своего "западного", "евроатлантического" имиджа. В целом же, как отмечает один из авторов и редакторов рецензируемого

сборника, за последнее десятилетие оценка роли России и Советского Союза в развитии болгарского общества колебалась между крайностями с отрицательным и положительным знаком (С. 11).

В сборнике опубликованы материалы сорока российских и болгарских ученых, которые выступили с докладами (всего их было 30) и/или приняли участие в дискуссии. Одно из важнейших достоинств этих докладов и выступлений – использование и введение в научный оборот большого количества ранее практически не известных многим специалистам и, тем более, широкому кругу заинтересованных читателей архивных документов. Это позволило существенно заполнить определенные информационные пустоты, обосновать новизну подходов к ряду исследуемых вопросов, осветить и проанализировать известные события и факты, аргументировать оценки на базе солидных источников, а не идеологических клише, указаний и решений "исторических пленумов ЦК", "директивных органов" и т.п.

При всем разнообразии конкретной тематики включенных в сборник материалов многие из них дают возможность лишиться раз убедиться, что в двусторонних и многосторонних межгосударственных отношениях на первом месте, вопреки встречающемуся политическому и идеологическому камуфляжу, стоит (явно или подспудно)

проблема обеспечения текущих и перспективных, стратегических национально-государственных интересов. Их реализация зависела и зависит от конкретной социально-экономической и политической ситуации, от расстановки сил как внутри данной страны, так и на международной арене, от множества других объективных и субъективных разнонаправленных факторов.

Из материалов сборника следует, что Болгария и Балканы в 1940-е годы вновь стали одним из центров пересечения интересов "великих сил", преследовавших свои цели. Эти силы зачастую диктовали свои условия и правила послевоенного устройства региона и в решающей степени предопределили пути и формы его развития на несколько десятилетий. Вместе с тем у отдельных государств в принципе не бывает полного совпадения интересов, и на этой почве могут возникать противоречия разной глубины, силы и открытости даже между такими казалось бы абсолютно несоизмеримыми по своей внутренней мощи, международному влиянию странами, как СССР и Болгария (примером служат советско-болгарские торговые переговоры в 1944–1948 гг.).

С другой стороны, еще задолго до вступления Красной Армии на территорию Болгарии, руководство ВКП(б) и коминтерновские структуры прилагали немало усилий по формированию в стране предпосылок и условий для усиления в ней коммунистического и советского влияния. Велась и "кадровая работа", в соответствии с которой репрессировались одни и возвышались другие деятели Коминтерна и болгарской Компартии. Это принесло свои плоды – в Болгарии возникли условия для пропаганды и практического внедрения после 9 сентября 1944 г. "советских образцов", в том числе применение карательных методов по отношению к реальным и потенциальным идейно-политическим противникам, к соперникам в борьбе за власть. Большую помощь оказали в этом многочисленные советники, прибывшие из СССР (эти сюжеты с привлечением новых фактических материалов также представлены в рецензируемом сборнике).

В конечном счете болгарская социально-политическая система сравнительно быстро приспособилась к советской, сохраняя некоторую формальную внешнюю специфику. Страна превратилась в наиболее надежного среди других восточно-европейских государств сателлита Советского Союза. Это в определенной мере вредило международному авторитету

Болгарии, но и приносило ей весьма существенные дивиденды, прежде всего экономические.

Однако даже в годы, когда наиболее громко звучали лозунги и декларации о "вечной нерушимой братской советско-болгарской дружбе", о "полном единстве взглядов и действий КПСС и БКП", отношения между двумя странами отнюдь не были беспроблемными. В эту сферу включались скрытые от большинства общества вопросы, в которых присутствовали прагматизм, стремление извлечь определенные экономические и политические (включая личные и групповые) выгоды, в том числе и в виде платы за публичное проявление лояльности, поддержки, готовности выполнить "союзнический долг".

В большинстве материалов сборника рассматриваются конкретные и весьма острые вопросы, многие аспекты которых ранее замалчивались или интерпретировались предвзято. Авторы, освещая отдельные каналы проникновения, формы и методы воздействия "советского фактора" на различные сферы жизни болгарского общества и государства, стремятся, как правило, избегать односторонних трактовок, показать не только отрицательные, порой трагические, но и позитивные стороны этого процесса.

Самым убедительным свидетельством масштабного, практически всеобъемлющего влияния "советского фактора" на Болгарию является весьма тесная привязка ее народнохозяйственного комплекса к экономике СССР, высокая степень вовлеченности страны в русло его внешней политики, стремление (иногда, правда, больше вербальное) следовать "передовому советскому опыту". Не случайно поэтому расширяющиеся тренинги в болгаро-советских (российских) отношениях все отчетливее стали проявляться в годы "перестройки" и последовавшим за этим развалом СЭВ, ОВД, распадом СССР. Одним из наиболее реально ощущаемых последствий этих глобальных и сопутствующих им событий стало резкое сокращение болгаро-российских связей. Ситуация не улучшилась и в последующие годы. Нынешнее состояние отношений между Россией и Болгарией далеко не всегда объективно обусловлено и соответствует действительным интересам обеих стран.

Круглый стол на тему "Коминтерн, Коминформ и Болгария" весьма существенно обогатил палитру разноречивых мнений и доказательств того, что фунда-

мент советского влияния на страны Центральной и Восточной Европы, включая Болгарию, стал закладываться сравнительно задолго до формирования так называемого социалистического лагеря. В частности, как отмечено в докладе Т. Дурлаковой (Болгария), в период между двумя мировыми войнами Коминтерн постоянно и через своих представителей на Балканах, и через болгарскую компартию оказывал воздействие на события в стране (С. 291).

Не со всеми суждениями, акцентами и оценками авторов сборника можно согласиться, но это не умаляет его актуаль-

ности, научной значимости, большого познавательного интереса. Он дает богатую пищу для размышлений и, хочется надеяться, послужит действенным импульсом к дальнейшему изучению важнейших проблем взаимоотношения двух стран.

© 2000 г. Ю.Ф. Зудинов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демократия.
2. Дума. 1995. 11 III.

Славяноведение, № 3

Е.Ю. СЕРГЕЕВ, Ар.А. УЛУНЯН. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914 гг. М., 1999. 420 С.

Монография посвящена столь же важному, сколь и малоизученному аспекту внешней политики России в канун первой мировой войны – выявлению роли военных атташе в сборе актуальной информации о положении дел в зарубежных (не в последнюю очередь балканских) странах и в прогнозировании дальнейшего развития международных отношений, определению места этого института в государственном аппарате Российской империи, его влияния на механизм принятия важнейших внешнеполитических решений. Работа Сергеева и Ар.А. Улунына опирается на богатейшую документальную базу – ее основу составляют материалы Российского государственного военно-исторического архива, в подавляющем большинстве случаев впервые вводимые в научный оборот. Часть документов публикуется в приложении.

Возникший еще в первой половине XIX в. институт военных представителей России в зарубежных странах претерпел со временем заметную модификацию. Если на более ранних этапах его функционирования приоритет отдавался сбору информации о состоянии армий потенциальных противников или союзников России, их технической оснащенности, фортификационных укреплениях и т.д., то к началу

XX в. круг проблем, интересовавших легальную военную разведку, расширился. Как отмечают авторы, "особенностью нового периода развития института военных агентов на рубеже веков стало усиление общественно-политической составляющей в информационно-аналитических материалах, направлявшихся ими в штаб-квартиру военной разведки, тогда как ранее их деятельность была во многом ограничена сбором военно-технических данных и передачей салонных сплетен. Официальные представители военного ведомства постепенно начинают конкурировать с российскими дипломатами в степени осведомленности по общим проблемам развития конкретных государств и даже регионов" (С. 30). Отвечая своему действительному предназначению работа военных атташе в чужой социокультурной среде "требовала аналитического осмысления не только военно-технических вопросов, но и широкого комплекса проблем общественно-политического, экономического, этнического и регионального развития" (С. 38). Показательны слова выдающегося русского, позднее советского военного теоретика А. Свечина, в 1908 г. эксперта именно в области военной разведки: агентам, аккредитованным за рубежом, нужно уметь "прислушаться к биению пульса го-

сударственной и общественной жизни" (С. 29).

Осложнение международной обстановки в начале XX в. требовало от военных агентов не просто информации по частным вопросам и оценок конкретных фактов, а комплексных, многофакторных прогнозов. Получая с течением времени большую свободу рук в оценках проблем мировой политики, военные агенты активнее вовлекались в прогностическую работу Генштаба, все сильнее ощущавшего необходимость стратегического внешнеполитического планирования для России в региональном и в общемировом масштабе. Технология "политического моделирования", хотя методически пока еще не оформленная, становится частью повседневной аналитико-прогностической работы представителей военной разведки за рубежом. Некоторую специфику имела их деятельность на балканском направлении — зачастую они выступали как эксперты и неофициальные советники при военных министерствах соответствующих стран.

Расширение реальных функций представителей российского оборонного ведомства за рубежом приводило к определенному параллелизму в деятельности официальных дипломатических и военно-агентурных институций. Отношения двух министерств были, как выясняется из документов, далеки от идиллических. С одной стороны, руководство МИД, особенно в бытность министром А.П. Извольского, старалось не допустить вмешательства военных в международные дела даже на уровне аналитической рекомендательной работы. С другой стороны, военные круги иной раз проявляли открытое раздражение пассивностью внешнеполитического ведомства (в частности, во время боснийского кризиса 1908–1909 гг.). Сообщения дипломатов и военных представителей нередко расходились в оценках ситуации и дававшихся рекомендациях. Разногласия, например, возникли в 1908–1909 гг. в вопросе об отношении французского общества к альянсу с Россией. Поверенный в делах России во Франции Неклюдов фактически вводил в заблуждение министра иностранных дел С.Д. Сазонова, отмечая, что во Франции все понимают, что русско-французский союз есть "единственная база, на которую может опираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства" (С. 149). Совсем иная, более объ-

ективная картина давалась в сообщениях военных агентов. Чем сильнее обострялась ситуация на международной арене, тем ожесточеннее была конкуренция двух ведомств в их стремлении занять ключевые позиции в механизме формирования общественного мнения правящей элиты и, соответственно, подготовки основополагающих внешнеполитических решений.

Роль в этом механизме института военной разведки раскрывается в монографии Сергеева и Улуныяна с предельной полнотой. Еще в те времена, когда родственные узы российских и германских монархов вызывали кое у кого из российской политической элиты необоснованные иллюзии относительно "вечной и нерушимой дружбы" двух империй, русский военный агент в Берлине писал о том, что оснований для таких иллюзий нет — маловероятно, чтобы в жертву династической дружбе был принесен хотя бы один коммерческий или политический вопрос, сколько-нибудь затрагивающий интересы Германии. К началу века в российско-германских отношениях наметился новый этап — логика развития обоих государств заставляла монархов и их министров переносить акценты с принципов монархической солидарности на национальные политические и экономические интересы. И легальная военная разведка адекватно отреагировала на новую ситуацию.

В 1910–1911 гг., когда Германия сделала окончательный выбор своих последующих действий на международной арене, русская разведка сумела обеспечить высшее руководство страны достаточно обоснованным и точным прогнозом на сей счет. Военный агент России в Берлине Базаров доносил: война "нужна Германии как гроза в душный летний день... не только в целях чисто материальных выгод, которые она должна дать Германии, но и для подъема духа народного, которому грозит разложение под влиянием развивающегося материализма" (С. 265). Как предсказывал российский военный представитель в Германии, скоро "настанет критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны" (С. 265). Информация, получаемая из Берлина, заставляла царское правительство форсировать мероприятия в области обороны, и если страна так и не сумела должным образом подготовиться к боевым действи-

ям, то менее других в том были повинны военные атташе.

Впрочем, и в их деятельности не обошлось без ошибок. Так, давая слишком оптимистический прогноз относительно боеготовности французской армии, агент в Париже, полковник Игнатъев, в значительной мере способствовал занятию официальным Петербургом бескомпромиссной антиавстрийской позиции в ходе июльского кризиса 1914 г.

Точных прогнозов было все же больше, чем ошибок. Военные агенты совершенно правильно предсказывали, что "война между Россией и Австро-Венгрией может возникнуть после начала военных действий между последней и Сербией" (С. 227). Донесения военных атташе из Вены вообще отличаются не только точностью политического анализа, но и глубиной, невозможной без знания истории межэтнических отношений в регионе. "В этом заколдованном кругу центробежных стремлений Австро-Венгрия веками изворачивается ради сохранения равновесия уступками одним за счет других", — читаем в одной из докладных (С. 237–238). Конфликтный потенциал межэтнических отношений в Дунайской монархии неизменно учитывался в Петербурге в процессе военно-стратегического планирования. По справедливому мнению авторов, "кризис внутривнутриполитического положения Дунайской монархии, рассматривавшейся российским высшим военным руководством как потенциальный противник Российской империи, выступал в оценках и прогнозах военной разведки, с одной стороны, как сдерживающий внешнеполитическую активность Вены фактор, а с другой — как катализатор агрессивных устремлений Австро-Венгрии, правящие круги которой стремились решить внутренние проблемы за счет внешнеполитических побед" (С. 238). Довольно адекватно русская военная агентура оценивала роль "российского фактора" в сохранении системы дуализма, уже давно трещавшей по швам. Как отмечалось в одном из донесений, именно опасность со стороны России заставляла венгров "держаться Австрии" (С. 177).

Успехи, достигнутые военными агентами в оценках и анализе внутривнутриполитической ситуации стран пребывания, позволяли относительно точно прогнозировать ход дальнейших событий. Роль и место Дунайской монархии в Тройственном союзе определялись представителями русской военной разведки именно через призму ее внутривнутриполитического положения. Знание

расстановки политических сил внутри правящего слоя Австро-Венгрии давало возможность предсказывать действия ее дипломатии на международной арене и прежде всего на балканском направлении.

В канун мировой войны нестабильность геополитической конфигурации в балканском регионе довольно резко контрастировала с внешнеполитической заданностью позиций западноевропейских держав. Российские "дипломаты в погонах" смогли отработать многовариантные сценарии возможных военно-политических конфликтов на Балканах и выявить целую гамму внешних угроз для Российской империи. Как видно из документов, в странах "порохового погреба Европы" военные агенты России уже не ограничивались информационно-аналитической и оперативно-разведывательной деятельностью, они пытались активно воздействовать на ситуацию. До начала XX в. в балканских странах доминировали так называемые "фильские" традиции — общественное мнение в тех или иных условиях однозначно ориентировалось на ту или иную великую державу. «Постепенно приходившие им на смену идеи превалирования национальных интересов малых государств над их "верностью историческим союзникам" заставляли правящие круги ведущих стран и их внешнеполитическую бюрократию с опаской относиться к стремлению "маленьких друзей" лавировать и играть на противоречиях своих покровителей» (С. 111). Особенно наглядно это проявилось в борьбе вокруг македонского вопроса — стремление решить его в своих интересах толкало участников конфликта на поиск союзников в разных и порой неожиданных направлениях. Все это требовало от аккредитованных на Балканах военных агентов высокого мастерства политического анализа, умения разобраться в сложнейших дипломатических хитросплетениях. При этом почти во всех донесениях с Балкан находил проявление "синдром военных ожиданий". Ощущение опасности заставляло разведчиков, подчас интуитивно, определять основные проблемные для российских внешнеполитических позиций узлы.

При анализе деятельности военной агентуры, авторы неизбежно выходят на проблему соответствия/несоответствия их донесений тем клишированным стереотипам, которые были приняты в среде российской военной и гражданской государственной бюрократии для объяснения многих аспектов внешнеполитических реалий того периода. Мнение конкретного воен-

ного агента или их группы являлось выражением не только личного отношения к происходящему, но и во многом становилось знаковым для понимания общественно-политических взглядов правящей элиты России.

Несколько категоричным представляется утверждение авторов о том, что "для Петербурга на переднем плане стояло выполнение исторической задачи объединения близких по религии и этническому происхождению народов под скипетром православного монарха – преемника Византийских владык" (С. 54–55). Ни один из российских монархов XIX в., сколько ни была близка его сердцу славянофильская идея, какое бы влияние ни оказывали на него панславистские круги (как, например, на Александра III) и какими бы великодержавными амбициями он ни отличался, не склонен был идти во имя торжества славянского братства на явные политические авантюры. Вспомним слова Николая I, произнесенные в момент, когда власть Габсбургов в Вене держалась на волоске: "Ни Богемии, ни Моравии под свой скипетр ни приму, потому что это противно интересам нашим".

Как справедливо замечают авторы, противоречие между доктриной общеславянской взаимности (нередко называвшейся ее сторонниками и противниками не иначе как "панславизм") и государственными интересами России в рассматриваемый период проявилось со всей отчетливостью, что нашло отражение в выводе военных специалистов о том, что "если с общеславянской точки зрения совершенное удаление турок из Европы и представляется желательным, как окончательное торжество славянского мира над его многовековым врагом, то с точки зрения чисто военных интересов России на ее южном фронте – оно безусловно невыгодно" (С. 324) в силу геостратегических соображений.

Привлекательная огромный фактический материал и анализирующая его на высоком профессиональном уровне работа Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна представит несомненный интерес для историков, дипломатов, военных экспертов, практиков политического анализа.

© 2000 г. А. Стыкалин

Славяноведение, № 3

Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. 262 С.

Коллективная монография, написанная научными сотрудниками Института славяноведения РАН (ответственный редактор – И.В. Чуркина), посвящена очень важной, но мало разработанной в науке теме влияния религии как сферы сознания и церкви как идеологической и социальной организации на процесс формирования и развития наций. Сама проблема формулируется авторами как изучение процесса влияния конфессионального сознания на национальное развитие, когда религия становится интегральной частью национального сознания (С. 3). В такой плоскости история южнославянских народов в отечественной науке еще не рассматривалась, поэтому данную работу можно считать новаторской.

Долгое время в отечественной, да и в южнославянской историографии история

религии на Балканах по сравнению с гражданской историей занимала подчиненное место, что во многом было обусловлено пренебрежительным отношением социалистического общества к роли религии в истории человечества. Прогрессивная роль религии признавалась лишь для ранне-средневекового общества периода складывания средневековых этносов. В обществах развитого и позднего феодализма социально-экономическая, идеологическая и политическая роль религии и церкви однозначно оценивалась как тормоз на пути исторического прогресса. Конфессиональному фактору в Новое время вообще не придавалось сколько-нибудь серьезного значения.

Ситуация в нашей науке стала меняться с конца 1980-х годов. Применительно к Балканам первый шаг был сделан

Институтом славяноведения, опубликовавшим сборник статей "Церковь в истории славянских народов" под редакцией И.В. Чуркиной, ставший результатом большой научной конференции, состоявшейся в 1993 г. [1]. Следующим этапом была работа над рецензируемым исследованием. В нем впервые конфессиональные проблемы рассматриваются с точки зрения формирования славянских наций на Балканах. Авторы убедительно доказывают тезис о важной, в некоторые исторические моменты определяющей, роли церкви и религиозного сознания, особенно православного, для аутоидентификации балканских этносов, чрезвычайно актуальной в периоды их политического подчинения иноконфессиональным державам и борьбы с этими государствами за восстановление собственной независимости. Специфика балканской истории диктовала обостренность конфессионального сознания и его тесное переплетение с политическими, социальными и культурными задачами, вставшими перед балканскими славянами в эпоху Национального возрождения.

Большой удачей авторского коллектива следует считать то, что хронологические рамки работы вместили в себя как средневековый период, без которого многие этноконфессиональные проблемы Нового времени были бы непонятны, так и вторую половину XIX и начало XX в., когда процесс национального развития вступил уже в качественно иной этап, обусловленный возникновением независимых южнославянских государств, но унаследовавший некоторые старые этноконфессиональные противоречия. При рассмотрении значения конфессии для средневековых этносов авторы учитывали научные разработки большого коллектива ученых, опубликованные в трехтомном издании, посвященном этническому самосознанию славянских народов в средние века [2]. Такая координация медиевистов и историков Нового времени принесла весомые плоды.

Тема "Церковь и общество" рассматривается авторами полиаспектно: затрагиваются не только этническая, но и политическая, культурная, экономическая, дипломатическая сферы и, конечно, межконфессиональные отношения. Подобный всесторонний подход имеет свою сверхзадачу – показать глубокие корни современных балканских конфликтов, в которых ментальность балканских народов, во многом основанная на этноконфессиональном факторе, играет не меньшую роль, чем политика. Однако актуализация проблемы

не носит нарочитого характера, она строго научна и призвана лишь прояснить истоки многих явлений, составляющих балканскую специфику.

В предисловии (автор – И.В. Чуркина), где содержится постановка проблемы исследования, также дается определение нации (С. 3). Учитывая сложность самого понятия нация, споры в науке и политике по этому вопросу, многочисленные современные определения, можно в чем-то не соглашаться с предложенной формулировкой, находя ее недостаточной. Однако чрезвычайно важно, что самым существенным признаком нации названо национальное самосознание (С. 6), что отвечает новейшим концепциям этнологии.

В предисловии также содержится характеристика специфики исторического развития Балкан в XIV–XIX вв. Ее частью стала особая роль духовенства ("духовной интеллигенции") в социуме, лишенном дворянства, где именно духовенство с XVIII в. формировало самосознание этносов, трансформировавшихся в нации, выполняя также задачи светские, в целом не свои: ответственность церкви (С. 8). Необходимо обратить внимание и на характеристику Габсбургской монархии как последнего Габсбурга на пути турок в Центральную Европу, сдерживавшего их агрессию целых три века (С. 11). Такое определение восстанавливает историческую справедливость. Хочется указать и на то, что авторы избегают старых клише в оценке державозавоевателей (Османской и Габсбургской империй), стремясь к объективности и непредвзятости, благодаря этому некоторые аспекты турецкой и австрийской политики выглядят даже более устрашающими, чем при традиционном подходе.

В главе, посвященной словенцам (автор – И.В. Чуркина), показано, как в раннее средневековье христианская церковь стала орудием подчинения словенцев иноэтничным государственным образованиям, что привело их к значительной ассимиляции, угрожавшей самому существованию словенского этноса. Однако расцвет словенского языка и, соответственно, самосознания также связан с религией: в XVI в. именно благодаря деятельности крупного реформатора-протестанта П. Трубара были созданы словенские школы и осуществлен перевод Библии на словенский язык, что не только содействовало духовному просвещению словенцев, но и поставило их в ряд народов, обладавших развитым языком письменности. Характерно, что католики, победив протестантов в

Словении, в XVII в. продолжили их дело создания словенской духовно-просветительской литературы (С. 17). В конце XIX в. движение за словенскую национальную (католическую) церковь во многом содействовало росту словенского самосознания на завершающем этапе формирования нации (С. 53).

Глава, написанная С.А. Романенко, посвящена роли католицизма и православия в формировании хорватской и сербской наций в Хорватии, Славонии и Далмации. Автор убедительно доказывает, что "демаркационная линия" между хорватами и сербами до XIX в. определялась не языком, а религией, которая таким образом являлась этнообразующим фактором. Поэтому типичной чертой политического сознания национал-радикалов у хорватов и сербов в XIX–XX вв. стало отождествление конфессионального и этнического сознаний (С. 76). В этой связи хотелось бы более ясной позиции автора относительно времени завершения формирования югославянских наций, так как из текста можно заключить, что этот процесс не был завершен даже к 1918 г. (С. 111).

Сложные вопросы переплетения конфессий и национальностей в Боснии и Герцеговине обстоятельно рассмотрены в специальной главе (автор – Е.К. Вяземская, при участии А.В. Карасева). Автор анализирует боснийскую специфику, приводящую к значительной исламизации славянского населения, сложности соотношения этничности и конфессиональности в "социально неполном" обществе, находящемся под иноэтничным и иноконфессиональным политическим господством, показывает "неполноценный статус" боснийцев-мусульман в Османской империи, раскрывает внутренний конфликт боснийцев-мусульман, стремившихся сочетать верность своей новой религии – исламу с местным патриотизмом, что осложняло их отношения с турецкими властями. Необходимо отметить осторожное обращение автора с терминологией, объективность исследовательской позиции. Однако актуальный ныне вопрос о правомерности употребления термина "мусульмане" как этнонима боснийцев-мусульман, когда конфессионим выступает в функции этнонима, нуждается в дальнейшей разработке.

В главе, посвященной Сербии (авторы – И.С. Достян и А.В. Карасев), дан обстоятельный анализ взаимоотношений церкви и Сербского государства в средние века и в XIX в., роли православия как основного фактора сохранения сербской этничности

в период турецкого господства. Однако недостаточное место отведено специфическим чертам союза церкви и государства в державе Неманичей, особым формам сакрализации правителей, хотя именно здесь надо видеть корень отождествления конфессии, этноса и власти в сознании сербов.

Акцентируется такое важное явление, как связь сербской церкви с русской, переходившая из чисто конфессиональной во внешнеполитическую сферу, что привело к сложению идеологемы помощи единоверным славянским братьям, находящимся под турецким игом, и ее политическому претворению в XVIII–XIX вв. Авторы убедительно показывают, что в политической жизни сербского народа в XVI–XVIII вв. православная церковь играла ведущую роль, являясь не только духовным и культурным, но и административно-политическим центром всего народа. Поэтому единство этноконфессионального сознания сербов не смогла расколоть политика эллинизации, проводившаяся греческим духовенством на территории Старой Сербии. Подробно прослеживается история сербской церкви в XVIII – начале XX в., ее роль в завоевании сербской независимости, в процессе создания нового государства, уменьшение ее значения по мере развития государственных властных структур.

Отдельно рассматривается Черногория, обладавшая значительной спецификой церковно-государственно-этнических отношений. У черногорцев священники были наиболее тесно связаны с жизнью народа. Они являлись выходцами из самых уважаемых крестьянских семейств, занимались земледелием, скотоводством и торговлей, возглавляли военные отряды, дававшие отпор туркам, решали мелкие тяжбы. Митрополит, избираемый общим собранием, признавался главой разобщенных племен. Особо отмечается позитивная роль объединения политической, государственной и церковной власти при владыках-митрополитах из династии Петровичей Негошей, способствовавших становлению национальной культуры и национально ориентированной политики.

В главе о Болгарии (авторы двух ее разделов соответственно И.Ф. Макарова и Л.И. Жила) основное место уделено специфике положения православной церкви и ее роли на разных этапах существования болгарского этносоциального организма. И.Ф. Макарова отмечает парадокс болгарской церкви: во времена турецкого господ-

ства она одновременно выполняла этноконсолидирующую, этнозащитную и этнонивелирующую функции, так как сохраняла историческую память, этническое самосознание, культ болгарских святых, но под угрозой исламизации заботилась о подавлении этнорелигиозного и утверждению общеправославного сознания (С. 200). Борьба болгар с греками-фанариотами за церковное равноправие справедливо расценивается как церковное по форме, но национальное, а затем политическое по содержанию движение, в котором проявился примат национальных интересов над общеконфессиональными (С. 210). Большое место уделено политическим планам Запада в отношении болгарской церкви в XIX в., когда болгарские политики стали использовать вопрос о принятии церковной унии с Ватиканом как разменную карту в политической игре, что существенно дополняет наши традиционные представления. Автор анализирует деятельность в Болгарии католических миссионеров, развитие общин болгар-католиков и болгар-мусульман (помаков) и приходит к выводу о том, что параллельное развитие трех этнорелигиозных болгарских общностей (православные, католики-павликиане, мусульмане) таило в себе опасность формирования субэтносов, однако этого не произошло, поскольку в XIX в. национальная идея консолидировала всех болгар (С. 232).

После освобождения Болгарии начинается, как отмечает Л.И. Жила, процесс создания государства в моноэтнично-конфессиональным населением. Рассматривается история Болгарского экзархата, его роль в сохранении единого болгарского сознания после разделения болгарского этнического массива на три части по Берлинскому трактату. Прослеживается конфликт церкви и государства в конце XIX в., причиной которого был антиклерикализм западного типа и деградация самой болгарской церкви, отошедшей от идеи служения обществу.

В заключении (автор – И.В. Чуркина) содержатся чрезвычайно важные выводы о том, что у южных славян в средние века христианство способствовало развитию государственности и этносов в православном субрегионе, но не способствовало в католическом, где оно вело к онемечиванию и уничтожению элементов самоуправления (у словенцев) или же было нейтральным к государственно-этническим процессам (у хорватов). Богосильская церковь Боснии укрепила ее государ-

ственность, балансируя на противоречиях между Римом и Константинополем. В условиях турецкого господства принадлежность к этносу определялась конфессией. Церковь у болгар и сербов стала хранительницей этничности, культуры и некоторых функций светского управления. Однако значение сербской и болгарской церквей было различным: первая стала общесербским центром, что позволило сербам самим добиться независимости в XIX в., а у болгар не сложилось единого церковного центра, который бы безоговорочно поддерживал национально-освободительную борьбу. Из-за засилья греческого духовенства первой формой болгарского национального движения стала борьба за самостоятельную болгарскую церковь, что, конечно, ослабляло этноконсолидирующую роль православия в Болгарии. У хорватов большую сплачивающую роль сыграли католики-глаголяши, утверждавшие кирилло-мефодиевские принципы славянской церковной самобытности и славянского единства в период жесткого противостояния христианских конфессий и угнетения славянского элемента в австрийских владениях.

В эпоху Национального возрождения остро встал вопрос создания национальных церквей, в котором неосценимую роль сыграли Кирилло-Мефодиевские общества, ратовавшие за объединение славян-христиан на национально-языковой основе. К началу XX в. завершается общий процесс подчинения церкви государственной власти, утрачивается ее влияние на ход национальных процессов. Однако политические партии на Балканах (кроме Болгарии) создаются по национально-конфессиональному принципу, что свидетельствует об укоренности взаимосвязи этнического и конфессионального компонентов балканского сознания.

Убедителен вывод о том, что особое значение для исторических судеб нации имело то обстоятельство, насколько национальной была та или иная церковная организация, однако благодаря этнизации национальные церковные организации стали причиной обособления близкородственного населения южнославянского ареала в отдельные нации по религиозному признаку (С. 260–261).

Проблемы, рассмотренные авторами монографии, наталкивают на мысль о типологической близости национально-конфессиональных взаимоотношений у южнославянских народов и народов СНГ. Это обнаруживается и в конъюнктуреза-

ции гуманитарного знания, где создаются паранаучные теории этногенеза, унижающие близкородственных соседей и используемые затем в политической борьбе. Так, например, теория партии франковцев о том, что хорватские сербы – не славяне, а влахи, сопоставима с современными украинскими теориями о "недостаточной славянскости" русских.

Авторам монографии, хотя иногда они сбиваются на изложение истории церкви в данной стране, удалось главное – показать механизм формирования национального сознания и огромную роль в нем религиозного фактора в условиях этнополитической конфронтации народов-соседей.

Рецензируемую книгу, богатую интересным материалом, по-новому освещенным, хотелось бы считать удачной прелюдией к

созданию новых обобщающих обзоров истории южнославянских народов.

© 2000 г. Г.П. Мельников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. (Балканские исследования. Вып. 17).
2. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.

Славяноведение, № 3

Н.В. КОРОВИЦЫНА. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999. 187 С.

Сложное структурное название рецензируемой работы отражает три важных составляющих компонента предмета исследования: среднее поколение; социокультурную среду, в которой оно формируется и действует; регион, подверженный значительным общественным сдвигам на протяжении всей второй половины XX в. Каждый из названных исследовательских объектов заслуживает пристального внимания; тем более значительной является попытка Н.В. Коровицкой комплексно рассмотреть их в выбранном ею ракурсе. Безусловным достоинством монографии является уровень обобщения и осмысления полувекового периода развития стран Восточной Европы, хотя и не все положения, высказанные автором, можно признать бесспорными.

Отправную точку исследования составляет идея о том, что "среднее поколение – родившиеся в 50-е годы – это генерация смены эпох в истории региона второй половины нашего столетия" (С. 3). При этом поколенческий анализ служит не столько целью, сколько средством интерпретации истории "бархатных" революций и "шоковых" экономических реформ.

Работа содержит три главы. В первой из них анализируется процесс социализации среднего поколения восточноевропейцев на основных этапах его формирования: от усвоения социалистических ценностных ориентиров и получения высшего образования в юношеском возрасте до трудовой и общественной деятельности вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х годов. Автор справедливо отмечает, что получение высшего образования служило центральным элементом социокультурного развития государств Восточной Европы во второй половине XX в. «Несмотря на наличие национальной специфики, общей тенденцией послевоенного развития в регионе стало следование традиционной системе ценностей с ее односторонним предпочтением нефизического пути «наверх»» (С. 14). Решающее общественное значение высшего образования обусловило рост интеллигенции и количества научно-технических достижений в странах социализма в 1970–

1980-е годы, но вместе с тем подготовило базу для формирования высокообразованного, критически настроенного слоя диссидентов и оппозиционеров существовавшего строя. В большой степени это проявилось на примере среднего поколения, которое выступило активным сторонником общественных перемен в 1989 г. Имея значительно более высокий, чем предшествующие поколения, уровень образования, эта генерация ожидала гораздо большего удовлетворения от труда и роста степени своего участия в процессах принятия решений (вплоть до высшего государственного уровня). «Однако фактическая и ожидаемая роли формального образования и профессиональной компетентности, представлявших ключом к преуспеванию в жизни, приходили во все большее несоответствие. Образование стремительно девальвировалось, а потребительские ожидания также стремительно эмансипировались и приумножились. Усиливалась несогласованность статусных характеристик – культурно-образовательных и социально-экономических. ...Сознание личной материальной и социальной нереализованности послужило мощным фактором вовлечения рассматриваемой генерации в движение за "обновление" политического режима» (С. 65–66).

Вторая глава монографии посвящена, по выражению автора, социокультурной анатомии "бархатной" революции в Польше. Выбор данной страны для анализа изучаемых проблем неслучаен. Польша по многим позициям представляла и представляла собой опережающее другие страны региона государство. Польский общественно-политический кризис 1980-х годов во многом явился прообразом последующих восточноевропейских революций 1989–1991 гг. Анализ польского опыта системных преобразований интересен и с точки зрения освещенности национальной социологией, заметно выделяющейся своим вкладом в изучение современной действительности. Как пишет автор, "результаты осуществленных в Польше в 80-е годы социологических исследований позволяют создать относительно целостное представление о революционном процессе, разрушившем мировую систему социализма и радикально изменившем облик Восточной Европы, ее геополитическое положение, ориентиры дальнейшего развития" (С. 68). Исползованные в монографии сравнительные исследования, проведенные польскими социологами в 1972 и 1981 гг. относительно характеристик со-

циально одобряемых и отвергаемых обществом черт современников, демонстрируют процесс смены типа личности в это предкризисное десятилетие. На шкале иерархии ценностных черт (состоящей из двадцати пяти признаков) честность и правдивость, занимавшие в 1972 г. соответственно второе и четвертое места, переместились в 1981 г. на первое и второе. К этому времени значимыми для поляков стали такие черты как дружба, солидарность, решительность, стойкость, героизм, справедливость, равенство, что отражало настроения в польском обществе. Труд, бывший в послевоенные десятилетия общепризнанной ценностью, с которой связывались надежды на успех, стал терять свои позиции в иерархии жизненных приоритетов, так же, как и ценности образования. В общественном сознании все больше укреплялось ощущение невозможности совпадения интересов личности и государства. Таким образом, совершался поворот от общественно полезного, эффективного труда к частной жизни и гражданской протестной активности.

Сходные процессы протекали и в других восточноевропейских странах, что, естественно, было обусловлено общей траекторией общественного развития. На основе приведенных данных Н.В. Коровицына приходит к выводу, согласно которому "системный кризис польского общества 1980–1981 гг. открыл эпоху краха коммунистического режима – сначала идейного, а затем политического и экономического – не только в Польше, но и во всем бывшем советском блоке. Начался критический для судеб всего региона процесс перехода от социалистического романтизма к прагматическому либерализму" (С. 85).

В третьей главе книги рассматривается "реформированное" поколение в условиях социокультурной динамики 1990-х годов: прежде всего, это переход от революционного постматериализма к неоматериализму, переоценка сути радикальных реформ, включение в активную предпринимательскую деятельность, усвоение норм новой "культуры успеха" культуры, смена мировоззренческих ориентиров, кризис поколенческой идентичности. Весь спектр вопросов исследуется на обширном российском и зарубежном материале. Развитие практически всех стран Восточной Европы в посткоммунистический период показывает, что поколение сорокалетних больше всего пострадало в результате смены систем. Величайший драматизм положения его представителей заключался

в том, что это те самые образованные, с активной жизненной позицией граждане среднего поколения 1970-х и 1980-х годов, которые стремились к прогрессу, совершенствованию общественного устройства и подготовили почву для исторического перелома, но достойного места которым в новых условиях, как правило, не нашлось. Либеральные реформы по западному образцу сделали эту генерацию социально невостребованной и обусловили процесс простого, биологического замещения этого поколения. Тем не менее вывод автора дает основания для оптимистического видения будущего: "Коллективная память среднего поколения восточноевропейцев, являющегося живым свидетелем двух раз-

ных политических режимов, в сочетании с высоким уровнем его образования представляет собой в настоящее время важный социальный фактор на общественной сцене стран Восточной Европы. В ближайшие 10–15 лет роль этого фактора должна лишь возрастать. ...Этому поколению еще предстоит сыграть решающую роль в противодействии лавинообразно усиливающимся процессам глобализации и американизации, в поиске странами региона своего пути, сочетающего мировой исторический опыт со спецификой их самобытного национального развития" (С. 163).

© 2000 г. Л.Н. Шанишева

Славяноведение, № 3

K. ROGACZEWSKA. Niemcy w myśli politycznej polskiej opozycji w latach 1976–1989. Wrocław, 1998. 184 S.

К. РОГАЧЕВСКАЯ. Германия в политической мысли польской оппозиции в 1976–1989 годах

Политическая карта Европейского континента сильно изменилась после распада советского блока и выхода бывших социалистических стран из зоны влияния СССР. Своего рода локомотивом этого процесса выступила Польша – по причине как массовости оппозиционного движения, так и его идеологической оформленности. Эти два фактора обусловили важную роль оппозиции в общественно-политической жизни Польши и стали одним из главных аспектов рецензируемого исследования польского историка Кристины Рогачевской. Несмотря на содержащиеся в заголовке указание на "немецкую направленность" работы, автор рассматривает деятельность и идейные установки польской оппозиции применительно к более широкому европейскому контексту, частью которого являются Польша и Германия. Это вполне оправдано, так как постановка "немецкого вопроса" влечет за собой необходимость обращения к проблеме будущего Европы, а следовательно и Польши. Мысль о европейских корнях Польши и необходимости ее возвращения в орбиту европейского влияния стала тем

фоном, на котором польский историк анализирует деятельность оппозиции в указанный период. Эта идея полностью разделяется автором книги.

К. Рогачевская уделила внимание не только фактической стороне проблематики (программные установки ряда оппозиционных групп, их отношение к разделу Европы и Германии, видение будущего Европы, отношение к СССР), но и представила различные точки зрения по вопросу о классификации политической оппозиции в целом. В работе признается, что оппозиция – это институализированная, организованная, идеологически подкрепленная форма противостояния политической власти. В этом ее отличие от сопротивления, которое выражается в спонтанном противодействии. Автор приводит различные определения политической оппозиции, ссылаясь на мнение некоторых польских оппозиционных лидеров (А. Михник, Я. Куронь и др.). Общим местом приводимых примеров было стремление выделить политическую оппозицию через определение ее противника в лице тоталитаризма и "несуверенности" Польши

(Я. Куронь) или социалистической системы в целом (А. Михник). Такой подход не позволял причислить к оппозиции ряд политических организаций, отличных от ПОРП, но существовавших в условиях политической системы ПНР. В то же время определение оппозиции через ее антипод вряд ли может являться строго научным, т.е. имеющим широкое политологическое значение. Такой подход страдает чрезмерной привязкой к конкретным особенностям данной формы власти (оппозиция – это общественная сила, которая не тоталитарная, не коммунистическая, не просоветски ориентированная и т.д.) и практически лишен необходимой обобщенности.

Значительное место в монографии отведено анализу основополагающих ценностей, к которым обращалась польская оппозиция: свободе, суверенности, демократии. На многочисленных примерах автор показывает варианты трактовки этих понятий лидерами оппозиции, считая возможным использовать их в качестве критериев для классификации польского оппозиционного движения в целом. Например, понимание свободы в духе либерализма было характерно для М. Дзельского и "Группы 13", иной трактовки придерживались организации социал-демократической ориентации. То же можно сказать относительно суверенности и демократии. Автор справедливо указывает, что независимо от различных вариантов их понимания они являлись объединяющей основой для большинства течений польской оппозиции. Однако попытки ее лидеров сформулировать общую программу, по мнению К. Рогачевской, были обречены на неудачу или по крайней мере представляли собой "чистую теорию". Реалии международной ситуации, советское влияние в Восточной Европе создавали непреодолимые препятствия на пути решения даже самых скромных требований польской оппозиции.

Значительная часть монографии посвящена анализу современного положения в Европе и в мире и тем причинам, которые лежали в основе его формирования. Конкретная проблематика, отраженная в документах оппозиции и оказавшаяся в поле зрения К. Рогачевской, сводилась к следующим вопросам: роль Ялтинских договоренностей в политическом расколе Европы, возможные пути преодоления сложившейся ситуации; раздел Германии и отношение к нему польской оппозиции; проблема польско-немецких отношений в свете объединения Германии.

Опираясь на программные заявления оппозиционных групп и ряда видных деятелей польской оппозиции, К. Рогачевская предприняла попытку представить весь спектр взглядов на международную ситуацию, принимая во внимание международно-правовые, исторические, моральные категории. Наиболее распространенным в среде польской оппозиции, по мнению автора, было стремление возложить ответственность за послевоенный раздел Европы на СССР. Правда, не ограничиваясь констатацией этого факта, К. Рогачевская приводит и другую точку зрения, в соответствии с которой "близорукая политика Запада" (S. 62) создала условия для расширения зоны советского влияния в Восточной Европе. Общий же вывод состоит в том, что решающая и сугубо негативная роль Москвы в процессе формирования послевоенного устройства Европы была несравнима с влиянием Запада, который нес скорее моральную ответственность.

Вслед за либерально-демократическим крылом польской оппозиции автор рассматривает процесс формирования "ялтинского порядка" сквозь призму насилия, совершенного по отношению к Восточной Европе, в частности, к Польше. Эти обосновываются историческое право польского народа на расторжение навязанных ему условий послевоенного существования. Однако сложности на таком пути были очевидны, причем не только по причине современных военно-политических реалий, но и исторических стереотипов поведения. Большая часть польской оппозиции признавала наличие неизменных, исторически сложившихся моделей государственного поведения, выражавшихся на примере Германии и России в имперских претензиях. Применительно к СССР они проявились в так называемой "финляндизации" Европы. Борьбa с этим явлением следовало не только методами экономического ослабления СССР, но и на идейно-теоретическом уровне. Действенным инструментом должна была стать активно пропагандируемая в среде польской оппозиции идея европейского единства, органической частью которого является Польша. Это означало, что оппозиция заявляла о своей европейской идентичности и не признавала за СССР никаких прав на диктат по отношению к Польскому государству. К. Рогачевская справедливо обратила внимание на ключевой момент оппозиционной мысли – смену парадигмы мышления. Ведь право на свободу выбора реализуется не только, а подчас и не столько, на поле

практических действий, но и в процессе формирования "своей" системы ценностей.

Вопросы, связанные с существованием двух немецких государств и перспективой их объединения, также находились в поле зрения оппозиционного движения Польши и получили отражение на страницах монографии. В этой связи актуальной становилась проблема общей польско-немецкой границы, так как последствия объединения Германии оценивались неоднозначно. К. Рогачевская указывает, что определенная часть оппозиции видела опасность польской границы только в условиях существования разделенной Германии и советской гегемонии в восточной ее части. Процесс воссоединения Германии вызывал в этих кругах серьезные опасения, так как не было ясно, в каком направлении и под чьим руководством он будет происходить. Однако такая позиция не была в целом типичной. Напротив, граница по Одере – Нейсе рассматривалась как граница мира и сотрудничества при условии "освобождения Европы от призрака Ялты" (S. 91).

Важным шагом на пути к установлению бесконфликтных отношений между Польшей и Германией должно было стать освобождение от фобий и стереотипов в восприятии друг друга. В особенности это относилось к ГДР. Присоединяясь к большинству лидеров оппозиции, К. Рогачевская указывает на огромную важность контактов между населением Польши и Восточной Германии, иллюстрируя это на примере инициатив движения "Свобода и мир". Смысл предложений сводился к заключению так называемых индивидуальных мирных договоров между общественными организациями пацифистской и экологической направленности и даже отдельными лицами. Важность подобной работы была очевидной: создаваемый таким способом позитивный образ способствовал осознанию схожести проблем народов Польши и ГДР.

В отношении к ФРГ польская оппозиция руководствовалась иными соображениями. По мнению К. Рогачевской, здесь можно выделить два этапа. На первом, до развертывания деятельности "Солидарности", размышления о Западной Германии лежали в теоретической плоскости. На втором, особенно после введения военного положения, они приобрели практический характер. Характерно также, что несмотря на довольно сдержанное участие официального Бонна в польских делах после декабря 1981 г., точка зрения польской оппозиции по вопросу об объединении

Германии не изменилась. Это, как отмечает польский историк, был вопрос принципиальный, определяющий стратегическую концепцию развития Европы в будущем, так как реализация идеи европейской общности – неформального лозунга польской оппозиции – могла быть достижима только после объединения Германии.

К. Рогачевская убедительно показывает, что в рассматриваемый период происходило формирование альтернативной концепции европейского развития, что свидетельствовало о независимости политической мысли оппозиции, о стремлении наполнить новым содержанием европейские отношения. Идея бесконфликтного сотрудничества была общей позицией разных течений польского оппозиционного движения, несмотря на различия в конкретных подходах.

Внешнеполитические взгляды польской оппозиции демонстрировали стремление к переоценке многих европейских событий. Обращение к истории, отмечает К. Рогачевская, было необходимо для осознания ошибок. В то же время будущее Европы не детерминировалось ее прошлым. Традиционная сложность польско-немецких отношений должна была уступить место идеи сближения двух народов в рамках единой Европы. Польская оппозиция осознанно и целенаправленно двигалась в этом направлении. "Возвращение в Европу" было инструментом решения не только насущных политико-государственных проблем, но и полностью соответствовало историческим, культурным и религиозным традициям польской нации. В этом, как отмечает польский историк, заключалась сила оппозиционного движения Польши.

Монография К. Рогачевской затрагивает комплекс очень важных проблем, относящихся к геополитическому будущему Польши и Европы в целом. Главная идея внешнеполитической программы польской оппозиции ясна и понятна: Польша должна освободиться от пут "ялтинской системы" и, памятуя о своем прошлом, начать движение в сторону Европы. К этой точке зрения присоединяется и автор. Приводимые аргументы, подкрепленные цитатами лидеров польской оппозиции, трудно оспорить, так как ПНР действительно являлась государством с ограниченной суверенностью и неразвитыми демократическими институтами. Но сформулировать на этой основе негативную программу – это лишь часть дела. Не менее важно задаться вопросами: что ждет Польшу в процессе возвращения в Европу, который

предполагает членство страны в европейских и евроатлантических структурах?; не повлечет ли это за собой возвращение в какой-либо форме доктрины ограниченного суверенитета, с той лишь разницей, что на сей раз ее проводник окажется не в Москве, а, например, в Брюсселе? Вот проблемы, которые следовало бы поставить автору, анализируя перспективы внешнеполитической программы польской оппозиции. К сожалению, в монографии отсутствуют попытки смоделировать дальнейший ход событий, оценить потенциальные вызовы Польскому государству, которые, очевидно, будут носить не только экономический, но и государственно-правовой характер. А это могло бы помочь более трезво оценить положение Польши и в советском блоке, и после выхода из него.

Роль немецкого фактора в теории и практике польского оппозиционного движения также, на наш взгляд, не нашла полного отражения. К. Рогачевская рассматривает Германию лишь как объект политической мысли оппозиции, не уделяя должного внимания другой стороне вопроса – активной роли Германии, прежде всего Западной, в формировании внешнеполитической концепции. Ведь очевидно, что без положительной реакции ФРГ, без

ее поддержки программа польской оппозиции лишалась своего центрального звена. Готовность Запада содействовать выходу Польши из сферы советской доминанции являлась существенным конструктивным элементом мировоззрения оппозиции. Она указывала на потенциальных союзников, помогала формулировать цели и методы борьбы. Без учета этих факторов геополитические устремления польских оппозиционеров оказываются оторванными от реальностей международной обстановки, а приведенные в книге документы и авторские комментарии не дают ясного представления о степени самостоятельности польской политической мысли, в частности ее "немецкой составляющей".

Указанные недочеты, прежде всего отсутствие известной доли критичности по отношению к проектам польской оппозиции, сказались на качестве рецензируемой книги. Однако в целом монография К. Рогачевской заслуживает пристального внимания, так как она весьма удачно систематизировала взгляды различных течений польской оппозиции по проблемам будущего Польши, Германии и европейских стран в целом.

© 2000 г. К.В. Троценков

Славяноведение, № 3

A. KUSÁK. *Kultura a politika v Československu, 1945–1956*. Praha, 1998. 663 S.

A. КУСАК. *Культура и политика в Чехословакии, 1945–1956*

Среди многочисленных работ последнего времени, посвященных перипетиям послевоенной истории Чехословакии, монография Алексея Кусака выделяется обилием материала, своеобразием постановки проблем, методикой исследования.

А. Кусак – человек с широким гуманитарным образованием – на протяжении многих лет был активным участником чешской культурной жизни, выступал как искусствовед, написал несколько книг по культуре и эстетике, редактировал журналы, в том числе – в 1968 г. – один из наиболее радикальных еженедельников той поры "Student". После поражения

Пражской весны он вынужден был эмигрировать в ФРГ, где занимался в основном научной деятельностью. Работа над рецензируемой книгой была начата им в Мюнхене и завершена после возвращения на родину.

Принимая во внимание богатый жизненный опыт автора, а также то, что он приходится родственником одному из видных функционеров социалистической Чехословакии Алексею Чепичке, который занимал в те годы ряд министерских постов и был женат на дочери К. Готвальда, можно было ожидать, что рецензируемая книга носит мемуарный характер. Но это

не так. Перед нами сугубо научное историко-культурологическое исследование, базирующееся на скрупулезном анализе огромного количества фактов и документов, оснащенное подробнейшим справочно-библиографическим аппаратом, снабженное списком использованной и дополняющей литературы.

Избрав для пристального рассмотрения послевоенное десятилетие – от начала борьбы за социалистический характер освобожденной от фашистской оккупации республики до первых симптомов кризиса, породившего движение Пражской весны, – А. Кусак стремится осмыслить этот период в общем контексте чешской истории и истории культуры. Первую главу автор посвятил специфике чешского национального возрождения, вторую – развитию культуры XIX в. – до Т.Г. Масарика, С.К. Неймана, Ф. К. Шальды. Наиболее обстоятельной и ценной из глав, предвещающих основной текст исследования, представляется третья, в которой Кусак во многом по-новому показывает особенности левого фланга чешской культуры межвоенного времени, прежде всего литературы и литературной критики.

В развитии чешской культуры и политики первого послевоенного десятилетия Кусак выделяет три периода, которым соответственно посвящены главы: "1945–1948. Культура и коммунисты"; "1948–1952. Культура под властью догматиков" и "1952–1956. Первые признаки освобождения". В книге помещены также четыре кратких приложения: "Цензура", "Процессы над коммунистами", "Словакия" и "Свидетельство Алексея Чепички".

Работы о связи культуры и политики в эпоху социализма зачастую строятся так, что политическая история служит лишь фоном, на котором разворачивается движение культуры, либо же культура выступает как простое отражение политики. Кусак стремится избежать прямолинейности подобного рода, показать противоречивую сложность и постоянную изменчивость этих двух феноменов, в решающей степени определявших жизнь общества. Каждый из выделяемых им периодов (и внутренних подпериодов) характеризуется особыми культурно-политическими ходами.

1945–1948 гг. были отмечены попытками Коммунистической партии овладеть культурой как инструментом для осуществления политической цели – прихода к власти. После февраля 1948 г. положение изменилось: КПЧ поставила цель превра-

тить культуру в инструмент социалистического перевоспитания масс. По мысли Кусака, культурная политика КПЧ была наиболее результативной в самом начале послевоенного периода – до выборов 1946 г. Деятели культуры разных политических воззрений тогда добровольно объединились вокруг КПЧ, признавая за ней главные заслуги в борьбе против фашизма. Однако очень скоро – под влиянием общей обстановки в стране и в мире, под влиянием ужесточения внешней- и внутривосточной линии Советского Союза – последовало укрепление в КПЧ позиций догматизма, а в культуре все большую роль стали играть теоретики и критики ортодоксально-марксистского толка. Период 1948–1952 гг. Кусак рассматривает как "гигантскую школу социализма, разумеется, в негативном смысле" (С. 398).

Примечательно, что партийную политику в области культуры автор не изображает в виде монолита. С фактами в руках он демонстрирует порой весьма серьезные противоречия в среде коммунистических идеологов, теоретиков и деятелей культуры. Даже на самом "верху" относительно "либеральные" позиции занимали З. Неядлы, заботившийся о продолжении национальных чешских традиций, Л. Штолл и В. Копецкий, не утратившие симпатий к межвоенному авангарду. К откровенным догматикам Кусак относит таких деятелей идеологического фронта, как П. Рейман, Г. Бареш, Ф. Нечасек, И. Гендрих, как представители молодого поколения, входившие в так называемый "Кадровый состав ЧСМ" (Чехословацкого союза молодежи): П. Когоут, Я. Штерн, И. Скала, И. Гаек, а также некоторых выходцев из немарксистских кругов, таких, например, как бывшие аграрии П. Бояр и Я. Пиларж. Соперничество между этими двумя основными течениями внутри лагеря социалистической культуры Кусак подробно прослеживает на нескольких конкретных "аферах" того времени: атаке молодых догматиков на поэтический сборник Невзвала "Великие куранты" (1949), кампании против "формалистической" живописи Э. Филлы и т.п. Вершиной догматических нападков на традиции межвоенного авангарда автор считает статью 1950 г. М. Григара в журнале "Tvorba" против К. Тейге ("Тейговщина – троцкистская агентура в чешской культуре").

Вместе с тем Кусак напоминает и о практически забытых впоследствии антидогматических выступлениях некоторых молодых авторов. Таковыми он считает

статьи З.К. Слабого и В. Достала в журнале 3. Нееды "Var". Особенно высоко в этом плане он оценивает статью тогда двадцатилетнего студента В. Достала "Ярослав Сейферт и пролетарская поэзия" (1950): "Позиция Достала в тогдашней марксистской критике являлась совершенно уникальной; можно сказать, что он был единственным марксистом, который на достаточно высоком теоретическом уровне принципиально противостоял сильнейшему давлению левацкой коммунистической публицистики" (С. 301). Кусак пытается разобраться в причинах самоубийства К. Библа, тщательно анализирует гражданский и эстетический профиль большого и трагического поэта-коммуниста Ф. Галаса, который был противником догматизма. С предвоенных лет он неизменно опекал молодые таланты, и получилось так, что его оригинальная поэтика оказала большое влияние на молодое поколение поэтов — политических леваков. Возможно это, а также и некоторые другие причины подвигли Л. Штоллу на то, чтобы вскоре после смерти Галаса на заседании Союза чехословацких писателей выступить с разгромной критикой в его адрес. Этот печально знаменитый доклад был издан в виде брошюры "Тридцать лет борьбы за чешскую социалистическую поэзию" (1950) и на годы стал официальной концепцией новейшей чешской литературной истории.

Надо отдать должное стремлению Кусака к научной объективности. Он с большой лояльностью относится к своим предшественникам в исследовании предмета, в частности, отмечает позитивные моменты в трудах советских богемистов. В отличие от многих авторов последних лет, Кусак воздерживается от огульного зачеркивания социалистического прошлого, от "сильных слов" вообще, пытается выявить не всегда изначально негативные намерения даже весьма одиозных деятелей той поры. Так, в указанном докладе Штоллу он отмечает само по себе прогрессивное для того времени стремление сохранить для современной эпохи наследие части авангарда, связанной с КПЧ (Незвал и др.). Но это благое намерение не оправдывает несправедливости по отношению к Галасу, которая, по мнению Кусака, нанесла большой вред дальнейшему развитию чешской поэзии и литературной критики. Только в отдельных случаях автор позволяет себе высказать сугубо личные предположения. Так, например, говоря о докладе Тауфера на том же заседании Союза писателей, он замечает: "Доклад Штоллу развил далее

Иржи Тауфер, который в своем выступлении, если это только возможно, даже превзошел Штоллу по части догматизма и агрессивности" (С. 322), объясняя это известной закомплексованностью Тауфера, считавшего, что он недостаточно признан как поэт. Примечательно, что даже партийному начальству доклад Тауфера показался настолько резким, что он так и не был опубликован в печати.

По мнению Кусака, острота идеологической и культурно-литературной борьбы в Чехословакии начала 1950-х годов являлась следствием общей милитаризации всех сфер жизни республики. Он основывается в том числе и на свидетельстве А. Чепички о стратегическом плане И. Сталина, "целью которого было избавление Европы от присутствия американских оккупационных войск" (Приложение IV, с. 461). В соответствии с этим планом были проведены реорганизация и перевооружение чехословацкой армии, перестройка промышленности, необдуманно-ускоренная коллективизация сельского хозяйства, установлен жесткий партийный диктат в идеологии и культуре. Но одновременно с ужесточением идеологического давления то здесь, то там предпринимались попытки оспорить его крайние проявления. К ним можно отнести уже упоминавшиеся статьи Достала и Слабого в журнале "Var". А на заседании, где были произнесены доклады Штоллы и Тауфера, с возражениями против их оценки Галаса выступил Незвал, что было тем более знаменательно, если учесть, что Незвал всегда относился к Галасу ревниво-отрицательно. Но в данном случае он почувствовал угрозу для поэзии вообще и встал на ее защиту.

В монографии Кусака подробно рассматриваются изменения в культурной сфере, последовавшие за отстранением, арестом и казнью генерального секретаря КПЧ Р. Сланского. Он не ставит перед собой задачу вскрыть всю подоплеку этих политических процессов. В основном тексте книги о них говорится очень кратко, некоторые факты и детали добавлены в Приложении II ("Процессы над коммунистами") и свидетельстве А. Чепички. Но автор обращает внимание на то, что со Сланским и его ближайшим окружением было связано догматическое крыло чешской культуры, в том числе многие молодые поэты и критики. После ареста генсека представители этого крыла были подвергнуты острой критике за проявления "сланщины". Сложилась достаточно парадоксальная ситуация, о которой Кусак

пишет так: "В этих обстоятельствах ослабления в культуре проходили под прикрытием репрессивных полицейских акций, направленных против внутренних врагов" (С. 388). Отсюда он делает вывод: "Очевидно, что при определенных условиях культура может выступать в союзе с элементами, ей враждебными. Разумеется, она должна быть достаточно сильной, чтобы результаты такого объединения могли стать продуктивными" (С. 388).

На фоне непрекращающегося кризиса КПЧ чешская культура делает все более настойчивые попытки расширить границы творческой свободы. По мнению Кусака, культуре принадлежит в те годы инициативная роль в развитии всей общественной жизни: "Процесс высвобождения динамизировала культура, ставшая первой областью, которой по ходу событий 1951–1952 гг. удалось достичь определенной автономности" (С. 385). В этих целях были использованы, например, и труды И. Сталина по вопросам языкознания, опираясь на которые оказалось возможным доказать, что литературу капиталистической эпохи нельзя целиком включать в "надстройку" и это наследие может приносить пользу в эпоху строительства социализма.

В спорах о культурном наследии догматизм потерпел крупное поражение в середине 1950-х годов, когда Незвал выступил с восторженной статьей об Апполинере и его поддержал молодой поэт М. Кундера, ратовавший за широкое понимание поэтического наследия. В эссе Кундеры ("К спорам о наследии", 1955) еще говорилось о новом великом реализме, но в подтексте шла полемика с догматизмом. Как подчеркивает Кусак, "здесь не было ничего общего с социалистическим реализмом в ждановском понимании" (С. 412).

Некоторая перегруппировка и изменение позиций происходит и в высших партийных кругах культурной элиты, к которым принадлежали Неудлы, Копецкий, Штолл, Тауфер и другие: «Эта новая коалиция, в которой не раз еще поскрипывали старые противоречия, стремилась стабилизировать культурную политику коммунистической партии "умеренным прогрессом в рамках закона", т.е. антидогматизмом в рамках социалистического реализма» (С. 413). По мнению Кусака, в послевоенном развитии культуры и политики Чехословакии постоянно сталкивались и переплетались традиции межвоенного авангардизма, которые автор очень высоко ценит, и левосектантские тенденции, восходящие к пролетарско-анархист-

скому наследию. В своеобразном взаимодействии этих течений "заключен секрет движения, высшим пиком которого явилась Пражская весна" (С. 398). Автор разъясняет: "Речь не идет о синтезе этих течений, скорее можно говорить об их постепенном сближении и переплетении в соответствии с практическими политическими задачами эпохи, об их совместной борьбе против закостенелой бюрократической системы, превращающейся в режим личной власти" (С. 398). По Кусаку, наследие авангарда "воплощало в себе позитивную программу гуманистического социализма, очищенного от сектантства", поэтому оно было особенно важно, поэтому за него так горячо выступали наиболее думающие и талантливые литераторы. Но автор видит и некоторые издержки чрезмерного увлечения авангардом, ибо оно как бы "превращало его в чудодейственное средство. Он становился мифом" (С. 398).

Стремясь точнее определить специфику ситуации в Чехословакии, Кусак неоднократно обращается к тогдашнему советскому, венгерскому, польскому опыту, выходит на некоторые теоретические обобщения. Признавая высокую роль культуры в процессе демократизации, он вместе с тем отвергает упрощенный взгляд, будто все зло сталинистской Чехословакии было заключено в официальной политической линии, а позитивную политику заменяла культура: «Даже самая аутентичная культура не может чудесным образом, непосредственно и сама по себе превратиться в политику, ибо в современном обществе она подвержена процессам "отчуждения" и не действует прямо. Ее влияние обусловлено многими от нее не зависящими обстоятельствами (экономическая ситуация, политическая структура и т.п.)» (С. 437).

В заключение автор предлагает свое определение понятия "культура" в его отношении к политике. Здесь не могут не привлечь внимание такие, например, любопытные характеристики:

«1) тесное соединение культуры с моралью; отсюда – сопротивление "чистой" культуры "грязной" политике, ее совсем иное отношение к действительности; компромисс для культуры это всегда ее компрометация и не может быть результативным средством решения проблем.

2) культура слабо приспособлена для взаимодействия с властью, еще меньше – для осуществления властных функций; причина здесь не в негибкости культуры, а в ее неспособности преодолеть серьезные

моральные препоны; культура по отношению к власти неизбежно оказывается в положении Гамлета, Дон-Кихота или Швейка» и т.п. (С. 437).

Высоко оценивая книгу Кусака в целом, можно было бы поспорить с автором по поводу трактовки отдельных событий, фактов, причин и следствий поступков отдельных лиц. Например, представляется преувеличением настойчивое подчеркивание просоветской позиции президента Э. Бенеша. Озадачивает вскользь брошенное упоминание о генерале Л. Свободе как "агенте советской разведки" (С. 235). Не кажется убедительным утверждение на с. 271 и других, что после 1945 г. именно С.К. Нейман очень сильно способствовал насаждению в культуре догматизма. Конечно, по своей натуре он всегда был радикалом, мечтав поскорее уничтожить всех врагов пролетариата, но в последние годы жизни поэт был тяжело болен, практически не участвовал в политической борьбе, да и к Готвальду он не испытывал особенных симпатий, больше возлагая надежды на Запотоцкого и руководимые им Красные профсоюзы. Другое дело, что после смерти Неймана в 1947 г. и особенно после февраля 1948 г. партийные власти стали насаждать культ С.К. Неймана, как и культ Ю. Фучика, интерпретируя их творчество в соответствии со своими сугубо догматическими представлениями о социалистической культуре.

Наверное, при всем старании автору не всегда удалось избежать субъективизма, но сама манера изложения, сам его тон как бы приглашают к обсуждению проблем, к дискуссии. И это немаловажное достоинство рецензируемой книги.

Хотелось бы остановиться еще на одном вопросе более общего характера. Как уже говорилось, книга Кусака начинается с исторического экскурса в эпоху национального возрождения. В её оценке он придерживается достаточно распространенного и в известной мере справедливого суждения, согласно которому чешская культура приняла тогда на себя функцию национальной идеологии. По мнению автора, это препятствовало свободному развитию культуры, "ибо она была вынуждена подавлять свои аутентичные ценности и вместо них выдвигать на первый план суррогатную утилитарную функцию" (С. 20). И далее: "Когда другие народы, политически более опытные и суверенные, уже освобождали свою культуру от оков прежних общественных обязательств – сословных, национальных, религиозных –

и с помощью новых идеологий способствовали ее эмансипации в качестве автономной области человеческой активности, чешская культура была вынуждена двигаться в прямо обратном направлении". "В ситуации, когда чешской культуре приходилось функционировать и в качестве культуры, и в качестве политической идеологии, скрывалась опасность того, что культурный динамизм, не знающий других ограничений, кроме антропологических, будет заменен политическим динамизмом с ограниченным горизонтом и суженными целями. Также и чрезмерная пропитанность идеологией и обусловленная этим легкая подверженность манипуляциям наделяли чешскую культуру свойствами, скорее затрудняющими, чем облегчающими ее дальнейшее развитие и интеграцию в европейскую культуру" (С. 21). В чешской культуре периода национального возрождения Кусак усматривает "бидермайеровскую" умеренность и прагматичность в соединении с энтузиазмом, недооценку эстетических ценностей, акцентирует "плебейскость" чешского демократизма. Даже если автор во многом прав, суждения его нельзя не признать односторонними, да и сам он называет культурные явления и художественные достижения того времени, которые не укладываются в очерченные им параметры и отнюдь не противоречат общеевропейскому культурному движению (Маха, Гавличек-Боровский и др.).

На мой взгляд, явно односторонен Кусак и в своей негативной оценке языково-славянской "восточной" ориентации чешского национального возрождения. Он пишет: "Направленность развития чешской цивилизации всегда была западной, идея реориентации на восток противоречила самому смыслу чешского расположения в Европе и чешской истории" (С. 40). Автор указывает на идеологически-политическую "нейтральность" языковых связей, но ведь из этого еще не следует, что они не имеют существенного значения. Без возрождения и совершенствования чешского языка (а это – что делать? – язык славянский) не было бы и развития чешской культуры! Вместе с Кусаком можно осуждать панславистские заблуждения, но принадлежность чехов к славянской языковой группе отменить невозможно, и что бы мы ни говорили о "нейтральности" языкового родства, для культуры оно не может быть безразличным. Конечно, концепция "литературной взаимности славян" Коллара была утопической и ненаучной,

ее уже тогда остроумно высмеивал К. Гавличек-Боровский и не он один. Но тот же Гавличек, обличавший русский царизм и прочие "мерзости русской жизни", с усердием переводил "Мертвые души", что вряд ли можно поставить ему в вину.

На с. 40 мы читаем: "Идея славянской ориентации была защитным рефлексом национального организма, находящегося в фазе разложения и дегенерации. Она была симптомом болезни, а не выражением неких рудиментарных, здоровых, исконных элементов нации". Безусловно согласимся с тем, что славянская ориентация была "защитным рефлексом национального организма", но находился ли он в состоянии "дегенерации" либо же, пусть через кризис, двигался в направлении возрождения и подъема, опираясь на многие инокультурные достижения и традиции, в том числе – принадлежавшие славянским народам – русским, полякам и др.? По Кусаку, возрожденческая фаза развития чешской культуры завершилась только в 1956–1968 гг., когда была полностью осознана ошибочность ориентации на славянство. О сегодняшнем дне он пишет: "Заявляет о себе новая эпоха чешской и словацкой культуры, эпоха, характер которой будет определяться возвращением Чехии и Словакии в Европу, что соответствует достигнутому ими уровню культурного, социального и экономического развития" (С. 440).

Мне представляется, что в интересной и во многом пионерской монографии Кусака концепция эта, в которой ощущается дань нынешней политической моде, выполняет роль не более чем "внешнего обрамления". В самом деле, разве Чехия когда-нибудь

куда-нибудь из Европы уходила? Конечно, в чешской культуре всегда присутствовали западные влияния, то ослабевая, как в эпоху национального возрождения или на начальном этапе строительства в стране социализма, то вновь усиливаясь, как, например, в конце XIX в. или в последние годы. В конкретных случаях весьма различной была и продуктивность этих влияний. Но при этом чешская культура всегда сохраняла связи со славянским культурным миром, что приносило ей не одни лишь минусы. Абсолютизация той или иной внешней ориентации, хотя их, конечно же, надо изучать и учитывать, чревата недооценкой своеобразия данной культуры. Внутренние и международные катаклизмы и перегруппировки по-разному влияют на развитие культуры, но даже в самых неблагоприятных обстоятельствах она способна сохранить известную автономность и оказать обратное влияние на развитие общественно-политической ситуации. И монография Кусака ценна именно тем, что на обширном фактическом материале, методом сопоставления событий из разных сфер культуры и общественного бытия показывает необычайную сложность культурно-политических взаимодействий в эпоху чехословацкого социалистического эксперимента. С автором можно спорить, но несомненно, что в изучении данной проблематики сделан важный шаг вперед, и мимо книги Кусака не сможет пройти ни один будущий серьезный исследователь культуры и политики послевоенной Чехословакии.

© 2000 г. С. Шерлацимова

Славяноведение, № 3

Македония: проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999. 370 С.

Рецензируемый сборник был подготовлен в Институте славяноведения РАН (преимущественно его сотрудниками) к науч-

ной конференции российских и македонских ученых, которая состоялась в Институте славяноведения 17–19 июня 1999 г.

Македонские ученые к этой же конференции подготовили свой сборник статей, который был издан в Скопье в двух книгах – на македонском и русском языках [1]. В том же году вышел в Москве и другой сборник по македонской проблематике, изданный Московским государственным университетом – "Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте", содержащий материалы Международной конференции [2].

Названные сборники статей российских ученых и состоявшиеся в Москве конференции, а также изданный в 1997 г. уникальный по своему характеру сборник официальных документов "Македония. Путь к самостоятельности" (подготовлен Институтом славяноведения РАН и Македонской Академией наук и искусств) [3] свидетельствуют о возросшем интересе ученых России к истории и культуре современной Македонии и об открывшихся более широких возможностях их исследования, включая спорные и остро дискуссионные проблемы.

Сборник "Македония: проблемы истории и культуры" открывается небольшой по объему статьей В.К. Волкова "Македонский вопрос в политике и науке", в которой подчеркнута актуальность исследования македонского вопроса в историческом плане и охарактеризовано своеобразие подхода к его освещению в настоящее время, когда существует независимое государство Республика Македония.

Статья В.А. Шнирельмана "Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика" носит общетеоретический характер и тематически с собственно македонской проблематикой сборника не связана. На примере народов, сравнительно недавно получивших политическую независимость, Шнирельман показывает основные приемы, используемые при создании этноисторических мифов, взаимосвязь их с современной политикой и т.д. Очевидно, что положения и выводы его статьи достаточно легко проецируются на ситуацию в сегодняшней Македонии: возвеличение национального прошлого, искусственное вычленение македонского "сегмента" в культуре Первого Болгарского царства, приурочивание возникновения македонской государственности ко времени правления царя Самуила и т.д.

В ряде статей рассматриваются отдельные проблемы средневековой истории и культуры славян на Балканах. Так, в опубликованных ответах акад. Г.Г. Литаврина на вопросы редколлегии сборника

на тему "Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем" и тематически тесно сопряженной с ними статье И.И. Калиганова «Размышления о македонской "среде" палеоболгаристики» изложена объективная позиция этих ученых по поводу неправомерного использования исследователями Македонии и некоторых других стран таких дефиниций, как "древняя македонская литература", "древняя македонская держава", "древнемакедонский литературно-книжный язык" и другие, и связанной с ними соответствующей терминологии. Эта позиция отечественных исследователей принципиально важна, так как развеивает активно распространяемые некоторыми учеными этноисторические мифы, один из которых – утверждение о начале македонской письменности со времен Кирилла и Мефодия.

Медиевистской проблематике посвящена и статья Л.В. Гориной "Завоевание Болгарии Византией (конец X – начало XI в.) в Русском хронографе". Опираясь на материалы Русского хронографа 1512 г., недостаточно изученные и научно интерпретированные, Л.В. Горина восполняет некоторые пробелы в освещении исторической судьбы географической области Македония в конце X – начале XI в., когда македонские земли были завоеваны византийцами во главе с императором Василием II Болгаробойцей.

Эпохе национально-культурного возрождения македонских славян в XIX в. посвящена статья М.Г. Смольяниновой "Райко Жинзифов в России". В ней на примере Р. Жинзифова, уроженца Велеса, характеризуется проблема культурной "многодомности" деятелей прошлого столетия, родившихся в Македонии. Жинзифов считал себя болгариним и свой язык болгарским; на этом языке, отражающем местные особенности говоров, он писал свои сочинения (как и на русском языке). Его творческое наследие, подчеркивает Смольянинова, в равной мере принадлежит и македонскому и болгарскому (также и русскому) народам, а не только македонскому или только болгарскому.

В трех последующих публикациях сборника освещаются различные проблемы истории Македонии конца XIX – начала XX в., после Берлинского конгресса.

В.И. Косик в статье "Гордиев узел Балкан" характеризует Македонию того времени как средоточие сложного переплетения интересов на Балканах определенных с Македонией стран, великих европейских сил, а также внутри-

македонских движений. В статье «Мюрцштегский опыт "умиротворения" Македонии» О.Н. Исаева на богатом архивном материале анализирует опыт так называемого умиротворения Македонии, предложенного Австрией и Россией в Мюрцштегских реформах 1903 г. В.А. Бурбыга в публикации "Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912)" дает объективное освещение и взвешенную оценку отношения российской общественности к предлагавшимся решениям данной проблемы.

Три другие статьи сборника посвящены проблематике новейшей истории Македонии. Все они основываются на большом архивном материале, ставшем доступным лишь в последние годы, с чем, вероятно, и связан их больший сравнительно с другими объем.

В статье Р.П. Гришиной "Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве 1922–1924 гг." сделана попытка выяснить, каковы были источники информации по македонскому вопросу, поступавшей в начале 1920-х годов в Москву, на основе которой советское руководство и Коминтерн обратились к использованию македонской и других балканских национальных проблем в качестве средства реализации доктрины мировой революции и одновременно разрушения Версальской мирной системы. С советским вариантом федерализации Югославии, как показано в статье, было связано решение Балканской коммунистической федерации (Москва, ноябрь 1923 г.) о наличии уже в то время отдельных македонской, фракийской и добруджанской наций.

Статья Л.Я. Гибианского "Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношении между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг." посвящена исследованию вариантов планов Москвы и компартий Югославии и Болгарии в годы второй мировой войны в отношении Македонии и создания югославо-болгарской федерации. Противоречия между БКП и КПЮ, претендовавшей на ведущую роль в федерации, а также противодействие западных союзников объединению Болгарии и Югославии, несмотря на патронаж И.В. Сталина, воспрепятствовали осуществлению планов создания названной федерации. Большой интерес представляет материал о югославской программе-минимум в отношении Македонии (сохранение Вардарской ее части в составе новой Федеративной

Югославии из шести республик) и программе-максимум (присоединение к Вардарской Македонии пиринской и эгейской частей Македонии), а также варианте БКП о дуалистической федерации, в которой Болгария имела бы равные права с остальной Югославией, но не была бы ее седьмой республикой.

В более широких хронологических рамках международных отношений македонская проблема рассматривается в статье А.С. Аникеева "Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949 гг.)", в отдельных аспектах перекликающейся, закономерно, с материалом Л.Я. Гибианского. Автор сосредоточивает главное внимание на дипломатической стороне проблемы, характеризуя также планы югославского эмигрантского правительства в Лондоне и планы дипломатии Великобритании, которая ядром балканского объединения видела югославо-греческую федерацию. Представляет особый интерес и изученный Аникеевым греческий материал, например о желании части руководства греческой компартии Лерин-Костурского района, где преобладало славянское население, войти в Республику Македония в составе новой Югославии.

Заключает сборник блок из трех публикаций, посвященных лингвистическим и этнолингвистическим проблемам.

В статье Л.Э. Калнынь и Г.П. Клепиковой "Об изучении македонских диалектов как компонента славянского диалектного континуума" на богатейшем диалектном материале, включающем ценные результаты "Общеславянского лингвистического атласа" и "Общекарпатского диалектологического атласа", характеризуются место македонских говоров в общеславянском диалектном пространстве (по данным лексики) и новации в их фонологической системе. А.А. Плотникова в статье "Роль македонских материалов в этнолингвистическом изучении балканославянского ареала" на обширном этнолингвистическом материале (преимущественно из новейших македонских публикаций), касающемся некоторых традиционных народных обрядов в Македонии и их терминологии, устанавливает ряд зон их распространения на территории этой республики и сопредельных государств. Следует подчеркнуть, что в обеих статьях македонские говоры и традиционные обряды со свойственной им терминологией исследуются в широком славянском пространственном контексте, что весьма важно

учитывать при решении спорных вопросов о современных языковых и этнических границах.

Несколько особняком стоит публикация Р.П. Усиковой "К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке". В отличие от других статей рецензируемого сборника, имеющих исследовательский характер, данный материал представляет скорее юбилейно-информационный жанр. В ней характеризуется значение статьи С.Б. Бернштейна "К вопросу о форме 3-го лица настоящего времени в македонском литературном языке", опубликованной в 1948 г. в "Вестнике Московского университета" и оказавшейся первой научной статьей о новом славянском литературном языке, создание которого было декретировано в конце второй мировой войны.

В сборнике, таким образом, освещен целый ряд важных проблем истории и культуры современной Македонии. Естественно, что сборник не мог охватить весь комплекс этой большой проблематики. К числу не освещенных относятся, например, некоторые важные вопросы национально-культурного возрождения славянского населения Македонии в XIX в., в частности

вопрос об этническом самосознании македонских славян, и др. Очевидно, что этот, как и другие вопросы, могут составить предмет последующих исследований и научных публикаций.

Нет сомнений в том, что сборник "Македония: проблемы истории и культуры" привлечет внимание широкого круга ученых и общественности, интересующейся судьбой одного из славянских народов на Балканах, судьбой славянства вообще.

© 2000 г. Г.К. Венедиктов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Македонја. Прашања од историјата и културата. Скопје, 1999; Македония. Вопросы истории и культуры. Скопье, 1999 (с отдельной пагинацией содержащихся здесь статей).
2. Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте / Отв. ред. Р.П. Усикова, А.Г. Шешкен. М., 1999.
3. Македония. Путь к самостоятельности: Документы. М., 1997.

Славяноведение, № 1

Словацкая книга XVIII – начала XX в. в Славянском фонде БАН.
Каталог собрания. СПб., 1998. 110 С.

В Библиотеке Российской Академии наук (Санкт-Петербург) хранится, как известно, богатейшее собрание славянских книг XVIII–XX вв., составляющее специализированный "Славянский фонд БАН". Его важная часть – уникальная коллекция книжных и журнальных словацких изданий. В систематизированном виде эта коллекция впервые представлена в недавно опубликованном библиографическом указателе "Словацкая книга XVIII – начала XX в. в Славянском фонде БАН" (сост. О.В. Гусева и Е.В. Комиссарова).

Указатель охватывает более 400 позиций: книги, брошюры, календари, разного рода периодические издания, публикации отрисков статей и т.п. В основном эта

литература на словацком языке, но есть немало произведений на чешском и немецком языках, которые написаны или изданы словаками или же затрагивают словацкую проблематику. Включенные в указатель издания в той или иной степени связаны с историей и культурой словацкого народа, с общественно-политической жизнью Словакии и, несомненно, имеют большое познавательное и научное значение.

Библиографический материал в указателе распределен по 14 разделам, выделенным по тематическому и жанровому признакам.

Первый раздел "Библиография" содержит шесть наименований. Наиболее важ-

ные из них – два труда основоположника словацкой библиографии Л. Ризнера, прежде всего шеститомная "Bibliografia písomníctva slovenského na spôsob slovníka od najstarších čias do konca r. 1900". Turčiansky Svätý Martin, 1929–1934.

Значительный интерес представляет исторический раздел. В нем описано более 50 изданий: публикации архивных документов, протоколы политических процессов, научные сочинения, сборники статей, работы публицистического характера и другие, в том числе труды Ю. Ботто, Й.М. Гурбана, Я. Коллара, Ф.В. Сасинека, Й. Шкультеты. Хотелось бы особо отметить ряд раритетных изданий, в частности – две проповеди Я. Коллара "О добрых свойствах славянской нации" ("Dobré Wlastnosti Národu Slowanského". W Pessti, 1822), которые в 30-х годах XIX в. сыграли немаловажную роль в формировании национальной идеологии словаков.

Ценный библиографический материал содержит раздел, посвященный словацкому языку (27 позиций). Здесь прежде всего интересны первые издания кодификаторских трудов А. Бернолака, Л. Штура, М.М. Годжи и М. Гатталы, относящиеся к эпохе словацкого национального возрождения (конец XVIII – середина XIX в.). Отметим также пять лингвистических работ С. Цамбеля, который на рубеже XIX–XX вв. осуществил новую кодификацию литературных норм словацкого языка, на многие годы определившую его функционирование и дальнейшее развитие.

Более 20 наименований представлено в разделе "Фольклор. Этнография", где описываются хранящиеся в "Славянском фонде БАН" ценнейшие издания словацких народных сказок, песен, пословиц и поговорок (среди них и собрания, опубликованные в 20–30-х годах XIX в. П.Й. Шафариком, Я. Благославом и Я. Колларом).

Самый большой по объему – раздел о словацкой литературе, в котором описаны 133 позиции. В нем довольно полно отражена словацкая поэзия, проза и драматургия эпохи национального возрождения. Здесь и книги, которые публиковались еще на чешском языке (например, разные издания поэмы Я. Коллара "Дочь Славы", такой раритет, как альманах "Plody zboru učenců Reči Českoslowanské Prešporského", 1836) и произведения, написанные на первом варианте литературного словацкого языка – "бернолаковщине" (поэзия Я. Голлого), и на новом словацком литературном языке – "штуровщине" (например, творчество словацких романтиков штуров-

ского поколения: Я. Ботто, Я. Краль, А. Сладкович, С. Халупка и др.). Значительную часть раздела составляют произведения представителей словацкого реализма (С. Гурбан-Ваянский, П. Орсаг-Гвездослав, М. Кукучин и др.).

Относительно небольшой раздел (17 наименований) посвящен русской и другой зарубежной литературе. Основную часть материала составляют переводы на словацкий язык произведений славянских писателей, главным образом русских (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и А.П. Чехов). Очень важно, что в описываемой коллекции есть и первые полные переводы на словацкий язык повести Пушкина "Капитанская дочка" (пер. Ю. Маро, 1898 г.) и его романа в стихах "Евгений Онегин" (пер. С. Бодицкого, 1900 г.).

В следующих двух разделах приводятся библиографические данные о календарях, которые в середине XIX в. играли у словаков довольно важную культурно-просветительную роль, а также о детской литературе и школьных пособиях (буквари, хрестоматии, грамматики и т.п.).

Весьма информативен раздел "Культура. Наука. Просвещение. История словацкой литературы", содержащий около 50 позиций. В нем читатель найдет книги и другие опубликованные материалы, в которых освещается, в частности, история и деятельность Матицы словацкой, Университета им. Я.А. Коменского, ряда других научных, культурных и учебных учреждений. Большой интерес представляют также историко-культурные и биографические очерки о словацких писателях, ученых, религиозных, общественных и культурных деятелях (А. Сладкович, П. Орсаг-Гвездослав, Й.М. Гурбан, Шт. Мойзес, Я.А. Коменский, П.Й. Шафарик и др.).

В разделе "Библия. Религиозная литература. История церкви" среди 27 наименований отмечается несколько переводов Св. Писания на чешский язык, первый полный перевод Библии на словацкий литературный язык ("бернолаковщину"), осуществленный каноником Ю. Палковичем и изданный им в 1832 г. Кроме того, приводятся библиографические сведения о целом ряде богословских сочинений, о проповедях, молитвенниках и т.п.

В разделе "Искусство" указаны всего две книги, а в разделе "Философские науки" – лишь сочинение Д. Лаучека "Человеческое сознание" (D.Z. Lauček. Ľudské povedomie. Črty k samopoučeniu. D. 1–3. Turčiansky Svätý Martin, 1888–1892).

В следующем разделе представлена литература на словацком и чешском языках, посвященная различным проблемам естественных и физико-математических наук, а также вопросам медицины и сельского хозяйства.

Очень важные и ценные сведения предоставляет читателю раздел "Журналы", который свидетельствует о наличии в "Славянском фонде БАН" обширного собрания словацких газет и журналов середины XIX – первой половины XX в. Отметим в нем, в частности, такие издания, как литературное приложение к "Словацкой национальной газете", редактором которой был Л. Штур, – *Orol Tatránski* (Roč. 1–3, 1846–1848), а также *Letopis Matice Slovenskej* (Roč. 1–11, 1864–1874), *Národný hlásnik. Noviny pre slovenský ľud* (Roč. 1, 1868), *Časopis Muséalnej slovenskej spoločnosti* (Roč. 1–15, 1898–1912), *Luk. Literatúra. Umenie. Kritika* (red. E.B. Lukáč, 1930) и др.

Следует отметить, что все издания, названные в рецензируемом каталоге, снабжены шифрами хранения. В книге есть также алфавитный указатель (С. 98–105), составленный на основе заголовков приводимых в каталоге библиографических описаний. Примечательно, что во многих случаях помимо основных библиографических данных приводятся сведения о первоначальных владельцах конкретных изданий, о дарственных надписях, что свидетельствует об интересе русских ученых-славистов (П.А. Кулаковского, Ф.Е. Корша, И.А. Бодуэна де Куртенэ, М.П. и Н.М. Петровских, А.Н. Пыпина и др.) XIX – начала XX в. к жизни и культуре сло-

вацкого народа, о тесных русско-словацких культурных контактах (в частности отмечается несколько книг, подаренных словаками И.И. Срезневскому).

В целом рецензируемый указатель подготовлен на хорошем профессиональном уровне. Тем не менее можно отметить некоторые недочеты и погрешности, главным образом технического характера. Так, хотя как правило рядом с фамилией автора приводятся даты его рождения и смерти, в некоторых случаях они вообще не указываются (J. Gregor-Tajovský, J. Jesenský, T. Vansová) или же указывается только одна дата (рождения или смерти). Понятно, что иногда бывает затруднительно установить обе даты, но почему-то, например, указан только год рождения Е. Шолтесовой или Й. Шкултеты, хотя и годы их смерти известны: Е. Šoltészová (1855–1935), J. Škultéty (1853–1948). В алфавитном указателе на С. 100 пропущена фамилия Jancovič, Štefan, на С. 101 повторно названы 12 пунктов. К сожалению, в словацких и чешских названиях не всегда правильно проставлены диакритические значки.

Тем не менее, можно констатировать, что составители данного библиографического указателя проделали важную и очень полезную работу, создав ценное справочное пособие для словакистов и славистов, для всех тех, кто интересуется историей Словакии, наукой, культурой, литературой и языком словацкого народа.

© 2000 г. Л. Смирнов

Чтения в Абрамцево, посвященные 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

4 сентября 1999 г. в государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике "Абрамцево" состоялись очередные научные чтения. Они были посвящены 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

С приветственным словом к слушателям обратился директор музея-заповедника И.А. Рыбаков, говоривший об огромном значении А.С. Пушкина в истории русской культуры.

Конференцию открыл доклад д-ра филол. наук Е.И. Анненковой (С.-Петербург) "Болдино и Абрамцево: историко-культурные схождения". Отметив разные обстоятельства, связанные со владением этими именьями и временем проживания в них Пушкина и Аксаковых, докладчик стремился найти некое типологическое сходство в мироощущении владельцев этих литературных пенат. По мнению докладчицы, для Пушкина пребывание в Болдино совпадает с поисками устойчивости и стабильности в жизни, для Аксаковых – это приобретение единого семейного дома. В названных именьях также максимально был реализован творческий потенциал писателей и особенно ярко выражено их национально-эстетическое самосознание.

Писатель и литературовед В.С. Непомнящий (ИМЛИ РАН) тему своего доклада обозначил как «"Пророк" и его автор», но фактически представил слушателям всесторонний анализ элегии А.С. Пушкина "Под небом голубым" (1826), посвященной памяти возлюбленной поэта Амалии Ризнич. Пытаясь ответить на вопрос, почему поэт остался равнодушным к вести о смерти любимой некогда женщины, автор

доклада говорил об отношении поэта к проблемам жизни и смерти, к идеальной и чувственной любви.

Канд. филол. наук И.Л. Попова (ИМЛИ РАН) выступила с докладом «"Станционный смотритель": притча о радости». Докладчица нашла оригинальный угол зрения для анализа этого рассказа Пушкина, рассмотрев его через призму библейской притчи о блудном сыне.

Завершил чтения доклад ст. научн. сотрудника музея-заповедника "Абрамцево" И.В. Плотниковой "А.С. Пушкин в критике славянофилов". Автор попыталась выделить несколько положений, общих для мировоззрения Пушкина и славянофилов, и нашла их в тезисе о том, что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, и в критическом отношении к личности Петра I. В то же время она отметила, что славянофилы не считали Пушкина поэтом, выражающим русскую национальность, а тот, в свою очередь, критически относился к творчеству славянофилов (например, Хомякова), считая их произведения "чуждыми нашим нравам и чувствам". Только в юбилейной речи И.С. Аксакова (1880) на заседании Общества любителей русского языка и словесности заслуги поэта были оценены по достоинству. Аксаков считал, что Пушкину как русскому национальному поэту свойственны следующие черты: проникновение в глубины русского народного эпоса, сочувствие природе, изображение русской жизни с положительной стороны, безошибочное нравственное чувство, простота и искренность, чувство исторической преемственности и объективности. К этим чертам автор добавила и не замеченную

славянофилами в позднем творчестве Пушкина религиозность.

В конференц-зале дома-музея была открыта выставка иллюстраций к произведениям Пушкина из фондов музея. Для участников и гостей чтений была организована экскурсия по постоянной экспозиции музея, а также по выставке фото-

графий Веры Мамонтовой (модели В. Серова и других художников, работавших в Абрамцеве) на даче Поленова. Состоялся концерт музыкального театра "Славянский лик". Молодые исполнители представили слушателям романсы на стихи Пушкина и народные песни.

© 2000 г. М.Ю. Досталь

Славяноведение, № 3

Международная научная конференция "Демократическая революция в Чехословакии 1989 года. Предпосылки, ход и непосредственные результаты"

14–16 октября 1999 г. в Праге состоялась Международная конференция, посвященная 10-летию демократической революции в Чехословакии. Ее организаторами стали Национальный архив безопасности (Вашингтон), Чехословацкий документальный центр и Институт современной истории АН ЧР. Большую помощь в организации конференции оказали также Исторический институт Словацкой Академии наук (Братислава), Фонд Милана Шимечки (Братислава), Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР. Кроме того, финансовую поддержку форум получил от Фонда Открытое общество, фонда К. Аденауэра, фонда Г. Бёлля и фонда Симонса (Ванкувер). Конференция являлась частью международного проекта "Открытая Восточная Европа и бывший Советский Союз". В ее работе приняли участие ученые из Великобритании, Венгрии, Германии, Польши, России, США, Чешской и Словацкой республик, Швеции.

С приветственным словом к участникам конференции обратились руководитель Чехословацкого документального центра *В. Пречан* и директор Института современной истории АН ЧР *О. Тума*.

Конференция проходила три дня и была организована по заседаниям, посвященным отдельным темам. Первое из них называлось "Международные предпосылки и контекст событий". Влиянию революционных событий в соседних странах на Чехословакию были посвящены доклады *А. Пачковского* (Варшава), *З. Рунна* (Будапешт) и *А. Миттера* (Берлин). *Г.Х. Шахназаров* (Москва), размышляя над вопросом,

что считать решающим в революциях конца 1980-х годов, внутренний или внешний фактор, высказался за то, что внутренний фактор был все же основным, так как свидетельствовал о готовности общества воспринять и откликнуться на новую внешнеполитическую ситуацию в мире. Вместе с тем он отметил огромное значение внешнего фактора. Будучи советником М.С. Горбачева и хорошо зная реалии того времени, Шахназаров сосредоточил внимание на положительных моментах "перестройки" как импульса для перемен в странах Центральной и Восточной Европы и как отказа от политики применения силы и вмешательства во внутренние дела стран ОВД. Доклад профессора университета Упсалы *К. Дурмана* был посвящен внешней политике СССР и США в Восточной Европе. Дискуссия началась уже в ходе его выступления. Дурман согласился с Шахназаровым в том, что чехи и словаки освободили себя сами, но категорически возражал против того, что Горбачев отказался от политики вмешательства во внутренние дела социалистических стран. Горбачеву был обращен и его упрек в том, что он не выступил с переоценкой событий 1968 г. в Чехословакии и тем самым объективно поддержал стоявших у власти "нормализаторов". Вместе с тем Дурман предостерег присутствующих от преувеличения влияния Запада, заявив, что в восточной политике США Чехословакия никогда не играла самостоятельной роли. Восточная Европа мало интересовала США, и никакой реальной помощи западных стран в революциях 1980-х годов не

было. Значение Запада сводилось только к психологическому воздействию. Уже само по себе существование западных демократий являлось примером для подражания. Доклады первой секции вызвали множество вопросов и оживленную дискуссию.

Вторая половина дня 14 октября была посвящена обсуждению вопросов, связанных с состоянием чешского и словацкого общества накануне революции. С докладами выступили чешские и словацкие исследователи *М. Ванек, Л. Липтак, О. Тума, О. Турек, Э. Ворачек*, а также *П. Питхард* (Сенат ЧР). Докладчики дали объективную картину состояния чешского и словацкого общества накануне революции, показали существенное различие ситуации в Чехословакии от таковой в Польше и Венгрии в конце 1980-х годов, что было связано с событиями 1968 г. и поражением "Пражской весны". Начиная с 1969 г., КПЧ всю деятельность строила в рамках брежневской доктрины "братской помощи". Поэтому и переворот 1989 г. был вызван не реформами в самой партии, а деятельностью оппозиции, диссидентов. В условиях кризиса были созданы новые структуры, которые в скором времени стали ведущей силой в обществе. В Словакии политические причины переворота преобладали, экономический кризис там был не столь острым. В словацкой политической культуре, в экономике ощущалась сила инерции. Противоречивым было и отношение к чехословацкой федерации. По мнению Липтака, к революции был готов лишь небольшой сегмент словацкого общества. В докладах рассматривались также вопросы формирования основ гражданского общества, позиция студентов в ходе осенних событий 1989 г., влияние кризиса в ГДР на общественное сознание в Чехословакии, левая оппозиция в КПЧ, готовность диссидентов к ноябрьским событиям в Праге и Братиславе. В дискуссиях к докладам активно участвовали Ю.С. Новопашин, Я. Рихлик, Ф. Куделка и др.

Заседания 15 октября были посвящены так называемой "устной истории", т.е. воспоминаниям участников революционных событий конца 1989 г. в Чехословакии. Со вступительным словом выступил историк *Й. Сук*. Деятели Гражданского форума *В. Ганзел, Э. Крисева, С. Милова, Р. Паллоуш, П. Питхард* помогли восстановить хронику событий первых трех недель революции, рассказали о политической стратегии оппозиции, формировании структуры Гражданского форума, изменении

представлений о его роли в обществе. Дискуссия, возникшая после заседания, касалась различных сюжетов, в том числе вопроса о встречах А. Дубчека с В. Гавелом, а также предположения о существовании между ними устной договоренности о выставлении кандидатур на первые (декабрь 1989 г.) и вторые (июнь 1990 г.) президентские выборы.

В 14 часов на конференцию прибыл президент Чешской республики *В. Гавел*, который в течение получаса отвечал на вопросы собравшихся. В ответе на вопрос: как были подготовлены диссиденты к развитию событий? президент отметил, что внутренняя готовность имелась, прошло организационное собрание, была политическая программа, но проекта Конституции выработано не было. Гавел высказался в том смысле, что ему "подозрителен тот, кто подготовлен к истории"; по его мнению, это как раз то, что отличало коммунистов. На вопрос о международном контексте событий, Гавел ответил, что, безусловно, внешний фактор играл большую роль, без соответствующих международных условий вряд ли можно было так легко свергнуть существовавший коммунистический режим. В этом смысле "перестройка" Горбачева, "Солидарность" в Польше, свободные выборы В. Ярузельского, исход восточногерманского населения, слом берлинской стены оказали большое влияние на обстановку в Чехословакии. Но особенность событий в Чехословакии состояла в том, что рыночную экономику, права человека хотели ввести, не проходя фазу полукommunизма. КПЧ являлась партией, которая не способна была реформироваться, так как еще в 1960-е годы изгнала всех мыслящих людей из своих рядов. Поэтому чехословацкое движение было оригинальным в своей изначальной демократической направленности. На вопрос Шахназарова: лучше ли ныне обеспечена безопасность в Европе, чем десять лет назад, принимая во внимание события в Косово? чешский президент заявил, что сейчас ситуация иная: нет стратегической напряженности военнополитических блоков, однако есть угроза другого типа – возможность усиления организованной преступности, фундаменталистов, обострения региональных национальных конфликтов, угроза терроризма. Задача НАТО и ОБСЕ состоит в том, чтобы анализировать новые виды опасности. Гавел ответил также на вопросы о функциях Гражданского форума, об определении поворотного момента в событиях

десятилетней давности, о своих встречах с Дубчеком.

Выступавшие на втором заседании этого дня деятели Общества против насилия *С. Шомолани, Я. Будай, М. Кусы, Ф. Миклошко, Л. Снопко, П. Заяц и Л. Шигети* восстановили перед собравшимися хронику перехода от тоталитарного режима к демократическому в Словакии. Круг обсуждаемых вопросов был достаточно широк: роль ОПН в революции, католическое христианское диссидентское движение в Словакии, связи чешской и словацкой альтернативной культуры, кульминация словацких событий, мифы и ошибки толкования деятельности ОПН, венгерское национальное движение в Словакии. Дискуссия, кроме прочих вопросов, затрагивала проблему чешско-словацких отношений, федерации и распада государства в 1992 г. В выступлениях прозвучал тезис о том, что федерализация на национальной основе непродуктивна, она должна строиться на гражданском принципе.

Вечернее заседание этого дня было посвящено взгляду чехословацких политических эмигрантов двух волн (1948 г. и 1968 г.) на события в Чехословакии 1989 г. В нем участвовали *П. Тигрид, К. Шварценберг, П. Пехачек, М. Горачек, И. Медек и Й. Груша*. Они рассказали о своих судьбах, во многом очень разных, но которые объединяет драма вынужденной эмиграции из-за политических убеждений.

Последний день конференции прошел под знаком теоретического осмысления событий конца 1980-х годов. Что произошло тогда – революция? переворот? В этот же день рассматривались проблемы переходного периода (до июньских выборов 1990 г.). Доклады и дискуссия выявили существование самых разных взглядов по данному кругу вопросов. По мнению *Я. Мечиржа*, митинги, демонстрации ноябрь–декабря 1989 г. – не революция, но то,

что происходило за эти десять лет, безусловно, революция, если понимать ее как структурные изменения в обществе. *Шомолани* привела социологическую типологию смены режимов, одной из форм которой является революция. Она определила существовавший до 1989 г. в Чехословакии режим как "замерзший", посттоталитарный. *Шомолани* считает, что в Чехословакии была отчасти "переговорная революция" на фоне развала старого режима. Во многих докладах прозвучала мысль о том, что революция – это не возврат к старому, а движение вперед. Дискуссия по этим вопросам была весьма острой, в ней активно участвовали *Г.Х. Шахназаров, В.К. Волков, Ю.С. Новопашин*.

Во второй половине дня Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР провела "круглый стол" под названием "Последствия реформ Горбачева в советском блоке". Вели "круглый стол" председатели российской и чешской частей комиссии академик *Г.Н. Севастьянов* и доктор *В. Пречан*. Выступления *Г.Х. Шахназарова, В.К. Волкова, Ю.С. Новопашина, Б.И. Беленкина, Э.Г. Зидорожнюк, В.В. Марьиной и И.С. Яжборовской* касались внутренних и внешних аспектов революции 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы и вызвали большой интерес участников конференции, множество вопросов и оживленную дискуссию.

Конференция стала важным этапом не только в познании и осмыслении истории революций конца 1980-х годов, но и импульсом для их дальнейшего изучения и более широкой общественной дискуссии. На конференции было заслушано сорок докладов, семь докладов сделано на "круглом столе". Результаты исследований чешских ученых в виде шести печатных работ были вручены всем участникам форума.

© 2000 г. *Е.П. Серапионова*

ПАМЯТИ НИНЫ ТИМОФЕЕВНЫ САПРОНОВОЙ

(1928–1999)

18 ноября 1999 г. ушла из жизни профессор Воронежского Педагогического университета, доктор исторических наук Нина Тимофеевна Сапронова, автор многочисленных работ по новой и новейшей истории Болгарии, неизменный участник Межвузовских славянских форумов 1960–1980-х годов, член редколлегии сборника "Вопросы истории славян". Воронежская славистика потеряла в лице Нины Тимофеевны одного из ее лидеров, талантливого ученого, замечательного педагога, душевного, отзывчивого человека. Пройдя в Воронежском государственном университете школу видного отечественного историка И.Н. Бороздина, Н.Т. Сапронова вынесла из нее верность лучшим традициям отечественной науки, стремление к постоянному исследовательскому поиску, широкому научному общению, передаче знаний новому поколению славистов.

В научном творчестве Н.Т. Сапроновой можно выделить четыре основных тематических направления. Первое из них представлено ее кандидатской диссертацией "Захарий Стоянов как историк и политический деятель" (1955) и рядом статей по данной теме. В советской славистике они были одним из первых обращений к болгарской либеральной историографии национально-освободительного движения XIX в. Уже в этих работах Нина Тимофеевна продемонстрировала сочетание качеств источникововеда и историографа, умение избегать односторонних оценок, представив личность З. Стоянова в полноте и многообразии ее деятельности.

Вторая, главная тема научной работы Н.Т. Сапроновой была связана с выяснением роли болгарского учительства в общественной жизни страны в первой четверти XX в. Традиционное для советской историографии название монографии "Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии 1917–1923 гг." (1981) и докторской диссертации (1983) позволило, тем не менее, поставить далеко не традиционный для того времени вопрос об интеллигенции как значимой социальной силе, влиявшей на ход общественного развития. Выявленный в 14 архивохранилищах СССР и НРБ материал дал основание для аргументированного утверждения ученой об активном участии болгарского учительства во всех важнейших общественно-политических акциях в Болгарии 1917–1923 гг.

Открытие фондов российской эмиграции в отечественных архивах предопределило постановку Н.Т. Сапроновой темы публицистического и литературного наследия одного из старейших писателей-эмигрантов 1920–1930-х годов Вас. И. Немировича-Данченко. В серии статей исследовательница обозначила главные направления творческой деятельности писателя в эмиграции, определила его педагогические воззрения, вместе со своей ученицей Е.Б. Бахтиной проанализировала эволюцию взглядов Вас. И. Немировича-Данченко от революционного демократизма к либерализму.

Четвертой, завершающей темой научного творчества Н.Т. Сапроновой стало обращение к биографии воронежского слависта Г.И. Липатниковой (1923–1992) и освещение воронежского этапа в жизни и творчестве В.А. Дунаевского (1919–1998). Перо автора воскрешало их живые судьбы, схожие черты пути в науку столичного и провинциального ученых.

Теперь не стало и самой Нины Тимофеевны. Но память о ней ее учеников – кандидатов наук и аспирантов, студентов педагогического университета, внимавших ее ярким, эмоциональным зарисовкам событий западноевропейской истории Нового времени, коллег по кафедре зарубежной истории ВГПУ, которую она возглавляла в период становления, воронежских славистов и всех, кто ее знал, а также научные труды Н.Т. Сапроновой не позволят кануть в Лету ее имени.

© 2000 г. С.П. Боброва

Славяноведение, № 3

ПАМЯТИ ПРОХОРА НИКОЛАЕВИЧА ОЛЬШАНСКОГО

(1913–1999)

9 декабря 1999 г. скончался один из старейших сотрудников Института славяноведения РАН Прохор Николаевич Ольшанский. В годы Великой Отечественной войны он с оружием в руках защищал Родину на белорусской земле, являлся секретарем подпольного райкома комсомола, заместителем командира партизанской бригады, уполномоченным ЦК комсомола Белоруссии. Был награжден орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, медалью "Партизану Отечественной войны I степени" и др.

В 1952 г. Прохор Николаевич окончил Белорусский государственный университет, затем успешно защитил кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС, работал в аппарате ЦК КПСС, вскоре перешел на научную работу. С 1959 г. – Прохор Николаевич сотрудник Института славяноведения АН СССР, с 1973 г. – доктор исторических наук, с 1986 г. – ведущий научный сотрудник-консультант, с 1988 г. – на пенсии.

П.Н. Ольшанский внес важный вклад в развитие отечественного славяноведения. Он был специалистом широкого профиля, но основные его научные интересы касались новой и новейшей истории Польши и истории русско-польских и советско-польских отношений. Им были опубликованы монографии: "Декабристы и польское национально-освободительное движение" (М., 1959); "Рижский мир" (М., 1964); "Рижский договор и развитие советско-польских отношений в 1921–1924 гг." (М., 1974).

П.Н. Ольшанский участвовал в подготовке нескольких коллективных монографий и сборников статей, посвященных истории советско-польских отношений (в качестве автора и члена редколлегии), в том числе: "Очерков истории Народной Польши", "В.И. Ленин и Польша. Интернациональные связи. История и современность", "Очерков современного социально-политического развития социалистических стран".

Более 25 лет жизни Прохора Николаевича были связаны с созданием многотомной серии "Документы и материалы по истории советско-польских отношений", издававшейся совместно с польскими научными и архивными учреждениями. Участвуя в подготовке всех ее 12-ти томов, он являлся в разное время заместителем главного редактора, членом редколлегии, составителем, редактором отдельных томов. Его работа над этим изданием была отмечена премией АН СССР и Польской академии наук.

П.Н. Ольшанский принимал активное участие во многих научных конференциях, проходивших в СССР и за рубежом, выступал на них с докладами по актуальным научным вопросам. У него было много друзей среди польских историков. Он был опытным лектором и одним из организаторов лекционной работы в Киевском районе Москвы, в течение ряда лет выполнял большую работу в качестве председателя экспертной комиссии Института по исторической проблематике.

В Институте уважали и любили Прохора Николаевича за его обширные знания, готовность поделиться ими с молодыми сотрудниками, внимательное отношение, доброжелательность. Память о нем останется в сердцах его друзей и коллег.

© 2000 г. И.И. Костюшко, О.Н. Майорова

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ХАНСА-ИОАХИМА ТОРКЕ

15 января 2000 г. после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни выдающийся ученый, историк-славист профессор Ханс-Иоахим Торке, многие годы возглавлявший Отделение истории Института Восточной Европы Свободного университета Берлина.

Х.-И. Торке родился во Вроцлаве. Возможно, атмосфера этого города, во многом олицетворяющего историческую взаимосвязанность судеб славянских и германских народов, повлияла на выбор жизненного пути будущего ученого, когда он решил посвятить себя славистике. Его профессиональная учеба началась в университете Геттингена, была продолжена в Колумбийском университете (США), а завершилась в Свободном университете Берлина, где под руководством профессора В. Филиппа Х.-И. Торке в 1965 г. защитил магистерскую работу на тему: "Русское чиновничество в первой половине XIX века", которая спустя два года была им опубликована. В 1973 г. состоялась его защита диссертации, а в 1976 г. он возглавил кафедру в Институте Восточной Европы Свободного университета Берлина.

Сфера научных интересов профессора Торке была весьма широка и разнообразна. Как руководитель университетской кафедры, он читал общие и специальные курсы по истории России с древнейших времен до наших дней. Однако главное внимание, как ученый-исследователь, он уделял истории государственных учреждений России XVI–XIX вв., рассматривая ее в широком контексте сословных и социальных отношений. С этой точки зрения характерны такие работы, как "Общество и государство в Московском царстве. Царь и Земля в русском законодательстве. 1613–1689 гг." (Лондон, 1974); "Проблема абсолютизма в советской историографии" (Берлин, 1973).

В 1980–1990-е годы профессор Торке существенно расширил область своих исследований, дополнив их новыми направлениями, в частности, он сосредоточился на социальной истории раннего Нового времени, на истории Украины и русско-украинских отношений. Большое внимание в этот период он уделял работам по историографии. В качестве примера можно привести изданные профессором Торке "Лексикон русской истории. С древнейших времен до Октябрьской революции" (Мюнхен, 1985) и "Исторический лексикон Советского Союза 1917/22–1991 гг." (Мюнхен, 1993), а также такие его работы как "Автократия и абсолютизм в России. Содержание понятий и периодизация" (Штутгарт, 1986); "История России до 1917 г. в новейших дебатах советских историков" (Берлин, 1990); "Нежеланный альянс. Политические взаимоотношения Московского государства и Украины в XVII в." (Эдмонтон, 1992); "Народники и Александр II. 1881 год" (Кельн, 1996).

Сочетая с научной работой труд педагога, высоко оцененный коллегами и снискавший ему искреннюю любовь и благодарность студентов, Х.-И. Торке немало сил посвящал работе по руководству Институтом Восточной Европы Свободного университета Берлина, с которым была связана вся его жизнь. Многие годы он являлся членом Ученого совета института, руководил отделением истории, а с 1979 по 1981 гг. был директором института.

Профессор Торке не раз посещал Россию и Украину. В отношении к нашей стране его отличали не только глубокий академический интерес как ученого, не только блестящее владение русским языком и детальное знание реалий русской жизни как в прошлом, так и в настоящем, но и искренняя заинтересованность нашими сегодняшними проблемами и уверенность в их благополучном разрешении. Как ученый и друг нашей страны, Х.-И. Торке никогда не ставил под сомнение принадлежность России к семье европейских народов, видел в сотрудничестве России и Германии мощный стимул для становления единой Европы.

Говоря о профессоре Торке, нельзя не упомянуть о его незаурядных человеческих качествах, которые, наряду с его профессиональными достоинствами как ученого-историка и педагога, снискали ему заслуженные уважение и любовь коллег, студентов и друзей. Среди его многочисленных талантов, наверное, одним из наиболее ценных для окружающих, для всех, кто его знал, было умение дружить. Более 30 лет искренняя дружба связывала его с профессором В. Филиппом, а вокруг них объединился целый кружок друзей. Сплотившее их студенческое братство не померкло с годами, а узы дружбы стали только прочнее, во многом благодаря Х.-И. Торке.

Профессор Х.-И. Торке был широко известен среди российских историков и славистов как выдающийся специалист в области российской истории, истории Украины и Белоруссии, как талантливый организатор исторической науки, как замечательный педагог, открывший путь в науку многим ученым. Немецкая наука в целом и немецкая славистика в частности понесли тяжелую утрату. Горько сознавать, что оборвалась жизнь человека, который мог еще многое сделать для продолжения более чем вековых славных традиций Берлинской школы славистических и восточноевропейских исследований, что многие из творческих замыслов профессора Торке так и останутся не воплощены.

© 2000 г. *Б.В. Носов*

Славяноведение, № 3

ПАМЯТИ ЗБИГНЕВА ЯРОСИНЬСКОГО

(1946–2000)

Из Варшавы пришла скорбная весть: 13 января 2000 г. ушел из жизни Збигнев Яросиньский, талантливый исследователь польской литературы XX в. и педагог, наш коллега и друг.

Збышек – только так, с любовью к нему, называли его многочисленные друзья и товарищи – родился в Варшаве в 1946 г. После окончания филологического факультета Варшавского университета в 1969 г. он до конца жизни работал в Институте литературных исследований Польской академии наук. Здесь он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, издал несколько книг, опубликовал множество статей. В разные годы ему довелось быть руководителем отдела современной литературы, заведующим аспирантурой, заместителем директора Института. Многие годы работу в Институте он совмещал с преподаванием польской литературы в университете в Белостоке.

Исследования Збышека свидетельствуют о его незаурядной эрудиции и о совмещении в его работах творческого, можно сказать, поэтического воображения с научной точностью и систематичностью. Любовь к польской поэзии и ее доскональное знание проявились, в частности, в его фундаментальной публикации «Антология польского футуризма и "Нового искусства"» (1978). Тщательно проследив судьбы этого направления в польской литературе на фоне западноевропейской и русской, он пришел к выводу, что оно не осталось только "прекрасной легендой" в истории польской поэзии и художественной мысли, внесло в польскую литературу ключевые проблемы и опыт европейского авангарда.

Исследование эволюции польской поэзии XX в. – от символизма до так называемой "Новой волны" 1970-х годов – было проведено Збышком в книге "Облики поэзии" (1985). В ней поэзия понимается как форма интеллектуальной активности и рассматривается в разных контекстах – в собственно польском литературном, в общеевропейском, в том числе русском, в мировоззренческом, в социологическом.

В монографии "Литература и новое общество" (1983) Збышек реконструировал программные положения польской левой литературной мысли межвоенного двадцатилетия (прежде всего авангардного направления и "пролетарского" течения) и воплощения их в литературной практике; в книге "Литература 1945–1975 гг." (1996) одним из первых отважился на обобщение польского литературного процесса в весьма сложный для польского общества и литературы период. Незадолго до смерти Збышека, в конце 1999 г., вышла в свет его последняя книга "Соцреализм над Вислой" – история социалистического реализма в послевоенной польской литературе, написанная ярко и образно и без обличительного

публицистического пафоса и сарказма, часто присущих другим авторам, писавшим в последнее время на эту тему.

Збышек опубликовал много статей в научной печати по проблемам польской литературы XX в., теории литературы, польско-русских литературных связей. Не раз он публиковался и у нас ("Реалистическая традиция в современном литературном сознании" (1978); "О поэзии Владислава Броневского" (1978); "Развитие польской литературной мысли в 1945–1948 гг." (1986) и др.). Своей последней публикации у нас – статьи «Формирование образа "советского человека" в польской поэзии 50-х годов» Збышек не дождался. Книга "Поляки и русские глазами друг друга" с материалами совместной конференции двух наших Институтов (Москва, октябрь 1997 г.) запоздало вышла лишь в этом году.

Збышек не раз бывал гостем Института славяноведения РАН – и в научных командировках, и как участник конференций и симпозиумов. Встречи и беседы с ним в Москве и Варшаве, чтение его книг и статей помогали в нашей работе. Его знания польской литературы были обширны, его советы – всегда дельными. Мы высоко ценили Збышека как глубокого исследователя и как замечательного человека. Он являлся очень обаятельной и удивительно располагающей к себе личностью – скорее всего потому, что ему в высшей степени были присущи доброжелательность к людям, справедливость и порядочность. Со смертью Збышека Ярославского полонистика потеряла одного из своих ярких представителей, его друзья – важную частицу своей жизни, своего духовного мира. Он навсегда останется в наших сердцах, в нашей памяти.

© 2000 г. *Коллеги*

Новые издания Института славяноведения РАН

- В 1997–1999 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:
- Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- *Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- **Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- *История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- *Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- *Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
- *Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- *Натура и культура. М., 1997.
- Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- **Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- *Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- *Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- *Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- **Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- **Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- **Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- Заборова Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- **Мургулия М.П., Шуширин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
- *Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- *Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М., 1998.
- Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- *Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- *Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- **Шемакин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- *Автопортрет славянина. М., 1999.
- *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. М., 1999. Вып. 1.
- **Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- *Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.

- *Геннадис. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- **Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- *Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999.
- **Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.
- **Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.
- **Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.
- *Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
- *Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- *Польша и Европа в XVIII в. М., 1999.
- *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- *Славянский альманах. 1998. М., 1999.
- **Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.

Книги, отмеченные звездочкой. Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии. М., 1999. 260 С.

В сборник вошли уникальные материалы из Центрального архива ФСБ РФ, связанные с арестом в июне 1941 г. органами НКВД крупнейшего венгерского философа и литературного критика Д. Лукача. В приложении представлены документы о пребывании Д. Лукача в СССР в 1930–1940-е годы. В книгу также включены подробные научные комментарии и очерк жизни и творчества ученого.

НИКИФОРОВ К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. 262 С.

Автором книги является один из бывших спичрайтеров Б.Н. Ельцина, профессиональный историк, специалист по Югославии. В годы боснийской войны (1992–1995) он неоднократно бывал в Югославии и Республике Сербской, принимал участие в разработке альтернативной позиции российского руководства в югославском урегулировании. Жанр книги необычен. Его можно назвать мемуарным и одновременно научно-историческим и источниковедческим.

ВАСИЛЬЕВ М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. 328 С.

Монография является первым в историографии комплексным исследованием проблем, связанным с функциями, обликом, временем и путями проникновения в восточнославянское язычество иранских (сармато-аланских) по своему происхождению богов Хорса и Семаргла, а также "первой религиозной (языческой) реформой" (980–988) великого князя Владимира

Святославича. В Приложениях рассматриваются вопросы о соотношении словен и антов раннесредневековых письменных памятников и о новгородской Перыни как гипотетическом месторасположении капища Перуна в годы языческого реформирования Владимира. Книга написана на основе обширного круга источников (письменных, лингвистических, фольклорных, изобразительных и иных), принадлежащих к различным лингво-культурным и религиозным традициям (славянской, иранской, индийской и др.).

VASILYEV M.A. Eastslav Paganism on the Eve of Rus'Christening: Religious and mythological interaction with the iranian world. Pagan reform of grand duke Vladimir. Moscow, 1999. 328 P.

The monograph is devoted to the problems of functions, aspects, times and ways of penetration into eastslav paganism of the gods Chors and Semargl (iranian, sarmat-alanian by origin) and to the "first (pagan) religious reform" (980–988) of grand duke Vladimir. The author is also analysing in the ethnohistorical aspect the issue of correlation of slovene and anti of Early Middle Ages sources and also the issue of Novgorod Peryn' as hypothetic location of god Perun idol in the times of the pagan reform.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> (Moscow). The Revolutions 1989 and the Turn to the New Regional Identity in the East European Countries (Based on the Gorbachov's Fund Archives)	3
<i>Korovitsyna N.V.</i> (Moscow). The Most "Satin" Revolution: "The Czech Man" on the Background of the Social Changes.....	16
<i>Engelgardt G.N.</i> (Moscow). Russia and the Crisis in Bosnia, 1992. The Creation of the Approach to Regulation.....	27
<i>Kostyushko I.I.</i> (Moscow). About the Polish Prisoners of War in 1920	42
<i>Shemyakin A.L.</i> (Moscow). Nikola Pasic's Russophilia: the Researchers Evaluations and the Real Nature.....	63

COMMUNICATIONS

<i>Matveeva A.G.</i> (Moscow). The Policy of the Kaprivi's Government in the Field of Polish Language Teaching in the Poznan province in 1890–1894ies	71
<i>Labyntsev Yu.A., Shchavinskaya L.L.</i> (Moscow). The Literary Legacy of the "Orthodox Christian Poles"	81

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zudinov Yu.F.</i> България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси "Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година", "Коминтернът, Коминформбюро и България".....	90
<i>Stykalin A.E.</i> Yu. Sergeev, Ar.A. Ulunyan. Не подлежить оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914 гг. (Off the Record. The Military Agents of the Russian Empire in Europe, 1900–1914).....	92
<i>Melnikov G.P.</i> Роль религии в формировании южнославянских наций.....	95
<i>Shanshieva L.N.</i> N.V. Korovitsyna. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века.....	99
<i>Troshchenkov K.V.</i> K. Rogachewska. Niemcy w myśli politycznej polskiej opozycji w latach 1976–1989.....	101
<i>Sherlaimova S.A.</i> Kusák. Kultura a politika v Československu. 1945–1956.....	104
<i>Venediktov G.K.</i> Македония: проблемы истории и культуры.....	109
<i>Smirnov L.N.</i> Словацкая книга XVIII – начала XX вв. в Славянском фонде БАН.....	112

SCIENTIFIC LIFE

<i>Dostal M.Yu.</i> The Readings in Abramtsevo Devoted to A.S. Pushkin's 200 Anniversary	115
<i>Serapionova E.P.</i> The International Scholarly Conference "The Democratic Revolution in Czechoslovakia 1989".....	116

PERSONALIA

<i>Bobrova S.P.</i> In Memoriam of Nina Timofeevna Sapronova (1928–1999)	119
<i>Kostyushko I.I., Majorova O.N.</i> In Memoriam of Prochor Nikolaevich Olshansky (1913–1999)	120
<i>Nosov B.V.</i> In Memoriam of Hans Joachim Torke.....	121
In Memoriam of Zbigniew Jarosinsky (1946–2000).....	122
The New Publications of the Institute of Slavic Studies of RAS	124

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.02.2000	Подписано в печать 07.04.2000	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать.	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отг. 6,2 тыс.	Уч. изд. л. 12,0	Бум.л. 4,0
Тираж 587 экз.		Зак. 3537		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер.. 6
E-mail: vasiljev@FL09.tower.ras.ru

Международное академическое агентство "Наука"

*Располагаясь в нескольких минутах езды до Кремля,
в начале Ленинского проспекта, гостиница "Академическая"
предлагает гостям свои услуги*

Уникальное месторасположение гостиницы на пересечении транспортных артерий города позволяет гостю добраться до любого объекта столицы в кратчайшие сроки. В пяти минутах ходьбы от гостиницы находится Парк культуры и отдыха с многочисленными аттракционами, ресторанами и кафе, знаменитым Нескучным садом. Рядом – Третьяковская галерея и Выставочный центр на Крымском Валу.

В гостинице 15 этажей, 247 номеров: 145 одноместных, 48 двухместных, 42 полулюкса и 12 номеров люкс.

К услугам гостей:

- Ресторан
- Буфет
- Банкетный зал
- Бильярд
- Конференц-зал на 50 человек
- Континентальный завтрак в ресторане

Начатая частичная реконструкция гостиницы позволит создать дополнительные удобства и комфорт нашим клиентам, в первую очередь, за счет качественного улучшения номерного фонда, расширения номенклатуры предоставляемых услуг.

Кроме гостиничных услуг, мы готовы предложить офисы в аренду в нашем комплексе. Полагаем, что иметь офис в столь престижном и оживленном месте – залог успешного бизнеса.

В гостиничный комплекс входит корпус "УЗКОЕ", расположенный в живописном тихом зеленом районе в юго-западной части города, недалеко от усадьбы "Узкое" – памятника истории и архитектуры.

В "УЗКОМ" имеется 104 номера, из них 52 одноместных, 40 двухместных, 8 полулюксов и 4 номера люкс.

Для проведения конференций, деловых встреч, семинаров и приемов (до 300 человек) к Вашим услугам конференц-зал, банкетные залы, оснащенные современной аудиовизуальной техникой.

Гостиница "Академическая" *А* Гостиница "Узкое"

117049, г. Москва, Ленинский пр., д. 1/2

Служба размещения

☎ (095) 237-05-14; 959-81-57; 237-28-90

Факс: (095) 238-25-39

117321, г. Москва, Литовский бульв., д. 3а

Служба размещения

☎ (095) 427-36-11, 427-01-11

Факс: (095) 427-56-00

Отдел продаж

☎/факс: (095) 238-50-39